

Русская
Военная
Сила
Святославъ
Іоаннъ Грозный
Очеркъ развитія
выдающихся военныхъ
событій отъ начала
Руси до нашихъ дней
изданіе
И. Н. Кушнерева.
Выпускъ 4й.
Составлено
Груп. Офицеровъ
Генеральнаго
Штаба
въ
Петръ

РУССКАЯ
ВОЕННАЯ СИЛА.

Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій
отъ начала Руси до нашихъ дней.

**Составлено группою офицеровъ Генеральнаго
Штаба въ Москвѣ.**

СЪ РИСУНКАМИ, КАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

ИЗДАНІЕ

И. Н. Кушнерева.

ВЫПУСКЪ IV.

Царскій періодъ: II. Царствованіе Бориса Θеодоровича Годунова и Василія Іоанновича Шуйскаго.

МОСКВА.
Типо-лит. Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1890.

Дозволено цензурою. Москва, 3 апрѣля 1890 года.

ГЛАВА I.

Военныя дѣйствія въ царствованіе Бориса Годунова.—Неудачи на Кавказѣ.—Окончательное покореніе Сибири.—Война съ Лжедимитріемъ I.

По смерти Θеодора Іоанновича, не оставившаго по себѣ наслѣдниковъ царскаго рода, и отказѣ отъ престола царицы Ирины, принявшей постриженіе въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, соборомъ изъ выборныхъ людей отъ городовъ въ февралѣ 1598 года былъ избранъ на царство Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ. Новое царствованіе при полной тишинѣ внутри государства началось при благопріятныхъ и внѣшнихъ условіяхъ. Отправленные царемъ послы въ Австрію и Англію, съ извѣщеніемъ о восшествіи

на престолъ, скрѣпили дружественную связь Русскаго Государя съ Австрійскимъ домомъ и королевою Елисаветою; наиболѣе опасные западные сосѣди Россіи, Польша и Швеція, находились въ открытой борьбѣ между собою, не грозили уже Москвѣ соединенными силами, а каждый отдѣльно домогался союза съ нею или вѣчнаго мира. Однако, задавшись цѣлью—воспользоваться случаемъ и безъ войны возвратить Нарву и Ливонію или часть ея, отъ природы нерѣшительный и двоедушный, не имѣя самъ способностей воинскихъ и не довѣряя воеводамъ, Борисъ дѣйствовалъ нерѣшительно, не поддержалъ открыто ни той, ни другой стороны и не съумѣлъ извлечь для себя изъ вражды соперниковъ какихъ-либо выгодныхъ результатовъ: заключивъ перемиріе на 20 лѣтъ съ Сигизмундомъ III (въ 1601 году), онъ медлилъ утвердить миръ со Швеціей, предложенный ему правителемъ ея герцогомъ Карломъ, чествовалъ въ Москвѣ пословъ его, призналъ Карла королемъ Швеціи, но въ то же время подъ рукою принималъ мѣры, чтобы внести измѣну въ принадлежащія Швеціи области и склонить жителей Эстоніи измѣнить послѣдней. Но попытка нарвскихъ горожанъ сдать городъ русскимъ окончилась неудачей: заговоръ былъ открытъ и заговорщики казнены.

Отношенія къ Крыму были вполнѣ благопріятны.

Еще 1-го апрѣля 1598 года пришла вѣсть въ Москву, что казаки, ходившіе отъ Донца въ степь, бились съ крымскими татарами и взяли плѣнника, который показалъ, будто Казы-Гирей со всей ордой и съ помощью 7.000 турецкихъ янычаръ готовится ударить на Россію. Не сомнѣваясь въ достовѣрности маловѣроятнаго извѣстія, государь повелѣлъ боярамъ и воеводамъ всей державы идти, *безъ мѣстъ*, съ войскомъ къ Серпухову, гдѣ на берегахъ Оки черезъ мѣсяцъ собралась огромная рать, простиравшаяся, какъ говорятъ, до 500.000 человѣкъ. 2-го мая самъ царь выѣхалъ съ дворомъ своимъ, въ составѣ котораго находилось 5 служилыхъ царевичей, предварительно распорядивъ воеводъ и въ самой Москвѣ на случай осады ея.

Однако слухъ о походѣ Казы-Гирея оказался ложнымъ; вмѣсто всей ханской орды прибыли мирные послы. Сборъ безпримѣрнаго ополченія явился напрасною потерей громадныхъ денегъ и трудовъ; послѣ царскаго смотра бо́льшую часть войскъ распустили по домамъ, оставивъ меньшую по украинскимъ городамъ для наблюденія за татарами. Въ послѣдующіе годы царствованія Бориса мирныя отношенія Крымскаго хана съ Россіей не нарушались, хотя Казы-Гирей и жаловался при случаѣ на вторженія донцовъ въ крымскіе улусы.

Далеко не столь благопріятно шли дѣла на Кавказѣ, въ Кахетіи и Дагестанѣ; въ первой окончательно утвердилось вліяніе персидскаго шаха Аббаса, а изъ втораго отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ воеводъ Бутурлина и Плещеева, утвердившійся было въ крѣпости Таркахъ, былъ вытѣсненъ турками и при отступленіи почти весь уничтоженъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, кумыками: отъ 6 до 7 тысячъ русскихъ вмѣстѣ съ воеводами пало въ этой несчастной битвѣ, уничтожившей вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе слѣды владычества Москвы въ этой странѣ.

Будучи не въ силахъ поддерживать своихъ единовѣрцевъ въ Закавказьи отъ могущественныхъ народовъ магометанскихъ, Москва окончательно утвердила свою власть въ далекой Сибири, гдѣ живъ былъ еще Кучумъ, слѣпой старецъ, но энергичный и неутомимый въ набѣгахъ на сибирскія волости. Явившись однажды на берегахъ Иртыша съ остатками своего войска, Кучумъ разорилъ нѣсколько татарскихъ селеній и отошелъ назадъ къ укрѣпленному стану на берегахъ Оби. Узнавъ о томъ, тарскій воевода Андрей Воейковъ выступилъ вслѣдъ за нимъ въ августѣ 1598 года съ 398 казаками, литовцами и ясашными людьми (татарами); собирая вѣсти о кочевьяхъ Кучума, онъ шелъ день и ночь,

кинувъ обозъ и 20-го августа напалъ на ханскій укрѣпленный станъ; здѣсь засѣлъ Кучумъ съ женами, дѣтьми и остатками своего войска числомъ всего до 500. Отъ восхода солнца до полудня воины Кучума отбивались отъ нападеній отряда Воейкова, пытаясь отстоять если не потерянное царство, то свободу своего царя и его семьи; наконецъ къ полудню упорный бой кончился полнымъ разгромомъ послѣдней рати Сибирскаго царя; большая часть воиновъ ея была перебита стрѣльбою; другіе, вытѣсненные изъ укрѣпленія и прижатые къ рѣкѣ, потонули и лишь немногіе спаслись на судахъ; семейство Кучума попало въ плѣнъ, а самъ онъ, спасенный двумя вѣрными ему слугами, увезенъ былъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Воейковъ, полагая, что Кучумъ утонулъ въ рѣкѣ, подобно Ермаку, уничтожилъ все, чего нельзя было взять съ собою, и съ своими знатными плѣнниками возвратился въ Тару. Узнавъ о спасеніи Кучума, воевода предлагалъ ему ѣхать въ Москву, соединиться со своимъ семействомъ и мирно дожить свой вѣкъ благодѣяніями Государя Московскаго; но Кучумъ и въ несчастьи остался непреклоненъ: потерявъ царство, семью и богатство, онъ жалѣлъ лишь о плѣненномъ горячо любимомъ сынѣ Асманакѣ, наотрѣзъ отказался отъ предложенія Воейкова и скрылся къ ногаямъ, гдѣ и нашелъ себѣ смерть. Семейство

Кучума отправили въ Москву, устроили торжественный въѣздъ его въ столицу на-показъ народу и потомъ разослали по городамъ.

Смерть перваго и послѣдняго Сибирскаго царя развязала руки Московскому правительству и окончательно утвердила необозримый Сибирскій край за Русскою державой. Не ведя тамъ съ этихъ поръ войны, Московское правительство принимало лишь мѣры къ поддержанію и распространенію своей власти между туземцами, продолжало строеніе новыхъ городовъ (Верхотурья въ 1598 г., Мангазея и Туринска въ 1600 и Томска въ 1604 годахъ), заселяя ихъ служилыми семейными людьми, особенно казаками малороссійскими, торговыми людьми и хлѣбопашцами, и привлекало разными льготами туземное населеніе на службу ратную.

Если сравнительно удачно шли внѣшнія дѣла государства, то далеко не въ такомъ положеніи было его внутреннее состояніе. Только два первые года царствованія Бориса современники называютъ спокойными, счастливыми. Оставаясь и на престолѣ правителемъ заботливымъ къ нуждамъ народнымъ, карателемъ зла—мздоимства, воровства и разбоевъ, милостивымъ къ бѣднымъ и сирымъ, радѣтелемъ о правосудіи и общемъ народномъ благѣ, Борисъ однако скоро потерялъ народную любовь. Захвативъ

державную власть хитростью и коварствомъ, Борисъ подозрительно относился къ боярамъ, болѣе его знатнымъ и съ бо̀льшими правами на престолъ; подозрительность вызвала доносы, а эти послѣдніе— тайныя пытки, казни и заточенія. Гибель знатныхъ вельможъ, невинныхъ и уважаемыхъ, раздражала умы народные; къ этому присоединились необыкновенныя физическія бѣдствія, постигшія Россію: сильные неурожаи въ продолженіе трехъ лѣтъ, въ 1601—04 годахъ, вызвали голодъ, свирѣпствовавшій съ необыкновенною лютостью; явились повальныя болѣзни и развились повсемѣстно страшные разбои. Волненія и ропотъ въ народѣ усиливались и общая бѣда сокрушила послѣдніе слѣды преданности Борису.

При такомъ настроеніи умовъ въ народѣ, въ началѣ 1604 года внезапно распространилась молва, будто царевичъ Димитрій, сынъ Іоанна IV, живъ, находится въ Литвѣ и вскорѣ явится, чтобы потребовать отъ Бориса наслѣдіе своего отца. Легко понять, какое новое волненіе произвела эта вѣсть въ умахъ народа. Не могъ не встревожиться и Борисъ Годуновъ появленіемъ наглаго обманщика, принявшаго имя царевича Димитрія.

Положеніе царя было затруднительно. Если благоразуміе требовало принятія энергичныхъ мѣръ къ предотвращенію угрожавшей ему опасности, то съ

другой стороны казалось полезнымъ для Бориса не придавать серьезнаго значенія появленію самозванца, не выказывать безпокойства и малодушія, дабы не возвысить въ глазахъ народа соперника и тѣмъ не утвердить за нимъ имя убитаго царевича Димитрія. Въ этой нерѣшительности царь принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности и, повидимому, надѣялся еще, не обнажая меча, одною силой истины побѣдить самозванца, разувѣривъ его приверженцевъ. Для затрудненія сообщеній съ Литвою онъ приказалъ протянуть заставы до Брянска, учрежденныя передъ тѣмъ между Москвою и Смоленскомъ по случаю бывшей заразы въ Смоленской области. Кромѣ того, подъ предлогомъ полученныхъ извѣстій изъ Крыма о замышляемомъ Казы-Гиреемъ нападеніи татаръ на русскіе предѣлы, царь приказалъ окольничимъ Петру Шереметеву и Михаилу Салтыкову собрать войско подъ Ливнами, откуда его одинаково удобно было обратить и противъ крымскихъ татаръ, и противъ Литвы. Сознавая невозможность скрыть отъ Россіи появленіе въ Литвѣ мнимаго Димитрія и боясь молчаніемъ усилить вредные толки въ народѣ, царь приказалъ обнародовать произведенное дознаніе о дѣйствительномъ происхожденіи самозванца. Въ то же время повелѣлъ отправить къ донскимъ казакамъ дворянина Хрущова, дабы вывести ихъ изъ

заблужденія, а родного дядю самозванца, Смирнаго-Отрепьева,—къ польскимъ вельможамъ для изобличенія племянника въ присутствіи послѣднихъ. Но ни Сигизмундъ III, ни польскіе паны не обратили вниманія на обличенія Годуновымъ Лжедимитрія, думая не о раскрытіи истины, а о собственныхъ выгодахъ въ поддержаніи послѣдняго. Хотя Сигизмундъ III, связанный договоромъ, заключеннымъ между нимъ и Борисомъ, и удерживаемый нѣкоторыми благоразумными вельможами, совѣтовавшими не вдаваться въ опасную войну, особенно безъ вѣдома чиновъ государственныхъ и съ малыми силами, медлилъ открыто принять сторону самозванца, но, побуждаемый іезуитами, призналъ его, хотя и не публично, царевичемъ Димитріемъ, назначилъ ему ежегодное содержаніе (40.000 золотыхъ) и, не желая явно оказать ему содѣйствіе войскомъ отъ своего лица, позволилъ панамъ частнымъ образомъ помогать царевичу. Съ особеннымъ усердіемъ и горячностью принялъ сторону Лжедимитрія старый воевода Сендомирскій Юрій Мнишекъ, интриганъ, человѣкъ неразборчивый въ средствахъ для достиженія цѣли, гордый и тщеславный, прельщенный мыслію выдать за него дочь свою Марину по достиженіи имъ Московскаго престола. Съ этою цѣлью онъ началъ собирать въ помощь самозванцу на свои сред-

ства шляхетское ополченіе въ окрестностяхъ Львова и Самбора. Кромѣ того къ самозванцу пристали нѣкоторые русскіе бѣглецы, находившіеся въ Польшѣ и Литвѣ, и образовали первую его, хотя и малочисленную, русскую дружину. Но главную надежду въ своемъ дерзкомъ предпріятіи самозванецъ возлагалъ на донскихъ казаковъ, стѣсненныхъ Годуновымъ и непріязненныхъ ему, и въ особенности—на многочисленныхъ пособниковъ и приверженцевъ, которыхъ не сомнѣвался найти въ Московскомъ государствѣ. Однако, если положеніе Бориса было ненадежно, то не лучше было въ началѣ и положеніе самозванца. Наборъ шляхетскаго ополченія производился медленно, и Лжедимитрій, не выждавъ окончанія его, 15-го августа 1604 года выѣхалъ изъ Самбора въ Глиняны, гдѣ былъ назначенъ сборъ и смотръ ополченію. Въ немъ оказалось всего только 500 человѣкъ пѣхоты и 1.100 человѣкъ конницы, раздѣленныхъ на 5 хоругвей (ротъ); на собранной вольною шляхтою сходкѣ гетманомъ ополченія избранъ былъ воевода Сендомирскій, а въ товарищи ему назначили полковниковъ Жулицкаго и Дворжицкаго.

Таковы были ничтожныя силы, съ которыми двинулся Отрепьевъ 3-го сентября изъ Глинянъ къ предѣламъ Россіи для отважнаго до дерзости предпріятія—низверженія Годунова и занятія Московскаго

престола. Получивъ на пути къ Кіеву первое подкрѣпленіе изъ Россіи — 2.000 донскихъ казаковъ, самозванецъ 13-го октября переправился черезъ Днѣпръ въ 14 верстахъ выше Кіева, близь устья Десны, 16 числа перешелъ русскую границу и 21-го занялъ укрѣпленный городокъ Моравскъ, жители котораго поспѣшили покориться его власти и выдать царскихъ воеводъ.

Вѣсть о вступленіи въ русскіе предѣлы Лжедимитрія взволновала умы народа и смутила Годунова. Необходимо было противупоставить силу силѣ, и царь приказалъ собрать войско въ Брянскѣ; но и теперь онъ не принялъ мѣръ чрезвычайныхъ, а ограничился сборомъ небольшого ополченія лишь изъ 3-хъ полковъ, отдавъ его подъ главное начальство князя Димитрія Шуйскаго.

Самозванецъ не терялъ времени. Оставивъ небольшой отрядъ для занятія зàмка въ Моравскѣ, онъ двинулся правымъ берегомъ Десны къ Чернигову и 25-го октября сталъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ него, выславъ подъ самый городъ двухъ-тысячный отрядъ казаковъ. Черниговцы послѣдовали примѣру Моравска и выдали самозванцу воеводу князя Татева, намѣревавшагося держаться въ зàмкѣ съ 300 стрѣльцами и 20 орудіями. Давъ 8-ми дневный отдыхъ въ Черниговѣ, Отрепьевъ выступилъ въ по-

ходъ къ Новгороду Сѣверскому, къ которому и подступилъ 11-го ноября. Но здѣсь самозванецъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе гарнизона, коимъ начальствовалъ: по имени—бояринъ князь Трубецкой, а на дѣлѣ—второй воевода, окольничій Петръ Басмановъ, любимецъ Бориса Годунова, честолюбивый, храбрый и опытный въ военномъ дѣлѣ воевода. Приказавъ выжечь городъ, онъ заперся въ зàмкѣ съ 600 московскихъ стрѣльцовъ, взявъ съ собою и знатнѣйшихъ гражданъ для предупрежденія измѣны. Отчаянные приступы спѣшенныхъ польскихъ гусаръ, подъ прикрытіемъ огня изъ 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фальконетовъ, 14-го и въ ночь съ 17-го на 18-е ноября *) были отбиты съ большимъ урономъ для нихъ и самозванецъ долженъ былъ отступить.

Эта неудача повергла самозванца въ отчаяніе и досаду на поляковъ, возбудивъ открытое неудовольствіе между нимъ и польскою шляхтою, грозившею уже возвратиться на родину. Къ счастью Отрепьева, въ это же время получены были благопріятныя извѣстія, которыя ободрили всѣхъ приверженцевъ его.

---

*) Этотъ ночной штурмъ зàмка былъ произведенъ, для обезпеченія отъ артиллерійскаго огня оборонявшагося, подъ прикрытіемъ устроенныхъ поляками деревянныхъ срубовъ, поставленныхъ на сани и такимъ образомъ подвигавшихся къ крѣпостному рву.

Пламя бунта быстро распространялось по всей южной Россіи. Жители Украйны, возбуждаемые лазутчиками и грамотами самозванца, съ умиленіемъ слушали послѣднія, отлагались отъ Годунова и съ радостію становились на сторону мнимаго „законнаго царевича Димитрія". Еще чиновные люди сохраняли вѣрность, но и изъ нихъ нѣкоторые уже служили самозванцу изъ страха или принужденія, а другіе добровольно готовили измѣну и возбуждали гражданъ и ратниковъ принять сторону мнимаго царевича. Второй воевода Путивля князь Мосальскій-Рубецъ возмутилъ жителей города и воиновъ, связалъ главнаго воеводу Салтыкова и присягнулъ самозванцу со всѣми ратниками, кромѣ 200 московскихъ стрѣльцовъ, оставшихся вѣрными долгу службы и присягѣ; ихъ обезоружили, а головъ и сотниковъ отправили къ самозванцу. Сдача Путивля, главнаго города Сѣверской области, многолюднаго и по тому времени сильно укрѣпленнаго, имѣла важныя послѣдствія: пагубному примѣру его одинъ за другимъ послѣдовали Рыльскъ, Сѣвскъ, Комарницкая волость, Борисовъ-городокъ, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки, Курскъ, Кромы, Ливны, Елецъ и Воронежъ, такъ что вся южная полоса Россіи на протяженіи 600 верстъ отъ запада къ востоку признала Отрепьева за законнаго своего государя.

Обрадованный неожиданнымъ успѣхомъ, самозванецъ усугубилъ усилія для овладѣнія Новгородомъ Сѣверскимъ. Изъ Путивля привезли 5 осадныхъ орудій и 8 полевыхъ и 1-го декабря открыли огонь по за̀мку. Деревянныя стѣны его были часто пробиваемы, но Басмановъ держался упорно, несмотря на то, что въ одинъ день перебѣжало отъ него къ самозванцу 80 человѣкъ, а царское войско подозрительно бездѣйствовало подъ Брянскомъ. Воевода его, князь Димитрій Шуйскій, въ извиненіе своего бездѣйствія, писалъ въ Москву, что ненадежно сразиться съ Лжедимитріемъ безъ важнаго надъ нимъ превосходства и что поэтому онъ проситъ подкрѣпленія.

Быстрые успѣхи самозванца, вслѣдствіе отложенія отъ Годунова обширныхъ областей и непонятнаго ослѣпленія народа, убѣдили Бориса въ дѣйствительности угрожавшей ему опасности.

Только теперь Годуновъ рѣшилъ принять энергичныя мѣры для уничтоженія злодѣя и сохраненія своего колебавшагося престола. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій получилъ приказаніе собрать новое войско въ Калугѣ, причемъ объявленъ былъ наборъ общаго земскаго ополченія, отъ коего не избавлялись даже имѣнія духовенства, какъ и прочія, въ мѣрѣ владѣемой ими земли. Опредѣливъ тѣмъ

же указомъ размѣръ набора ратниковъ вдвое меньшій (одинъ конный ратникъ съ доспѣхомъ и запасомъ со 200 четвертей угожей земли) сравнительно съ опредѣленнымъ уставомъ Іоанна IV, Борисъ требовалъ скорости сбора и грозилъ жестокою казнію безпечнымъ и нерадивымъ. Мѣры строгости, угрозы и наказанія недѣль въ шесть собрали подъ Брянскомъ около 50.000 всадниковъ вмѣсто полумилліоннаго ополченія, собравшагося въ 1598 году въ Серпуховѣ по зову тогда еще любимаго царя. Но среди окружавшей его опасности Годуновъ сохранялъ еще достоинство самодержца Россійскаго въ отношеніи иностранныхъ державъ. Отказалъ королю Шведскому Карлу IX въ предложеніи его прислать вспомогательное войско и послалъ дворянина Огарева къ королю Сигизмунду съ грамотой, въ которой жаловался на поддержку самозванца поляками, на возбужденіе Польшею Крымскаго хана къ войнѣ и донскихъ казаковъ къ мятежу и требовалъ рѣшительнаго отвѣта: чего онъ, Сигизмундъ, желаетъ—войны, или мира?

Однако рѣшительныя мѣры, принятыя Борисомъ противъ самозванца, оказались слишкомъ поздними: безпрепятственное вторженіе въ русскіе предѣлы и быстрые успѣхи самозванца, распространяемыя стоустною молвою мнимыя добродѣтели Лжедимитрія—

колебали въ народѣ сомнѣніе въ появленіи истиннаго царевича и охлаждали въ немъ усердіе и ревность въ борьбѣ съ послѣднимъ за „похитителя" престола. Участь Бориса Годунова, съ нимъ вмѣстѣ и Московскаго государства, зависѣла отъ успѣха оружія, а между тѣмъ воины отечества уклонялись отъ службы и шли неохотно въ Брянскъ; въ собравшемся ополченіи таились уже сѣмена измѣны и въ первой рѣшительной битвѣ съ Лжедимитріемъ у русскихъ, по выраженію очевидца, *не было рукъ для сѣчи.*

Наскоро собравъ подъ Калугой нѣсколько войска, князь Мстиславскій выступилъ съ нимъ въ Брянскъ на соединеніе съ княземъ Димитріемъ Шуйскимъ; совокупныя силы ихъ составили ополченіе отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ, раздѣленное на пять полковъ. Главное начальство надъ войскомъ принялъ князь Мстиславскій, имѣя при себѣ вторымъ воеводою князя Андрея Телятевскаго. Соединенное ополченіе двинулось черезъ Трубчевскъ на выручку Новгорода Сѣверскаго и 18-го декабря, переправившись черезъ р. Узруй, расположилось въ 8 верстахъ отъ города.

Между тѣмъ и рать самозванца усилилась до 15.000 человѣкъ прибывшими изъ Польши шляхетскими ротами и поступившими въ его службу мно-

гими сѣверскими жителями. Несмотря на тройное превосходство силъ, Мстиславскій еще медлилъ нападеніемъ на станъ Лжедимитрія, ожидая прибытія другихъ подкрѣпленій изъ Брянска; Лжедимитрій же не хотѣлъ медлить. Хорошо понимая, что успѣха въ своемъ дерзкомъ предпріятіи онъ могъ ожидать отъ смѣлой отваги и что измѣна поддавшихся ему городовъ можетъ-быть окажетъ вліяніе и на воиновъ Мстиславскаго, самозванецъ 20-го декабря вывелъ свое войско изъ лагеря на обширную равнину, на которой была расположена рать Мстиславскаго. Этотъ день прошелъ въ неважныхъ стычкахъ и безполезныхъ переговорахъ и только Басмановъ частыми вылазками тревожилъ тылъ войска самозванца, что заставило послѣдняго отрядить противъ него нѣсколько сотъ казаковъ.

21-го числа Мстиславскій выступилъ противъ рати Лжедимитрія. Послѣдній, воодушевивъ краткою рѣчью своихъ сподвижниковъ, двинулъ ихъ на русскія войска. Первое нападеніе поляковъ было отражено, но затѣмъ правое крыло (полкъ правой руки) не выдержало новой атаки свѣжей польской конницы и опрокинулось на большой полкъ, который также дрогнулъ, несмотря на благородныя усилія главнаго вождя, князя Мстиславскаго, пытавшагося личнымъ примѣромъ удержать своихъ и возстано-

вить порядокъ; израненный, онъ едва спасенъ былъ отъ плѣна дружиною стрѣльцовъ; только лѣвое крыло русской конницы устояло. Въ то же время польская пѣхота вытѣснила другія стрѣлецкія сотни изъ занятой ими позиціи. Такова была первая встрѣча царскихъ войскъ съ слабою ратью самозванца. По свидѣтельству участника битвы, француза Маржерета, *казалось, что у русскихъ не было рукъ для сѣчи* и Лжедимитрій одержалъ бы полную побѣду, еслибы въ рѣшительную минуту двинулъ въ атаку свои запасныя войска. Не сдѣлавъ этого, онъ далъ русскимъ воеводамъ возможность отступить хотя и съ сильнымъ урономъ (до 4.000 человѣкъ), но въ нѣкоторомъ порядкѣ.

Впрочемъ одержанная самозванцемъ побѣда не была рѣшительною, а полууспѣха было недостаточно, чтобы улучшить его положеніе. Царская армія отошла на 14 верстъ и остановилась въ лѣсу, прикрывшись окопами. Въ виду ея Лжедимитрій не отважился продолжать осаду Новгорода Сѣверскаго, несмотря на полученное имъ и ожидавшееся сильное подкрѣпленіе: 4.000 запорожцевъ прибыли къ нему на помощь на другой день сраженія, а 8.000 конныхъ съ 14 орудіями были уже близко отъ него. Снявъ осаду Новгорода Сѣверскаго 2-го января 1605 г., самозванецъ переправился черезъ Десну и

двинулся на Сѣвскъ. Получивъ значительныя подкрѣпленія казаковъ; самозванецъ потерялъ большую часть польскихъ дружинъ, составлявшихъ лучшую часть его войска. Принявъ сторону Лжедимитрія изъ корысти, разсчитывая добраться до Москвы безъ кровопролитія, эти наемные союзники самозванца роптали уже на предстоявшіе имъ труды и неполученіе обѣщаннаго имъ жалованья и наконецъ объявили, что уходятъ назадъ вмѣстѣ съ старымъ гетманомъ Мнишекомъ, обѣщавшимъ однако самозванцу возвратиться съ болѣе сильною ратью. При самозванцѣ осталось изъ нихъ не болѣе 1.500 человѣкъ; вмѣсто ушедшаго Мнишека гетманомъ выбранъ былъ Дворжицкій. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Лжедимитрій, не теряя бодрости и еще увѣренный въ собственномъ счастьѣ, съ остальными силами продолжалъ движеніе на Сѣвскъ, чтобы занять зимнія квартиры въ изобильной съѣстными припасами Комарницкой волости.

Между тѣмъ царскіе воеводы, потерпѣвъ неудачу подъ Новгородомъ Сѣверскимъ, отъ стыда не смѣли даже донести о ней Борису и отступили къ Стародубу. Царь, узнавъ стороною о пораженіи своего войска, послалъ къ воеводамъ Вельяминова-Зернова объявить свое неудовольствіе князю Шуйскому и его товарищамъ единственно за ихъ непроститель-

ное молчаніе, сказать милостивое слово всему войску и засвидѣтельствовать царскую признательность князю Мстиславскому, увѣрить его въ неожидаемой имъ наградѣ за полученныя имъ раны. Зная всѣ обстоятельства несчастнаго боя, царь почелъ однако благоразумнымъ не умножать унынія въ ратныхъ людяхъ и для того—удержаться отъ заслуженныхъ ими упрековъ. Храбрые защитники Новгорода Сѣверскаго не остались безъ награды, въ особенности Басмановъ, принятый въ Москвѣ съ торжественностью и царскою пышностью.

Но главною заботой царя было—привести военныя силы въ такое положеніе, чтобы успѣхъ въ борьбѣ съ самозванцемъ былъ несомнѣннымъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ Шереметеву собрать новую запасную рать около Кромъ, послалъ подкрѣпленія главной арміи и назначилъ *прибыльнымъ* воеводою въ большомъ полку ея князя Василія Ивановича Шуйскаго, дабы армія до выздоровленія Мстиславскаго не оставалась подъ начальствомъ неспособнаго князя Димитрія Шуйскаго. Армія эта, простиравшаяся съ прибывшими подкрѣпленіями до 60 или 70 тысячъ человѣкъ, бездѣйствовала въ окрестностяхъ Стародуба. Прибывъ къ ней, князь Василій Шуйскій объявилъ царскую волю—немедленно идти противъ самозванца и выступилъ къ Сѣвску.

Узнавъ о наступленіи царскихъ войскъ, Лжедимитрій созвалъ на совѣтъ поляковъ и запорожскихъ начальниковъ для рѣшенія вопроса, что предпринять. Первые совѣтовали уклоняться отъ неравнаго боя и сколь возможно медлить дѣйствіями; но атаманъ и полковники запорожскіе предложили, напротивъ, смѣло идти на встрѣчу царской арміи, не дожидаясь ея приближенія къ Сѣвску: еслибы она обложила крѣпость, сопротивленіе было бы невозможно, потому что силою нельзя одолѣть столь многочисленнаго войска, которое могло преградить всѣ пути и тѣмъ пресѣчь подвозы боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ и голодомъ заставить сдаться осажденныхъ. Мнѣніе запорожцевъ восторжествовало и 20-го января Лжедимитрій двинулся отъ Сѣвска вдоль лѣваго берега рѣки Сѣвы противъ арміи Мстиславскаго и встрѣтилъ ее тѣсно расположенную въ селѣ Добрунѣ или Добрыничахъ и вокругъ него.

Имѣя всего 15.000 человѣкъ, самозванецъ хотѣлъ вознаградить неравенство силъ нечаяннымъ нападеніемъ ночью; приказавъ преданнымъ ему жителямъ Добрыничъ зажечь село ночью, онъ готовился напасть неожиданно на разстроенныя тревогой царскія войска. Воеводы однако были осторожны, стража замѣтила поджигателей и движеніе въ непрія-

тельскомъ лагерѣ, — войска изготовились къ бою. Ночное нападеніе не удалось,—оставалось сразиться въ открытомъ полѣ.

На разсвѣтѣ 21-го января царская конница выстроилась на равнинѣ по обѣимъ сторонамъ села Добрыничъ, сильно занятаго пѣхотой. Главное командованіе войскомъ принялъ Мстиславскій, можетъ-быть еще не излѣчившійся отъ ранъ, но не пожелавшій уступить честь побѣды одному князю Василію Шуйскому. Лжедимитрій вывелъ свое немногочисленное войско на равнину и раздѣлилъ его на три отряда. Первый отрядъ, при которомъ онъ самъ находился, состоялъ изъ 400 поляковъ и 2.000 русскихъ (надѣвшихъ на латы бѣлыя рубахи для отличія отъ царскихъ всадниковъ) и назначался для удара на правое крыло царскаго войска; второй отрядъ изъ 8.000 конныхъ запорожцевъ долженъ былъ удержать лѣвое крыло арміи Мстиславскаго. Главнымъ ударомъ на правое крыло русскихъ войскъ самозванецъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе отбросить русскія войска къ рѣкѣ Сѣвѣ; примѣчательно также, что эта главная атака возлагается на польскія и русскія дружины,—на войска, которымъ самозванецъ имѣлъ основаніе болѣе довѣрять, нежели запорожской вольницѣ. Третьему отряду изъ 4.000 пѣшихъ запорожцевъ съ тяжелымъ снарядомъ

приказано было остановиться въ нѣкоторомъ разстояніи сзади двухъ первыхъ за горою, въ видѣ резерва, чтобы въ случаѣ неудачи отброшенные могли найти опору и огнемъ артиллеріи остановить непріятеля *).

Послѣ небольшой стычки между передовыми отрядами открылась пушечная стрѣльба и вслѣдъ затѣмъ самозванецъ приказалъ первому отряду спуститься въ лощину, прикрывавшую правое крыло царскихъ войскъ, и отрѣзать его отъ селенія. Семь польскихъ хоругвей (ротъ) подъ начальствомъ гетмана Дворжицкаго выстроились въ одну линію, стремительно бросились впередъ, поддержанные восьмою хоругвью польскихъ гусаръ и всею русскою конницей. Замѣтивъ движеніе, князь Мстиславскій двинулъ на встрѣчу правое крыло своей конницы, въ головѣ коей находились двѣ иноземныя дружины подъ начальствомъ лифляндца фонъ-Розена и француза Маржерета. Атака поляковъ была такъ стремительна, что иноземцы послѣ короткаго сопротивленія были опрокинуты, а за ними обратилась въ бѣгство и вся конница праваго крыла. Дворжицкій повернулъ вправо къ селенію, занятому царскою пѣхотой. Послѣдняя подпустила непріятеля на са-

*) См. Записки Паерле.

мое близкое разстояніе и дала залпъ изъ 10 или 12.000 ружей *). Хотя стрѣльба эта и не могла быть настолько мѣткой, чтобы причинить значительный уронъ непріятельской конницѣ, однако привела ее въ большое замѣшательство, которое обратилось въ совершенное разстройство, когда одинъ полякъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что запорожцы, встревоженные ружейною пальбой, оставили поле сраженія и бросились по Рыльской дорогѣ. Смущенная этою неожиданною робостью днѣпровскихъ удальцовъ, конница польская и русскихъ злодѣевъ также обратила тылъ, понеслась вслѣдъ за казаками, оставивъ на жертву запорожскую пѣхоту, которая немедленно была окружена и совершенно истреблена послѣ мужественнаго сопротивленія.

Побѣда царскаго войска была полная; бѣглецовъ преслѣдовалъ 6 тысячный отрядъ конницы на разстояніи 8 верстъ; непріятель потерялъ 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій и до 6.000 убитыхъ, кромѣ попавшихъ въ плѣнъ. Самъ Лжедимитрій находился въ опасности на раненомъ въ ногу конѣ, едва не попалъ въ плѣнъ и спасеніемъ своимъ былъ обязанъ князю Татеву, выпроводившему его до Рыльска.

---

*) См. Записки Маржерета. Въ запискахъ Паерле сказано, что залпъ данъ былъ изъ 14 пушекъ и 16.000 длинныхъ ружей.

Пробывъ два дня въ Рыльскѣ, самозванецъ переѣхалъ въ Путивль. Положеніе его послѣ Добрыничскаго погрома казалось ему самымъ отчаяннымъ. Съ оставшимися немногочисленными силами онъ не могъ надѣяться продолжать войну; хотя жители Сѣверской области выражали попрежнему готовность служить ему, но за недостаткомъ денегъ новые ратные сподвижники остались бы безъ оружія и пропитанія. Въ такой крайности Отрепьевъ замышлялъ уже о бѣгствѣ въ Польшу, но русскіе измѣнники, тѣсно связавшіе свою судьбу съ его судьбою и не желавшіе ни бѣжать въ Польшу, ни отдаваться въ руки Борису, объявили ему, что не выпустятъ его изъ Путивля и что ему предстоитъ испить съ ними одинаковую чашу и спастись или погибнуть вмѣстѣ; грозили даже выдать его Борису и тѣмъ заслужить себѣ помилованіе. Вынужденный такимъ образомъ продолжать свое самозванство, Отрепьевъ снова ревностно принялся за дѣло. Изыскивая средства къ увеличенію своихъ силъ извнѣ и внутри Россіи, самозванецъ отправилъ князя Татева къ королю Сигизмунду III просить помощи, успѣлъ уговорить большую часть поляковъ, готовыхъ послѣ пораженія разойтись по домамъ, остаться при немъ и издалъ къ русскому народу новый манифестъ, въ которомъ, разсказывая прежнюю вы-

мышленную исторію о спасеніи Димитрія и о милости Божіей, явленной надъ нимъ даже въ несчастной битвѣ, призывалъ россіянъ на службу. Если посольство князя Татева потерпѣло неудачу, то манифестъ самозванца отозвался въ душѣ легковѣрныхъ и враговъ Годунова, которые и поспѣшили въ Путивль, дабы предложить свои услуги тому, кого считали несчастною жертвой властолюбія ненавистнаго имъ Бориса. Въ особенности Отрепьевъ утѣшенъ былъ прибытіемъ 4.000 донскихъ казаковъ.

Между тѣмъ царскіе воеводы не воспользовались пораженіемъ врага, дѣйствовали вяло и какъ будто нехотя. Подступивъ къ Рыльску только на другой день выѣзда изъ него самозванца, воеводы приступили къ осадѣ города; начали плесть туры, копать траншеи и наконецъ поставили батареи, изъ которыхъ и открыли огонь. Осажденные въ свою очередь отстрѣливались и просили помощи у самозванца, который и послалъ имъ отрядъ изъ 500 поляковъ и 2.000 русскихъ. Пользуясь непростительной безпечностью воеводъ, отрядъ этотъ успѣлъ ночью пробраться въ городъ и усилить упорство осажденныхъ. Наконецъ послѣ 15-ти дневной безуспѣшной осады воеводы сняли ее и отошли въ Комарницкую волость, дабы до весны дать отдыхъ войскамъ, между тѣмъ какъ обстоятельства требовали отъ нихъ

дѣйствій самыхъ быстрыхъ и рѣшительныхъ. Вмѣсто сего они жестоко выместили неудачу свою подъ Рыльскомъ на жителяхъ области, изъявлявшихъ большую преданность самозванцу; немилосердное опустошеніе послѣдней и звѣрское истязаніе жителей ея однако не вернули послѣднихъ къ вѣрности Борису, а лишь увеличили сподвижниковъ самозванца, которые стекались въ Путивль, требуя оружія и чести умереть за Димитрія.

Въ полѣ оставался еще Шереметевъ, который, узнавъ о Добрыничской побѣдѣ, собралъ свое запасное ополченіе и обложилъ г. Кромы, жители котораго, по примѣру Рыльска, рѣшились защищаться. Получивъ донесеніе объ отступленіи воеводъ отъ Рыльска къ Радогощскому острогу Комарницкой волости, Борисъ изъявилъ воеводамъ и войску ихъ гнѣвъ свой и приказалъ имъ немедленно идти на соединеніе съ отрядомъ Шереметева и вмѣстѣ съ послѣднимъ взять городъ Кромы. Повелѣнія царя ослушаться еще не смѣли, но, по замѣчанію лѣтописцевъ, вся рать оскорбилась укорнымъ словомъ Бориса и съ тѣхъ поръ многіе въ ней, дотолѣ вѣрные, стали склоняться на сторону самозванца.

Сосредоточеніе всѣхъ силъ подъ Кромами составило ополченіе около 100 тысячъ человѣкъ, противъ усилій коихъ казалось невозможнымъ устоять

ничтожному числу защитниковъ Кромъ. Однако и здѣсь, какъ подъ Рыльскомъ, преступная безпечность воеводъ позволила самозванцу усилить защитниковъ города 4.000 донскихъ казаковъ и русскихъ, пробравшихся къ городу ночью. Озлобленные этою новою неудачей, воеводы рѣшили не щадить города и выставили сильныя батареи изъ пушекъ и мортиръ. Осажденныс оборонялись мужественно и упорно, возбуждаемые примѣромъ начальниковъ своихъ, Григорія Акинфіева и атамана донскихъ казаковъ Корелы. Послѣдній, не надѣясь на деревянную стѣну города, приказалъ обвести послѣдній землянымъ валомъ со рвомъ, а подъ валомъ надѣлать землянки, гдѣ осажденные находили вѣрное убѣжище отъ навѣснаго огня; изъ рва прокопали нѣсколько контръ-апрошъ, изъ которыхъ казаки часто тревожили батареи и траншеи осаждавшихъ и въ которыя скрывались, какъ только царскія войска обращались противъ нихъ.

Наконецъ Мстиславскій съ товарищами приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Высланные ими ночью ратники зажгли деревянную городскую стѣну, и она сгорѣла; пожаръ распространился въ городѣ и осажденные искали убѣжища въ острогѣ; царскія войска безпрепятственно заняли земляной валъ; оставалось только взять острогъ, гдѣ, за тѣснотою

его, осажденные не могли бы долго держаться. По несчастью, одинъ изъ царскихъ воеводъ, замышлявшій уже измѣну, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, безъ приказанія и вѣдома главныхъ воеводъ самовольно свелъ ратниковъ съ вала и отослалъ ихъ въ траншеи, какъ говорятъ лѣтописцы, *„наровя тому Гришкѣ“*. Осажденные вышли изъ острога, потушили пожаръ и снова заняли городской валъ. Послѣ сего воеводы ничего важнаго не предпринимали, да и не могли предпринять. Къ шаткости, неустойчивости умовъ въ войскѣ и ослабленію нравственному присоединилось бѣдствіе физическое: въ войскѣ открылись сильныя болѣзнь и смертность. Царь, съ свойственною ему заботливостью, прислалъ изъ Москвы нужныя лѣкарства, коихъ спасительное дѣйствіе уменьшило болѣзни, но не увеличило усердія воиновъ къ службѣ. Безплодное стояніе царскаго войска подъ Кромами умножало въ народѣ недовѣріе къ правительству и наклонность къ самозванцу. Даже въ Москвѣ громко толковали, что само Провидѣніе видимо покровительствуетъ Димитрію, котораго не могутъ одолѣть несмѣтныя силы, выставленныя противъ него.

Истекалъ уже третій мѣсяцъ послѣ Добрыничской побѣды, а важнаго перевѣса не было ни на той, ни на другой сторонѣ. Хотя дѣла самозванца,

оправившагося послѣ перваго пораженія, видимо улучшились и онъ не утратилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, однако не могъ еще перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ и долженъ былъ оставаться въ оборонительномъ положеніи въ Путивлѣ. Казалось, что междоусобію суждено было длиться, какъ вдругъ внезапное событіе дало дѣлу крутой поворотъ. 13-го апрѣля утромъ царь Борисъ скончался отъ удара. По примѣру и увѣщанію патріарха Іова, искренно преданнаго дому Годуновыхъ, Москва спокойно присягнула 16-лѣтнему сыну Бориса, Θеодору. Смерть Бориса была бѣдою для Россіи, ибо предвѣщала торжество гнуснаго самозванства. Юный царь, отличавшійся душевными качествами, умомъ и познаніями, былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ для принятія державы въ такое тяжелое и смутное время. Мать Θеодора, царица Марія Григорьевна, коей предстояло руководить царственнаго сына, также не обладала навыкомъ и опытностью въ дѣлахъ государственныхъ; московскіе вельможи, ближайшіе совѣтники царя, выказывая наружную покорность, не имѣли искренняго усердія къ нему; общее расположеніе умовъ въ народѣ было уже не въ пользу юнаго государя.

Утвержденіе Θеодора на престолѣ зависѣло не

столько отъ согласія столицы, сколько отъ преданности и усердія войска, собраннаго подъ Кромами. Недѣятельность главныхъ воеводъ этой огромной рати, Мстиславскаго и Шуйскаго, неумѣнье или нежеланіе ихъ истребить самозванца съ его малочисленной дружиной заставили царицу и Θеодора отозвать обоихъ князей въ столицу подъ благовиднымъ предлогомъ, что юному царю необходимы мудрые совѣтники. На мѣсто Мстиславскаго назначили главнымъ воеводою боярина князя Катырева-Ростовскаго, мужа честнаго, но недальнаго ума, а въ званіи второго воеводы большого полка —Басманова, воеводу не знатнѣйшаго, но способнѣйшаго, на дѣлѣ показавшаго себя вождемъ вѣрнымъ и съ воинскими дорованіями *). Вмѣстѣ съ княземъ Катыревымъ и Басмановымъ въ войско подъ Кромы былъ посланъ Новгородскій митрополитъ Исидоръ для приведенія войска къ присягѣ царю Θеодору. Ратные люди дали присягу, но не долго соблюдали ее. Шаткое расположеніе умовъ не только въ государствѣ, но даже въ самомъ войскѣ не укрылось отъ проницательности Басманова. Этотъ мнимый поборникъ правды былъ только низкимъ честолюбцемъ.

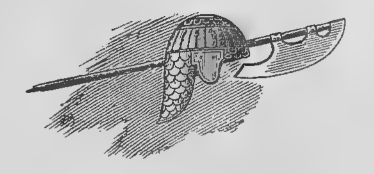
*) Слѣдствіемъ сего назначенія было также перемѣщеніе воеводъ и въ другихъ полкахъ.

Видя, что наиболѣе дѣятельные и способные воеводы не хотятъ Годуновыхъ, предусматривая неминуемую гибель Өеодора, Басмановъ понималъ, что противиться общему расположенію умовъ значитъ идти на явную и безполезную въ его глазахъ гибель, и, не желая жертвовать собою для поддержанія колебавшагося престола своихъ благотворителей, рѣшился измѣнить Өеодору. Онъ соединился съ князьями Голицыными и Салтыковымъ и 7-го мая объявилъ Димитрія царемъ Московскимъ. Полки безъ сопротивленія провозгласили его государемъ; только немногіе остались вѣрными присягѣ Өеодору и съ двумя воеводами, князьями Катыревымъ-Ростовскимъ и Телятевскимъ, бѣжали въ Москву. Война прекратилась. Жители Кромъ отворили ворота перешедшимъ на сторону самозванца. Князь Иванъ Голицынъ поспѣшилъ въ Путивль къ „царю“ съ повинною отъ имени войска и съ узникомъ Иваномъ Годуновымъ въ залогъ вѣрности. Самозванецъ торжественно принялъ пословъ, *съумѣлъ скрыть* чрезмѣрную радость, не благодарилъ, а только простилъ войско и велѣлъ ему идти къ Орлу и тамъ его дожидаться. Говорятъ, что нѣкоторые изъ московскихъ дворянъ, пріѣхавшихъ съ Голицынымъ, узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но было уже поздно объявлять о подобномъ открытіи. 19-го

мая Лжедимитрій выступилъ изъ Путивля съ 600 поляковъ, съ донцами и русскими дружинами изъ прежнихъ измѣнниковъ. Переходъ войска на сторону самозванца рѣшилъ борьбу. Москва послѣдовала примѣру царскаго войска, а примѣру Москвы— всѣ другіе города, и самозванецъ, отъ Путивля до Москвы всюду встрѣчаемый какъ сынъ Іоанна, 20 іюня торжественно вступилъ въ столицу, избавясь передъ тѣмъ, посредствомъ гнуснаго убійства, отъ Ѳеодора и его матери.

Ознаменовавъ первыя свои дѣйствія милостями, дарованными почти всѣмъ сословіямъ государства, Лжедимитрій дѣятельно принялся за дѣла правленія и не проходило дня, въ который бы онъ не присутствовалъ въ Думѣ. Однако, обнаруживъ много ума въ рѣшеніи дѣлъ государственныхъ, воли, мужества и искусства въ достиженіи своей цѣли, Лжедимитрій не удержался на захваченномъ царскомъ престолѣ, не съумѣвъ постигнуть собственнаго положенія, и вскорѣ утратилъ народную любовь, озлобивъ всѣ сословія необыкновеннымъ легкомысліемъ. Общія разочарованіе и негодованіе постепенно росли и особенно обнаружились, когда 2-го мая 1606 года въ Москвѣ явилось болѣе 2.000 поляковъ съ невѣстой самозванца Мариной Мнишекъ. Мѣра терпѣнія народнаго переполнилась и въ страшномъ

взрывѣ негодованія народа, предводимаго княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, 17-го мая самозванецъ былъ растерзанъ въ Кремлѣ, многіе поляки убиты, а Марина, отецъ и родственники ея, едва избѣжавъ смерти, были заключены въ темницы.

ГЛАВА II.

Войны при Василіи Шуйскомъ (1606—1610 гг.).—Военныя дѣйствія въ 1606—1609 годахъ: борьба съ Болотниковымъ и вторымъ Лжедимитріемъ. — Оборона Троицко-Сергіевской лавры въ 1608—10 гг.

Убіеніе Лжедимитрія не возстановило спокойствія Россіи. Предназначеніе Отрепьева на гибель отечества было столь непреодолимо, что самая смерть его не только не прекратила возбужденныхъ имъ неустройствъ, но даже подала поводъ къ усугубленію зла. Одна самодержавная власть, сосредоточенная въ рукахъ мощнаго государя, при единодушной преданности бояръ, могла обуздать нарождавшуюся крамолу и отвратить бѣдствія отъ несчаст-

наго отечества. Между тѣмъ условія, при которыхъ совершилось избраніе на царство князя Василія Шуйскаго, не давали послѣднему нравственной силы для водворенія въ государствѣ порядка и тишины. Новый царь, избранный единственно Москвою, принялъ державу царскую „тайкомъ отъ земли"; прочіе города, оскорбленные присвоеннымъ Москвою правомъ располагать престоломъ, неблагопріятствовали выбранному ею государю; жители многихъ отдаленныхъ областей еще благоговѣли передъ памятью Лжедимитрія, столь недавно признаннаго самой Москвою за истиннаго сына Іоанна, жалѣли объ его участи и воспламенялись ненавистью къ новому государю, считая его виновникомъ цареубійства. Ограниченіе власти царской относительно наказанія, ограниченіе ея боярами, къ царю нерасположенными, обѣщало безнаказанность смутамъ и крамоламъ. Умы народные были слишкомъ взволнованы для того, чтобы въ государствѣ могла водвориться тишина, и продолжали волноваться. Враги общественнаго порядка и люди знатные, родословные, одни изъ нелюбви, другіе изъ зависти къ царю Василію, пользовались волненіемъ умовъ и необыкновеннымъ легковѣріемъ народа и въ тайнѣ подстрекали его снова къ возстанію. Еще тѣло самозванца лежало на площади въ Москвѣ, еще

доказывались въ грамотахъ его преступленія, а уже новые возмутительные слухи разсѣвались по лицу Русской земли о спасеніи Димитрія отъ убіенія въ Кремлѣ. Возстаніе дѣйствительно обнаружилось и прежде всего тамъ же, гдѣ и за годъ передъ тѣмъ въ пользу перваго самозванца, именно—въ Сѣверской области. Виновникомъ его явился князь Григорій Шаховской, любимецъ перваго самозванца, къ удивленію назначенный царемъ Василіемъ воеводой въ Путивль. Пріѣхавъ въ этотъ главный городъ Сѣверской области, онъ объявилъ гражданамъ его, что Димитрій живъ и укрывается отъ убійцъ, что Василій ожесточенъ противъ сѣверянъ за оказанное ими усердіе Димитрію и что онъ въ наказаніе готовитъ имъ участь подобную той, которая постигла Новгородъ, разгромленный свирѣпствомъ Іоанна Грознаго. Онъ убѣждалъ ихъ для собственнаго спасенія своего вооружиться за Димитрія. Путивляне взбунтовались противъ Василія, ихъ примѣру послѣдовали другіе города Сѣверской области; пламя бунта быстро распространялось отъ Путивля до Смоленска и даже Казани и Астрахани.

Для успѣха поднятаго Шаховскимъ возстанія ему необходимъ былъ самозванецъ. Еще 17-го мая, въ день истребленія Лжедимитрія и поляковъ, одинъ изъ приверженцевъ послѣдняго, Михайло Молча-

новъ, скрылся изъ дворца и изъ Москвы и направилъ путь къ литовскимъ границамъ, вездѣ распуская по дорогѣ слухи, что онъ царь Димитрій, спасающійся отъ убійцъ. Однако послѣ того болѣе года ни въ Московскомъ государствѣ, ни въ Польшѣ не находилось человѣка, который рѣшился бы выступить подъ именемъ спасеннаго Димитрія. Между тѣмъ въ Сѣверской области образовалось ополченіе мятежниковъ изъ бѣглыхъ крестьянъ, боярскихъ холопей и казаковъ. Медлить было нельзя,—нужно было подкрѣпить возстаніе, давши ему вождя; такимъ явился Иванъ Болотниковъ.

Бывшій холопъ князя Телятевскаго, побывавшій въ плѣну у татаръ и галернымъ невольникомъ у турокъ, заброшенный затѣмъ судьбою въ Венецію и Польшу, Болотниковъ пробирался уже на родину, но, какъ русскій, былъ схваченъ и представленъ Молчанову, который увидалъ въ немъ полезнаго для своего дѣла человѣка, обдарилъ его и послалъ въ Путивль къ князю Шаховскому. Послѣдній принялъ его какъ царскаго повѣреннаго и далъ начальство надъ ополченіемъ, которое быстро начало усиливаться приливомъ бѣглыхъ холоповъ и крестьянъ, разбойниковъ, казаковъ и пріставшихъ къ нимъ посадскихъ людей и стрѣльцовъ.

Въ виду новой грозившей государству опасности,

царь Василій принялъ мѣры для наступательныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ и для обороны Москвы. Приказавъ съ послѣднею цѣлью разставить пушки по стѣнамъ Московскаго кремля, онъ повелѣлъ князьямъ Воротынскому и Трубецкому собрать войско и идти съ нимъ за Оку. Повидимому, не понявъ важности и необходимости съ самаго начала дѣйствовать совокупными силами быстро и рѣшительно, дабы однимъ ударомъ сокрушить мятежъ и отвратить дальнѣйшія бѣдствія, воеводы раздѣлили свои силы: Воротынскій, оставивъ одинъ изъ трехъ полковъ въ Орлѣ подъ начальствомъ князя Барятинскаго, самъ съ другими двумя обложилъ Елецъ; Трубецкой съ 5-тысячнымъ отрядомъ осадилъ Кромы.

Болотниковъ воспользовался этою ошибкой: собравъ въ Путивлѣ 12 тысячъ вооруженныхъ мятежниковъ, онъ быстро двинулся къ Кромамъ, на голову разбилъ отрядъ Трубецкого и отбросилъ его къ Орлу. Слѣдствія Кромскаго пораженія были ужасны: войска Барятинскаго и Трубецкого, видя въ жителяхъ Орла и другихъ украинскихъ городовъ несомнѣнную наклонность къ самозванцу, упали духомъ, постыдно оставили свои знамена и разошлись по домамъ; воеводы съ остатками войска отступили къ Калугѣ. Князь Воротынскій, узнавъ о происшедшемъ подъ Кромами и въ Орлѣ и, вѣроятно опа-

саясь быть отрѣзаннымъ отъ Москвы, поспѣшно снялъ осаду Ельца и отступилъ на Москву; но пагубный примѣръ ратныхъ людей Барятинскаго и Трубецкого подѣйствовалъ и на его воиновъ, которые по пути по большей части разбрелись.

Лишь только царское войско исчезло, мятежъ распространился повсемѣстно. Многіе города отложились отъ Василія; въ томъ числѣ Рязань возмутили воевода Сумбуловъ и дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, а Тулу, Веневъ и Каширу—боярскій сынъ изъ Епифани Истома-Пашковъ. На востокѣ, по Волгѣ, въ Перми, Вяткѣ, возстали крестьяне, холопы, инородцы; признала Лжедимитрія и отдаленная Астрахань. Болотниковъ, подвигаясь къ Москвѣ, всюду бунтовалъ простой народъ, возбуждая крестьянъ противъ ихъ господъ, внушая имъ грабежъ и убійство. Со всѣхъ сторонъ безнравственныя толпы, напитанныя духомъ злобы, корысти и властолюбія, стекались подъ его кровавыя знамена.

Пораженный отступленіемъ воеводъ изъ-подъ Кромъ и Орла и не зная еще истиннаго положенія дѣла, царь Василій выслалъ имъ изъ Москвы подкрѣпленіе подъ начальствомъ брата своего князя Ивана Шуйскаго; два другіе отряда были посланы подъ начальствомъ князя Кольцова-Мосальскаго въ Серпуховъ и князя Мезецкаго въ Каширу; жители

послѣдней, передавшіеся на сторону мятежниковъ, не впустили Мезецкаго. Шуйскій хотя и разбилъ отрядъ мятежниковъ 23 сентября при впаденіи рѣки Угры въ Оку, но, по присоединеніи къ нему съ остатками войскъ Барятинскаго и Трубецкого, не счелъ возможнымъ не только осадить измѣнившую Каширу, но даже оставаться безопасно въ этомъ краѣ, и отступилъ къ Москвѣ.

Болотниковъ, усиленный отрядами рязанцевъ и Пашкова, переправился черезъ Оку, овладѣлъ Коломною и двинулся къ столицѣ. Поспѣшно собравъ войска, Василій двинулъ ихъ по двумъ направленіямъ: подъ начальствомъ 20-тилѣтняго племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго, по Серпуховской дорогѣ, для поддержанія отступавшаго по ней князя Кольцова-Мосальскаго, главныя же силы подъ начальствомъ князя Мстиславскаго—къ Коломнѣ. Скопинъ-Шуйскій, разбивъ за р. Лопасней и прогнавъ шайки мятежниковъ, переправившіяся въ Серпуховѣ черезъ р. Оку, обратился влѣво, на соединеніе съ Мстиславскимъ. По соединеніи ихъ въ Домодѣдовѣ, они двинулись на встрѣчу Болотникову и при селѣ Троицкомъ, въ 70 верстахъ отъ Москвы, вступили съ нимъ въ бой, кончившійся полнымъ разгромомъ царскаго войска. Болотниковъ двинулся по слѣдамъ

бѣжавшихъ къ Москвѣ и въ концѣ октября расположился станомъ у села Коломенскаго, стараясь подметными письмами и иными средствами возмутить жителей столицы.

Положеніе царя Василія казалось отчаяннымъ: при себѣ онъ имѣлъ лишь небольшое число войска, да и то было въ крайнемъ унынiи; большая часть государства была во власти мятежниковъ, въ Москвѣ уже начинался ощущаться недостатокъ въ продовольствіи; къ счастью, дѣла скоро приняли благопріятный оборотъ, хотя и не надолго. Тверь, а за нею—Старица, Ржевъ и Зубцовъ, благодаря вліянію тверского архіепископа Ѳеоктиста, вернулись на путь законности и порядка и прислали царю на помощь своихъ ратныхъ людей. Куракинъ, воевода города Смоленска, остававшагося вѣрнымъ царю, составилъ рать изъ служилыхъ людей Смоленска, Серпейска, Вязьмы и Дорогобужа, которая и двинулась къ Можайску подъ начальствомъ дворянина Полтева. Ляпуновъ, честолюбивый и заносчивый, умный и искренно любившій отечество, увидя съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, стыдясь злодѣйскихъ подвиговъ гнусныхъ товарищей, скоро отложился отъ Болотникова. 15 ноября онъ отъѣхалъ въ Москву съ Сумбуловымъ, со всѣми рязанцами и стрѣльцами г. Коломны. Царь Василій принялъ ихъ съ радостью,

великодушно простилъ и помиловалъ. Это милосердіе его привлекло къ нему и другихъ переметчиковъ изъ коломенскаго стана.

29 ноября прибыли къ Москвѣ и расположились у Дѣвичьяго монастыря смоленская рать Полтева и высланные отъ Москвы на встрѣчу ей къ Можайску и Волоколамску отряды Мезецкаго и Колычева. Въ то же время и гарнизонъ столицы вышелъ въ поле и расположился станомъ у Данилова монастыря. Царь назначилъ предводителемъ войскъ молодого даровитаго Скопина-Шуйскаго, уже отличившагося въ битвѣ при Лопаснѣ. 2 декабря, дождавшись прихода смольнянъ, Скопинъ-Шуйскій двинулся къ Коломенскому и при деревнѣ Котлы нанесъ Болотникову, вышедшему къ нему на встрѣчу, совершенное пораженіе; еще въ началѣ боя Пашковъ со всѣми находившимися у Болотникова дворянами и боярскими дѣтьми положилъ оружіе; казаки съ атаманомъ Беззубцевымъ засѣли было въ укрѣпленномъ ими селеніи Заборьѣ, но потомъ сдались безъ боя. Съ остатками своего мятежнаго ополченія, простиравшимися однако до 10 тыс. человѣкъ, Болотниковъ бѣжалъ въ Калугу; другіе же заняли Тулу.

Столь сильное пораженіе мятежниковъ, казалось, утвердило престолъ за Василіемъ. Наградивъ виновниковъ побѣды и ослѣпленный блистательнымъ

успѣхомъ, онъ упустилъ однако изъ виду, что, при извѣстной твердости Болотникова и ожесточеніи преданной ему черни, конечное истребленіе враговъ требовало усилій еще болѣе важныхъ. Вѣроятно, желая не подвергать войска изнуренію зимняго похода, Василій счелъ достаточнымъ ограничиться только отправленіемъ за Оку небольшихъ отрядовъ: думнаго дворянина Измайлова—къ Козельску, князя Никиты Хованскаго—къ Калугѣ, князя Воротынскаго—къ Алексину, князя Хилкова—къ Веневу и князя Ивана Хованскаго—къ Михайлову. Шестой отрядъ, подъ начальствомъ боярина князя Ивана Ивановича Шуйскаго, сначала оставался въ Серпуховѣ въ видѣ резерва всѣмъ прочимъ пяти, а затѣмъ былъ двинутъ въ подкрѣпленіе отряда Никиты Хованскаго къ Калугѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ воеводамъ Григорію Пушкину и Сергѣю Ададурову съ служилыми людьми городовъ Суздаля, Владиміра и Мурома приказано было идти на усмиреніе мордвы и избавленіе Нижняго Новгорода, а боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву съ низовою ратью поручено было привести въ покорность Астрахань.

Однако большинство означенныхъ отрядовъ дѣйствовали неудачно. Воротынскій потерпѣлъ сильное пораженіе близь Тулы отъ измѣнника князя Телятевскаго, предводительствовавшаго бѣглецами Коло-

менскаго стана, засѣвшими въ Тулѣ. Отряды князей Ивана Шуйскаго и Никиты Хованскаго обложили Калугу 30 декабря, но не могли овладѣть городомъ, гдѣ Болотниковъ упорно защищался, принявъ всѣ необходимыя мѣры для обороны города, оградивъ его тыномъ и двойнымъ рвомъ. Измайловъ и Хилковъ безполезно осаждали: первый—Козельскъ, а второй Веневъ; князь Иванъ Хованскій долженъ былъ отступить къ Переславлю Рязанскому; начальство надъ его отрядомъ было ввѣрено князю Лыкову и Прокопію Ляпунову. Астрахань съ мятежнымъ воеводою княземъ Хворостининымъ не поддалась Шереметеву, который укрѣпился на островѣ Балчикѣ и оставался въ наблюдательномъ положеніи. Только воеводы Пушкинъ и Ададуровъ съ успѣхомъ выполнили порученіе, освободивъ отъ мятежниковъ Нижній Новгородъ, Арзамасъ и Алатырь и водворивъ спокойствіе въ мордовской землѣ.

Убѣдившись наконецъ, что мятежъ не укротится, пока глава его, Болотниковъ, не будетъ сокрушенъ, царь выслалъ подъ Калугу сколько было еще при немъ ратныхъ людей въ Москвѣ и ввѣрилъ начальство надъ осаднымъ войскомъ князьямъ Мстиславскому, Скопину-Шуйскому и Татеву. Василію нужно было спѣшить сокрушеніемъ мятежа, тѣмъ болѣе, что приходили извѣстія о крайне непріязнен-

номъ расположеніи къ Москвѣ короля Сигизмунда и всей Рѣчи Посполитой. Возвратившіеся 13 февраля 1607 года въ Москву русскіе послы извѣстили царя, что ему должно остерегаться Польши, гдѣ общее желаніе было при первомъ удобномъ случаѣ вступить въ открытую войну съ Россіей.

Мстиславскій съ товарищами сначала повелъ дѣло осады Калуги довольно энергично. Онъ не только громилъ городъ осадными орудіями и мортирами, но и приказалъ еще подводить къ городу огромный деревянный приметъ (крытый ходъ) съ намѣреніемъ зажечь послѣдній, дабы вмѣстѣ съ нимъ сгорѣлъ и острогъ. Однако Болотниковъ бодрствовалъ; произведя сильную вылазку, онъ самъ сжегъ приметъ, прежде нежели успѣли его довести до острога. Болотниковъ защищался съ отчаяннымъ упорствомъ, безпрестанными вылазками сильно тревожа осаждавшихъ, и успѣхъ осады не подвигался впередъ. Однако положеніе Болотникова становилось весьма затруднительнымъ. Продовольственные запасы въ Калугѣ уже истощались; высланный изъ Путивля на выручку его отрядъ мятежниковъ подъ начальствомъ князя Василія Мосальскаго хотя и разбилъ подъ Веневымъ отрядъ князя Хилкова, но самъ потерпѣлъ полное пораженіе на рѣчкѣ Выркѣ *) отъ

*) Впадаетъ въ р. Оку въ Перемышльскомъ уѣздѣ, Калужской губ.

отряда Ивана Никитича Романова, отряженнаго княземъ Мстиславскимъ; разбить послѣдняго только своими силами у Болотникова не было надежды. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ убѣдительно просилъ помощи у князя Шаховского. Но послѣдній самъ находился въ затруднительномъ положеніи: долгое непоявленіе мнимаго Димитрія охлаждало уже усердіе у добросовѣстныхъ его приверженцевъ; всѣ старанія Шаховского склонить Молчанова къ пріѣзду въ Путивль подъ именемъ Димитрія были напрасны; тотъ не соглашался. Въ такой крайности Шаховской призвалъ къ себѣ въ Путивль находившагося у терскихъ казаковъ бродягу Илейку, выдававшаго себя еще при жизни перваго самозванца за царевича Петра, будто бы сына Ѳеодора Іоанновича. Этотъ Лже-Петръ прибылъ съ Дона въ Путивль съ 10 тыс. своего войска. Усиливъ послѣднее новымъ наборомъ сѣверянъ и отрядомъ запорожцевъ, Шаховской двинулся вмѣстѣ съ Лже-Петромъ къ Тулѣ, выславъ впередъ два отряда: одному, подъ начальствомъ князя Долгорукова, поручено было принудить Измайлова снять осаду Козельска, а другому—спѣшить къ Тулѣ на соединеніе съ княземъ Телятевскимъ, которому приказано было немедленно, по прибытіи подкрѣпленій, идти къ Калугѣ на выручку Болотникова.

Мстиславскій, узнавъ о движеніи князя Телятевскаго, выступившаго 1 мая къ Калугѣ черезъ Бѣлевъ, дабы на всякій случай обезпечить себѣ путь отступленія на Путивль, выслалъ на встрѣчу ему князей Татева и Черкаскаго съ отрядомъ въ 17 тыс. человѣкъ. Они встрѣтили Телятевскаго на р. Пчельнѣ и въ бою съ нимъ были разбиты; князья Татевъ и Черкаскій были убиты. Бѣжавшіе подъ Калугу въ станъ главнаго войска распространили въ немъ ужасъ и смятеніе. Пользуясь этимъ, Болотниковъ произвелъ на другой день сильную вылазку; разгромъ сдѣлался всеобщимъ; царское войско обратилось въ постыдное бѣгство къ Боровску, побросавъ орудія, снаряды и припасы; до 15.000 челов. перешли на сторону Болотникова. Только доблестный Скопинъ-Шуйскій и прощенный царемъ Истома-Пашковъ, одушевивъ мужествомъ своимъ немногихъ, пребывшихъ вѣрными долгу и чести, упорнымъ боемъ удерживали напоръ Болотникова и затѣмъ въ порядкѣ отступили къ Серпухову, привезя съ собою нѣсколько спасенныхъ ими пушекъ.

Пока Мстиславскій собиралъ въ Боровскѣ бѣжавшія войска свои, Болотниковъ вышелъ изъ Калуги и въ Тулѣ соединился съ Лже-Петромъ, чтобы дѣйствовать совокупными силами.

Вѣсть о разгромѣ царскаго войска поразила Моск-

ву. Шуйскій снова колебался на престолѣ; гибель висѣла надъ столицей и государствомъ; смущеніе было всеобщее, но царь ободрилъ всѣхъ своею рѣшимостью, принявъ рѣшительныя мѣры: разосланы были строгіе указы собираться отовсюду служилымъ людямъ, монастырскія и церковныя вотчины должны были также выставить ратниковъ и снабдить продовольствіемъ Москву и войско. Патріархъ и высшее духовенство не только согласились на всѣ пожертвованія, но и провозгласили во всѣхъ церквахъ отлученіе Болотникова, самозванца и всѣхъ сообщниковъ его. Увлеченіе было внезапное и всеобщее, подъ царскими знаменами собралось до 100 тысячъ человѣкъ. Принявъ личное начальство надъ ратью, царь 21 мая выступилъ на Серпуховъ, выславъ нѣсколько ранѣе часть силъ, подъ начальствомъ князя Голицына, въ Каширу на соединеніе съ шедшимъ къ ней изъ Рязани отрядомъ боярина князя Лыкова.

5-го іюня на берегахъ рѣчки Восмы, въ 12 верстахъ отъ Каширы, соединенныя силы князей Голицына и Лыкова нанесли совершенное пораженіе 30 - тысячному отряду мятежниковъ, высланному изъ Тулы подъ предводительствомъ князя Телятевскаго. Потерявъ до 5 тысячъ плѣнныхъ, побросавъ орудія и свои знамена, Телятевскій лишь съ немно-

гими возвратился въ Тулу, гдѣ находились съ сосредоточенными силами Лже-Петръ, Шаховской и Болотниковъ.

Царь, обрадованный важною побѣдой, спѣшилъ воспользоваться ею и дѣйствовалъ рѣшительно. Выславъ за Оку трехъ-полковое войско подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго, царь выступилъ сначала на Алексинъ. Скопинъ-Шуйскій соединился съ отрядомъ Голицына и Лыкова, опрокинулъ сильный отрядъ мятежниковъ, пытавшихся задержаться на топкой рѣчкѣ Воронеѣ, въ полуверстѣ отъ Тулы, и подступилъ къ городу. 30 іюля прибыла къ Тулѣ и главная армія. Началась осада медленная и кровопролитная, подобно Калужской, хотя осаждающихъ было до 100 тысячъ человѣкъ, а въ Тулѣ только 20 тысячъ, но за то отчаянныхъ злодѣевъ. Предводимые Лже-Петромъ, Шаховскимъ, Телятевскимъ, а главное — Болотниковымъ, мятежники производили ежедневно по 3 и 4 вылазки, дрались отчаянно и всегда отбивали многократные приступы царскихъ войскъ. Несмотря на то, Шаховской и Болотниковъ предвидѣли, что имъ наконецъ не удержаться въ Тулѣ, что рано или поздно царь возьметъ этотъ городъ, если они не получатъ своевременной помощи отъ сѣверянъ, все еще ожидавшихъ мнимаго Димитрія. Поэтому оба писали въ Польшу къ друзьямъ

Мнишека, чтобы тѣ выслали имъ непремѣнно какого-нибудь Лжедмитрія; наконецъ второй Лжедмитрій появился въ Стародубѣ и около него начала собираться дружина, умножавшаяся выходцами изъ Литвы. О происхожденіи Лжедмитрія II носились разные слухи и ни одного вѣрнаго; это былъ человѣкъ грубый, корыстолюбивый до низости, глубоко развращенный, но ловкій и умный, съумѣвшій освоиться съ своимъ положеніемъ и пользоваться обстоятельствами. Царь видѣлъ надвигавшуюся опасность, такъ какъ уже вся Сѣверская земля признала самозванца, но еще медлилъ въ выборѣ рѣшительныхъ мѣръ для истребленія новаго злодѣя. Въ такого рода обстоятельствахъ ему слѣдовало бы употребить самыя рѣшительныя средства для скорѣйшаго овладѣнія Тулой, выславъ въ то же время противъ самозванца сильное войско. Но Василій не смѣлъ ослабить себя подъ Тулой, изъ опасенія выпустить изъ рукъ находившихся въ ней главныхъ мятежниковъ и злѣйшихъ враговъ своихъ, и, рѣшившись дѣйствовать противъ самозванца находившимися въ полѣ отрядами, продолжалъ осаду Тулы.

Лже-Отрепьевъ расположился станомъ подъ Брянскомъ, выжженнымъ передъ тѣмъ небольшимъ отрядомъ царскаго войска, и 20-го сентября выслалъ пѣхоту съ обозомъ въ Карачевъ, куда и самъ вско-

рѣ прибылъ съ конницей. Двинувшись на выручку Козельска, онъ разбилъ осаждавшій его отрядъ князя Масальскаго и отбросилъ къ Мещовску.

Между тѣмъ осада Тулы продолжалась третій мѣсяцъ и все безуспѣшно. Царское войско уже скучало, приходило въ уныніе и падало духомъ. Царь и воеводы недоумѣвали, къ какимъ средствамъ прибѣгнуть для одолѣнія упорства осажденныхъ. Когда такимъ образомъ успѣхъ предпріятія дѣлался уже сомнительнымъ, боярскій сынъ Ѳома Суминъ Кровковъ предложилъ затопить Тулу, если ему дадутъ необходимое число рабочихъ. Василій и бояре сначала осмѣяли его предложеніе, но, видя въ немъ твердую увѣренность въ успѣхѣ, наконецъ согласились. По указанію Кровкова запрудили рѣку Упу въ 3-хъ верстахъ ниже города. Рѣка вышла изъ береговъ и не только охватила весь городъ, но и затопила его внутри, такъ что по улицамъ плавали на плотахъ. Всѣ сообщенія города съ окрестностями были отрѣзаны водою, подвозъ продовольствія извнѣ совершенно прекратился, большая часть существовавшихъ въ городѣ хлѣбныхъ складовъ была затоплена и размыта. Наконецъ осажденные, угрожаемые голодною смертью и убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, сдались. 10-го октября бояринъ Крюкъ-Колычевъ занялъ Тулу отрядомъ

московскихъ войскъ; главныхъ начальниковъ мятежниковъ отправили въ Москву. Здѣсь Лже-Петра повѣсили, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили, Шаховского сослали на Кубенское озеро въ пустынь; объ участи Телятевскаго мало извѣстно.

Вѣсть о взятіи Тулы заставила самозванца отступить къ Трубчевску. Но Василій не воспользовался одержаннымъ успѣхомъ: вмѣсто того, чтобы двинуться со всѣмъ войскомъ и истребить самозванца, онъ, уступая требованіямъ бояръ, распустилъ войско до зимняго пути, уволивъ дворянъ и боярскихъ дѣтей въ ихъ помѣстья; только подъ Калугой оставили наблюдательный отрядъ, да Сумбулову приказано было произвести изъ Мещовска поискъ къ Брянску, который онъ и занялъ. Для удержанія этого города Василій послалъ въ него воеводами князя Кашина и Ржевскаго, которые и оградили городъ валомъ и тыномъ.

Бездѣйствіе царскаго войска послѣ взятія Тулы вскорѣ обнаружило вредное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Мятежники ободрились, мятежъ распространился, и не только дальніе сѣверскіе города не покорялись, но и Калуга снова упорствовала въ бунтѣ; возникли новыя неустройства и на другомъ краю государства—въ приволжскихъ степяхъ; здѣсь зараза самозванства столь сильно развилась, что

почти въ одно время явилось 10 самозванцевъ, выдававшихъ себя за выдуманныхъ ими царевичей—сыновей и внуковъ Іоанна IV. Хотя эти мелкіе самозванцы не пользовались и временнымъ успѣхомъ,—какъ скоро они появлялись, такъ же скоро и исчезали,—однако терзали отечество въ это тяжкое, мрачное время разбоями и грабежами, прикрытыми мнимо-политическими видами.

Между тѣмъ Лжедмитрій II-й не долго оставался въ бездѣйствіи. Онъ получилъ новое, хотя и небольшое, подкрѣпленіе изъ Польши, состоявшее изъ 200 человѣкъ, но не менѣе того важное по необыкновеннымъ способностямъ вождя ихъ полковника Лисовскаго. Бѣглецъ, за какое-то преступленіе осужденный на смертную казнь въ своемъ отечествѣ, лихой наѣздникъ, отважный и предпріимчивый, Лисовскій былъ искусный въ ратномъ дѣлѣ воинъ. По его совѣту, самозванецъ, въ виду распущенія царскаго войска, рѣшился перейти въ наступленіе и, выступивъ изъ Трубчевска, осадилъ Брянскъ. Воеводы послѣдняго, князь Кашинъ и Ржевскій, изготовились къ отчаянной оборонѣ, несмотря на скудость продовольственныхъ запасовъ. Осада длилась и царь Василій успѣлъ принять мѣры: по приказанію его, бояринъ князь Куракинъ съ войскомъ изъ столицы и князь Литвиновъ-Масальскій съ отрядомъ изъ Ме-

щовска спѣшили на помощь осажденнымъ. Послѣдніе находились уже въ крайности. Доведенные голодомъ до необходимости питаться лошадинымъ мясомъ, вынужденные ежедневно съ боя добывать себѣ воду и дрова, они всю надежду полагали на внѣшнюю помощь, которая и не замедлила явиться. 15 декабря (1607 года) отрядъ Литвинова подошелъ къ Брянску, но его отдѣляла отъ города рѣка Десна. Покрытая плывущимъ по ней льдомъ рѣка казалась непреодолимымъ препятствіемъ. Осажденные, обманутые въ надеждѣ на помощь, жалобными воплями изъявляли свою горесть и просили пришедшихъ товарищей не оставлять ихъ на вѣрную гибель. Тронутые ихъ отчаяніемъ, подъ вліяніемъ великодушнаго порыва, воины Литвинова-Масальскаго рѣшились на подвигъ геройскій, достопамятный въ исторіи русскаго воина и составляющій отрадное явленіе среди частыхъ примѣровъ постыднаго малодушія и измѣны въ эти мрачныя времена. Они бросились въ рѣку и поплыли къ городу, разгребая осиливавшій ихъ ледъ, подъ выстрѣлами ожидавшихъ ихъ на противоположномъ берегу поляковъ и русскихъ мятежниковъ. Для облегченія своихъ избавителей осажденные произвели вылазку въ тылъ непріятелю и тѣмъ вынудили его нѣсколько отступить отъ рѣки, а плывщимъ дали возможность выйти без-

препятственно на берегъ. Лѣтописцы съ удивленіемъ замѣчаютъ, что это необыкновенное предпріятіе совершилось съ такой неожиданной удачей, что при переправѣ ни одинъ человѣкъ и ни одна лошадь не погибли. Масальскій, соединившись съ гарнизономъ Брянска, смѣло ударилъ на враговъ, превосходившихъ его числомъ, вытѣснилъ пѣхоту изъ окоповъ и рѣшительно отбилъ самозванца отъ города. Подошелъ скоро и Куракинъ и, остановясь на правомъ берегу Десны противъ Брянска, укрѣпилъ свой станъ. Въ ночь сдѣлался сильный морозъ; рѣка стала, между берегами установилось сообщеніе по льду и Куракинъ снабдилъ въ изобиліи гарнизонъ Брянска продовольствіемъ и всѣми нужными запасами для продолжительной обороны города.

Самозванецъ, желая вознаградить себя за неудачу, самъ перешелъ Десну и атаковалъ Куракина. Происшедшій упорный бой окончился нерѣшительно, не давъ перевѣса ни той, ни другой сторонѣ; однако Куракинъ, снабдивъ уже городъ продовольствіемъ, отступилъ съ Масальскимъ къ Карачеву. Самозванецъ послѣдовалъ за ними, но не рѣшился атаковать ихъ здѣсь въ укрѣпленномъ станѣ, а пройдя мимо, расположился въ Орлѣ.

Отступленіе отъ Брянска едва ли не было ошибкою князя Куракина; обстоятельства чрезвычайныя

требовали рѣшительныхъ дѣйствій, а не затягиванія дѣла; чрезмѣрная осторожность его граничила скорѣе съ неискусствомъ, чѣмъ вызывалась дѣйствительной боевой обстановкой, въ которой онъ находился. Послѣ успѣха, одержаннаго горстью осажденныхъ и отрядомъ Масальскаго, Куракину слѣдовало, воспользовавшись установившеюся переправою по льду, не только снабдить Брянскъ продовольственными запасами, но соединиться съ гарнизономъ его и рѣшительно атаковать самозванца, предупредивъ его нападеніе. Результаты успѣха этого предпріятія конечно трудно указать, но во всякомъ случаѣ они не улучшили бы положеніе самозванца въ Сѣверской землѣ; въ случаѣ же неудачи Куракинъ не лишался возможности отступить къ Карачеву и тамъ укрѣпиться.

Желая остановить дальнѣйшее наступленіе самозванца, царь Василій приказалъ брату своему Димитрію собрать въ Алексинѣ трехъ-полковую рать (полки большой, передовой и сторожевой), которая въ январѣ 1608 года и сосредоточилась въ Болховѣ. Обѣ стороны спокойно зимовали. Выпавшіе глубокіе снѣга и жестокіе морозы препятствовали болѣе или менѣе значительнымъ военнымъ дѣйствіямъ; послѣднія ограничивались лишь стычками между кормовщиками и небольшими поисками съ обѣихъ сторонъ.

Между тѣмъ самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался прибывавшими изъ Польши подкрѣпленіями; къ нему стекались уже не только бездомовные искатели приключеній, но и многіе знатные паны не гнушались принять участіе въ предпріятіи, представлявшемъ лестную приманку для ихъ тщеславія и корыстолюбія. Въ числѣ этихъ послѣднихъ явились въ Орелъ князь Адамъ Вишневецкій и Рожинскій, выбранный здѣсь гетманомъ польскаго войска. Всего подъ знаменами бродяги набралось уже до 7.000 отборнаго польскаго войска; кромѣ того при немъ находилось до 8.000 донскихъ и запорожскихъ казаковъ подъ начальствомъ Заруцкаго и значительное количество русскихъ злодѣевъ.

Съ началомъ весны обѣ стороны начали готовиться къ походу. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ князь Димитрій Шуйскій, надменный, нелюбимый и неуважаемый войскомъ, не отличавшійся воинскими способностями и завистливый къ достоинствамъ другихъ, выступилъ изъ Болхова съ 70-тысячною ратью на Орелъ противъ самозванца. Извѣщенный объ этомъ, Лжедимитрій II немедленно двинулся на встрѣчу царскому войску и встрѣтилъ послѣднее 23 апрѣля, въ 10 верстахъ отъ Болхова, близъ селенія Каменки. Завязался жаркій бой. Князь Василій Голицынъ, начальствовавшій передовымъ полкомъ, пер-

вый вступилъ въ бой и первый обратилъ тылъ со ввѣреннымъ ему полкомъ, который, опрокинувшись на большой полкъ, привелъ въ разстройство и его. Только сторожевой полкъ князя Куракина рѣшительнымъ ударомъ остановилъ поляковъ и прикрылъ общее отступленіе. Оправившееся царское войско остановилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста сраженія. На другой день войска самозванца двинулись впередъ; бой возобновился и кончился полнымъ разгромомъ царскихъ войскъ, руководимыхъ неискусными воеводами. Потерявъ весь пушечный нарядъ и оставивъ въ Болховѣ 5 тысячъ человѣкъ, воеводы поспѣшно отступили къ Москвѣ. Лжедимитрій подступилъ къ Болхову, который и сдался безъ сопротивленія съ 5-тысячнымъ гарнизономъ. Отправивъ отсюда отрядъ Лисовскаго къ Коломнѣ, самозванецъ и Рожинскій съ главными силами двинулись къ Калугѣ и расположились лагеремъ при устьѣ рѣки Угры.

Возвращеніе князя Димитрія Шуйскаго съ ничтожными остатками своего войска, большая часть ратниковъ коего на пути разошлась по своимъ городамъ, распространило сильную тревогу въ столицѣ. Для обороны ея царь собралъ новую рать, которая, подъ начальствомъ бояръ князя Скопина-Шуйскаго и Ивана Никитича Романова, располо-

жилась 29 мая на берегахъ рѣчки Незнани, на пути между Москвою и Калугою. Движеніе самозванца къ Москвѣ, въ обходъ царской рати, заставило и послѣднюю отойти къ столицѣ.

1-го іюня Лжедимитрій II переправился черезъ р. Москву и расположился станомъ у села Тушина, въ 15 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Москвы, по Волоколамской дорогѣ. Въ слѣдующіе дни въ окрестностяхъ города происходили между противниками частыя стычки, не имѣвшія важныхъ послѣдствій. Имѣя не болѣе 15 тысячъ хорошо вооруженныхъ и отлично подготовленныхъ польскихъ воиновъ и казаковъ и до 50—60 тысячъ плохо вооруженнаго сброда русскихъ измѣнниковъ, Лжедимитрій II не отважился на открытый приступъ столицы, хорошо укрѣпленной, съ многочисленнымъ нарядомъ и обороняемой 70-тысячною ратью, предводимою способнымъ, энергичнымъ вождемъ. Разсчитывая болѣе на измѣну, чѣмъ на силу, и имѣя въ виду отрѣзать сообщеніе столицы отъ сѣверныхъ городовъ, самозванецъ, по совѣту Рожинскаго, перенесъ свой станъ въ село Тайнинское, въ 17 верстахъ отъ Москвы, близъ Ярославской дороги. Ставъ на сообщеніяхъ Москвы съ сѣверомъ, самозванецъ однако самъ оказался въ невыгодномъ положеніи: царское войско отрѣзало ему сообщенія къ югу отъ

Москвы, перехватывая шедшіе къ нему подвозы и ратныхъ людей. Убѣдясь въ невозможности держаться у Тайнинскаго, Рожинскій 9-го числа перешелъ обратно на Волоколамскую дорогу, проложивъ себѣ путь туда жаркимъ боемъ съ войсками Скопина-Шуйскаго. На другой день Рожинскій, обозрѣвъ мѣстность, окончательно выбралъ удобное мѣсто для стана--на высотахъ у села Тушина между рѣками Москвою и Сходнею. Позиція эта, сама по себѣ выгодная отъ природы, была сильно укрѣплена окопами и надолго послужила вѣрнымъ убѣжищемъ второму самозванцу, получившему посему и названіе отъ нашихъ лѣтописцевъ *Тушинскаго вора.*

Семидесяти-тысячная рать князя Скопина-Шуйскаго стала на Ходынкѣ, а за нею на рѣчкѣ Преснѣ и Ваганьковѣ расположились, подъ личнымъ начальствомъ царя, отборные полки съ пушечнымъ нарядомъ. Для обороны столицы съ другой стороны былъ занятъ особымъ отрядомъ острогъ за р. Яузой, у Таганскихъ воротъ.

Въ то время, какъ Москва отстаивала себя отъ Тушинскаго вора, дѣйствія Лисовскаго угрожали ей съ другой стороны. Предпріимчивый наѣздникъ, отдѣлившись отъ самозванца въ Болховѣ, двинулся къ Коломнѣ, разбилъ подъ Зарайскомъ отрядъ Захарія Ляпунова, брата Прокопія, тяжело раненнаго

передъ тѣмъ подъ Пронскомъ, взялъ приступомъ Коломну и двинулся къ Москвѣ. Царь выслалъ противъ него трехъ-полковую рать подъ начальствомъ князя Куракина. Противники встрѣтились на берегахъ рѣки Москвы, у Медвѣжьяго брода. Послѣ упорнаго боя, продолжавшагося цѣлый день, Лисовскій былъ разбитъ на-голову съ потерею всей артиллеріи и множества плѣнныхъ и поспѣшно бѣжалъ съ ничтожными остатками своего отряда въ Тушинскій станъ.

Несмотря на столь значительный успѣхъ, положеніе царя не становилось лучше. Если пораженіемъ Лисовскаго самозванецъ лишался важной помощи, безъ которой онъ не въ состояніи былъ открыто приступить къ столицѣ, то, съ другой стороны, и царь Василій только-что могъ удержаться въ Москвѣ, не имѣя при себѣ достаточныхъ силъ, чтобы дѣйствовать наступательно противъ Тушинскаго стана. Военныя дѣйствія подъ Москвою хотя и продолжались, но по большей части ограничивались маловажными стычками. Только 31-го августа довольно сильный бой продолжался весь день; послѣдствіемъ его было—оттѣсненіе царскаго войска до самаго города. Вполнѣ сознавая необходимость ослабить самозванца отвлеченіемъ отъ него поляковъ, составлявшихъ главную силу и лучшую часть его вой-

ска, царь Василій принималъ всѣ мѣры для заключенія съ Польшей хотя бы временнаго перемирія на условіяхъ, между прочими, отозванія поляковъ, служившихъ самозванцу. Перемиріе было наконецъ заключено на 3 года 11 мѣсяцевъ (по 20 іюня 1612 года); однако, вопреки договору, ни одинъ полякъ не оставилъ Тушинскій станъ,—напротивъ, приходили сюда одинъ за другимъ новые отряды: Бобровскаго, Млоцкаго, Зборовскаго, Виламовскаго и наконецъ Яна Сапѣги, старосты Усвятскаго, прибывшаго 1-го сентября съ 7.000 конныхъ копейщиковъ.

Но еще важнѣе для самозванца было появленіе въ его станѣ Марины Мнишекъ, отпущенной изъ Москвы съ отцомъ въ Польшу и перехваченной на дорогѣ Зборовскимъ. Открытое признаніе ею Тушинскаго вора за истиннаго Димитрія произвело должное дѣйствіе на народъ и чиновныхъ людей: сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности появленія истиннаго Димитрія увѣровали въ новое чудесное спасеніе его, бывшіе до сего вѣрными царю Василію начали переходить въ Тушинскій лагерь; многіе города признали самозванца Димитріемъ.

Съ прибывшими подкрѣпленіями въ Тушинскомъ лагерѣ было уже 18.000 человѣкъ конницы и 2.000 пѣхоты польскихъ войскъ, 13.000 запорожскихъ казаковъ и 15.000 донскихъ, всего 48.000 человѣкъ,

кромѣ русскихъ измѣнниковъ. Однако, несмотря на прибытіе этихъ подкрѣпленій, самозванецъ не успѣлъ взять Москвы до наступленія холодовъ и рѣшился зимовать въ Тушинскомъ лагерѣ. Начали рыть землянки для людей, строить конюшни для лошадей, ставили избы, а для самозванца, Марины и Мнишека построили обширныя хоромы; огромные обозы съ продовольственными запасами потянулись къ Тушину, превратившемуся въ городъ, столицу Лжедимитрія II.

Въ виду явнаго нарушенія поляками договора и видя уменьшеніе собственнаго войска подъ стѣнами Москвы и начало измѣны какъ въ войскѣ, такъ и этой послѣдней, царь Василій предусматривалъ уже, что ему не отстоять столицы и своего престола, если не получитъ помощи извнѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ царь рѣшился обратиться съ просьбой о помощи къ шведскому королю Карлу IX, врагу Польши и короля Сигизмунда III, тѣмъ болѣе, что Карлъ IX еще предыдущею зимой 160⁷/₈ года предлагалъ Василію эту помощь. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь рѣшилъ собрать новую рать въ Новгородѣ. Сборъ этой послѣдней и сношеніе съ Швеціей относительно выставленія ею вспомогательнаго войска Василій поручилъ своему знаменитому племяннику, князю Скопину-Шуйскому.

Но въ то время, какъ еще шли переговоры послѣдняго со шведами о помощи царю Василію, пока юный герой, „бояринъ, и воевода, и ближній пріятель“ царскій, среди бунта и измѣны, проникшей и въ сѣверо-западныя русскія области—Новгородскую и Псковскую, тщетно напрягалъ свои усилія къ сбору сѣвернаго ополченія для освобожденія Москвы и отечества, поляки Тушинскаго вора дѣйствовали въ пользу своего союзника подъ Москвою и на сѣверѣ. Новый сподвижникъ самозванца, Янъ Сапѣга, знатный польскій воевода, талантливый и отважный вождь, но вмѣстѣ съ тѣмъ герой разбоя, грабежа и насилія, гордый и нетерпѣвшій подчиненія гетману Рожинскому, хотѣлъ дѣйствовать отдѣльно и самостоятельно. Въ удовлетвореніе его, съ общаго совѣта въ Тушинскомъ станѣ, поручили ему покореніе Троицко-Сергіевской лавры, славившейся своимъ богатствомъ и имѣвшей въ это время, благодаря своему положенію и сильнымъ укрѣпленіямъ, весьма важное военное значеніе.

Для успѣха предпріятія отрядъ Сапѣги рѣшено было усилить до 30.000 человѣкъ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ польскихъ хоругвей и отряда Лисовскаго, опустошавшаго набѣгами Рязанскую, Владимірскую и Нижегородскую области. 13 сентября Сапѣга выступилъ изъ Тушина по дорогѣ къ

Троицкой лаврѣ. Узнавъ о раздѣленіи силъ непріятеля, царь рѣшилъ воспользоваться тѣмъ для нападенія на Сапѣгу и нанесенія ему пораженія и выслалъ вслѣдъ за нимъ трехъ-полковую рать, изъ 30.000 пѣхоты и 10.000 конницы, подъ главнымъ начальствомъ своего брата, князя Ивана Шуйскаго. 22-го числа послѣдній достигъ рѣчки Талицы и встрѣтилъ Сапѣгу близъ села Рахманова. Возгорѣвшійся жестокій бой, въ началѣ успѣшный для русскаго войска, окончился полнымъ разгромомъ послѣдняго; царскіе воеводы вернулись въ Москву съ ничтожными остатками; большая часть ратниковъ, кромѣ множества попавшихъ въ плѣнъ, разбрелась по домамъ ждать развязки боробы между Тушинскимъ воромъ и царемъ Василіемъ.

Ужасъ овладѣлъ столицею. Казалось, что исчезъ послѣдній лучъ надежды на ея спасеніе. Царь, не видя искренняго усердія въ службѣ воиновъ, объявилъ, что намѣренъ выдержать осаду, но что если кто не хочетъ сидѣть вмѣстѣ съ нимъ, тому вольно выѣхать. Хотя подъ первымъ впечатлѣніемъ погрома и цѣловали всѣ крестъ „умереть за домъ Пречистой Богородицы“, но на другой же день многіе изъ присягнувшихъ отъѣхали въ Тушино, и позорный примѣръ, ими данный, нашелъ множество послѣдователей. Войска, бывшія въ полѣ, отступили подъ

№ 1.

ПЛАНЪ ОСАДЫ

ТРОИЦКАГО-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ

ОТЪ 23 СЕНТЯБРЯ 1608 ГОДА ДО 12 ЯНВАРЯ 1610

Объясненіе:

1 Успенскій соборъ.
2 Троицкій соборъ.
3 [illegible]
4 Плотничная башня.
5 Конюшенные ворота.
6 Звѣздовая башня.
7 Сѣверо-восточная угольная башня.
8 Сушильная башня.
9 [illegible]
10 Юго-восточная угольн. баш.
11 Башня Южная.
12 Водяные ворота.
13 Водяная башня.
14 Погребная башня.
15. 15. 15. Параллель, заложенная въ ночь съ 30 Сентября на 1е Октября 1608
16. Подступной ровъ, начатый въ ночь съ 6 на 7 Октября 1608
17. 17. [illegible] Октября 1608.
[illegible] башней въ Ноябрѣ 1608, I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. и IX девять непріятельскихъ батарей.

защиту крѣпостныхъ стѣнъ и башенъ, которыя надежно обезпечивали еще столицу отъ открытыхъ приступовъ тушинцевъ.

Оборона Троицко-Сергіевской лавры
(въ 1608—10 гг.).

Между тѣмъ Сапѣга, разбивъ на-голову отрядъ князя Ивана Шуйскаго, двинулся къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, къ которой и подступилъ вечеромъ 23-го сентября.

По положенію своему на сообщеніяхъ Москвы съ Угличемъ, Ярославлемъ, Владиміромъ, а черезъ него—Нижнимъ-Новгородомъ и даже Казанью, Троицкая лавра въ это несчастное для Россіи время имѣла весьма важное военное значеніе, служа опорнымъ пунктомъ, обезпечивавшимъ сообщеніе столицы съ сѣверными и восточными областями государства, откуда царь только и могъ надѣяться получить пособіе деньгами, запасами и ратными дружинами. Богатства Лавры и обиліе запасовъ ея также побуждали поляковъ употребить всѣ усилія къ овладѣнію этою священною для русскихъ обителью. Основанная въ XIV вѣкѣ среди Радонежскихъ лѣсовъ на довольно пересѣченной мѣстности между овраговъ и горъ, Лавра еще въ царствованіе Грознаго была ограждена каменною стѣною на пространствѣ 642 са-

женей, въ видѣ неправильнаго четвероугольника (см. планъ осады монастыря); высота стѣнъ доходила отъ 4 до 6 и 7 саженей при 3 саженяхъ средней толщины; въ нихъ были устроены двухъ-ярусныя ниши, или по тогдашнему *каморы*, приспособленныя къ оборонѣ. На углахъ и бокахъ ограды находились каменныя башни (8), устроенныя въ нѣсколько ярусовъ. Съ восточной стороны стѣна ограждена была глубокимъ рвомъ; подступы къ южной и западной стѣнамъ отчасти затруднялись рѣчкой Кончурой. Царь Василій, сознавая важное значеніе Лавры и необходимость удержанія ея за собою, успѣлъ заблаговременно выслать для обороны ея дружины боярскихъ дѣтей, вѣрныхъ казаковъ и стрѣльцовъ и повелѣлъ монастырскому начальству принять мѣры предосторожности. При первомъ появленіи Сапѣги сожжены были за монастырскими стѣнами внѣшнія постройки и посады, которые могли доставить непріятелю какое либо помѣщеніе; только для удобства вылазокъ оставлены были внѣ ограды мельница на Кончурѣ за Подольнымъ монастыремъ и пивной дворъ на берегу Кончуры съ западной стороны. Обнесенный прочнымъ тыномъ, дворъ этотъ составлялъ какъ бы наружное укрѣпленіе, имѣвшее обезпеченное сообщеніе съ монастыремъ посредствомъ тайника (подземнаго хода). Заготовленные заблаговременно ог-

ромные боевые и продовольственные запасы обезпечивали потребность продолжительной осады. Жители сожженныхъ посадовъ и ближайшихъ окрестныхъ мѣстъ искали убѣжища въ Лаврѣ и были приняты сострадательнымъ архимандритомъ Іоасафомъ; мало увеличивъ составъ гарнизона, они составили лишь вредное бремя для обороны, произведя чрезмѣрную тѣсноту и сокращая продовольственные запасы во время осады. Число защитниковъ Лавры не превышало 3.000 человѣкъ. Осадными головами были князь Долгоруковъ - Роща и Голохвастовъ; дѣятельное участіе въ дѣлѣ обороны принималъ архимандритъ Іоасафъ, воодушевлявшій всѣхъ къ подвигамъ мужества, принявшій на себя всѣ хозяйственныя заботы во время осады и даже руководившій въ дѣйствіяхъ осадныхъ воеводъ, не всегда согласныхъ и часто враждовавшихъ между собою. Отрядъ защитниковъ раздѣлили на двѣ части и назначили одну изъ нихъ для обороны стѣнъ, а другую для вылазокъ, вмѣнивъ послѣдней въ обязанность составлять резервы первой во время приступа. Люди перваго разряда, подчиненные головамъ изъ дворянъ и монаховъ, были распредѣлены по стѣнамъ, башнямъ, воротамъ и подошвеннымъ бойницамъ въ стѣнахъ; каждый зналъ, какое мѣсто ему оборонять, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ оставлять онаго.

Въ ряды защитниковъ стали и монастырскіе иноки, которые въ продолженіе всей осады служили образцомъ рѣдкаго мужества и самоотверженія.

Подступивъ къ Троицкой лаврѣ, непріятельское войско, въ числѣ 30.000 человѣкъ при 63 орудіяхъ, подъ главнымъ начальствомъ Сапѣги, окружило монастырь со всѣхъ сторонъ и расположилось въ нѣсколькихъ лагеряхъ, оградивъ ихъ окопами. Получивъ отказъ на предложеніе о сдачѣ, Сапѣга въ ночь съ 30-го сентября на 1-е октября открылъ осадныя работы возведеніемъ 9-ти батарей (I—IX) у Терентьевской рощи и на горахъ Красной и Волкушѣ и общей траншеи позади батарей на Красной горѣ. 3 октября всѣ 9 батарей, вооруженныя 63 орудіями, открыли огонь, продолжавшійся почти безпрерывно въ теченіе 6 недѣль какъ противъ стѣнъ и башенъ, такъ и противъ внутренности Лавры. Въ отвѣтъ на это осажденные безпрестанно тревожили вылазками осаждавшихъ.

Въ ночь съ 6-го на 7-е октября непріятель заложилъ новый подступной ровъ (16) подъ горою противъ восточной части ограды въ направленіи къ Краснымъ воротамъ и повелъ изъ него подземныя работы противъ Круглой башни. Въ эту же ночь Лисовскій произвелъ неудачное нападеніе на мельницу близъ Подольнаго монастыря: отраженный съ

трономъ и самъ раненный въ руку, онъ долженъ былъ отступить, однако и защитники оставили мельницу, во избѣжаніе напрасной траты людей и въ виду открытаго близъ нея подступа.

12-го октября ровъ былъ доведенъ до высоты, но подземныя работы шли медленно. Горя нетерпѣніемъ овладѣть Лаврою, Сапѣга не хотѣлъ дожидаться дѣйствія подкоповъ и рѣшился на другой день произвести общій приступъ. Уже съ утра этого дня шло шумное веселье въ станѣ непріятеля, устроенное Сапѣгой, вѣроятно, для возбужденія своихъ ратниковъ, и съ утра открытъ былъ огонь со всѣхъ батарей по монастырю. Къ вечеру войска выведены были изъ лагеря и построены вдоль батарей и траншей; съ наступленіемъ совершенной темноты, по залпу батарей Красной горы и при громѣ музыки, войска Сапѣги со всѣхъ сторонъ двинулись на приступъ съ штурмовыми лѣстницами и прикрываясь придвинутыми щитами и рублеными тарасами, подкаченными на колесахъ. Однако приступъ былъ произведенъ безпорядочно и безъ особеннаго труда былъ отбитъ залпомъ изъ пушекъ и пищалей; встрѣченные сильнымъ огнемъ, атаковавшіе бросились въ безпорядкѣ назадъ, побросавъ лѣстницы, щиты и тарасы, которые на другой день были подобраны осажденными и употреблены ими на дрова, въ коихъ уже ощущался недостатокъ.

Въ теченіе слѣдующей недѣли непріятели не предпринимали ничего рѣшительнаго, лестью и угрозами стараясь склонить осажденныхъ къ сдачѣ. Послѣдніе не только не думали о ней, но даже произвели сильную вылазку (19 октября) пѣхотой и конницей въ направленіи Служней слободы и особенно на батареи Красной горы; послѣ упорнаго боя осажденные были отбиты и—съ значительнымъ урономъ. Поощренный успѣхомъ, Сапѣга рѣшилъ воспользоваться неудачей защитниковъ Лавры и въ темную осеннюю ночь 23 октября, при громѣ орудій со всѣхъ батарей, снова двинулъ свои войска къ стѣнамъ монастыря и особенно къ Пивному двору; однако и на этотъ разъ приступъ былъ отбитъ. Новая неудача сильнаго противника возвысила духъ горсти защитниковъ Лавры, которые въ свою очередь произвели удачную вылазку 27-го октября на слабѣйшую часть блокадной линіи непріятеля — на Княжье поле и вдоль Мишутина оврага. Но этотъ частный успѣхъ не улучшилъ положенія осажденныхъ, а напротивъ повелъ къ болѣе тѣсному обложенію Лавры: непріятель ближе придвинулъ къ стѣнамъ блокадную линію, засѣлъ по ямамъ и плотинамъ прудовымъ, препятствуя осажденнымъ брать изъ нихъ воду и выгонять скотъ на водопой, и открылъ подземныя работы. Узнавъ о производствѣ

послѣднихъ, но не имѣя еще свѣдѣній ни о мѣстѣ, ни о направленіи ихъ и желая охранить ограду отъ подземныхъ галлерей, осадные воеводы поручили монастырскому слугѣ Власу Корсакову, *„зѣло искусному“* въ горномъ ремеслѣ, устроить *слухи* (слуховые колодцы) подъ башнями и стѣнами, а съ сѣверной стороны, начиная отъ Служней слободы, вырыть передъ оградою глубокій ровъ. Недовольствуясь этимъ, желая узнать точнѣе мѣсто расположенія подземныхъ работъ и, если можно, то и уничтожить ихъ, осажденные произвели вылазку (1-го ноября) въ направленіи подступнаго рва (16); но она была отбита съ урономъ. Поляки обрадовались этому поверхностному успѣху, ближе подвинули отъ подступнаго рва туры и тарасы и готовились къ новому приступу; однако смѣлая вылазка уничтожила эти приготовленія. Наконецъ осажденные достовѣрно узнали отъ одного плѣннаго казака, что подкопы ведутся подъ юго-восточную угловую башню. Извѣстіе это побудило осадныхъ воеводъ укрѣпить угрожаемое мѣсто новою внутреннею оградой (18): она была проведена отъ южной стѣны до Святыхъ или Красныхъ воротъ и состояла изъ тарасовъ, насыпанныхъ землей со рвомъ впереди и огражденныхъ частоколомъ; вершину этой ограды вооружили орудіями.

Узнавъ отъ переметчика, донского казака, что поляки намѣрены уже заряжать подкопъ 8-го числа, защитники Лавры положили произвести сильную вылазку съ цѣлью уничтоженія подкоповъ; для бо̀льшаго удобства вылазки повелѣно было открыть старыя потаенныя ворота (вылазъ) изъ-подъ стѣны въ ровъ возлѣ Сушильной башни (8) и придѣлать къ нимъ трое желѣзныхъ воротъ. Вылазку рѣшили произвести въ трехъ направленіяхъ.

Кончалась 6-я недѣля со времени начала осады, но никогда еще огонь батарей осаждавшихъ не достигалъ такой силы, какъ 8-го ноября; даже во внутренности Троицкаго собора нельзя было укрыться отъ ядеръ; монастырскія пушки отвѣчали противнику и между прочимъ разбили огромную польскую пушку, носившую названіе *Трещеры*, наиболѣе вредившую Лаврѣ. Наступало 9-е ноября—день важный для защитниковъ Троицкой лавры и достопамятный въ исторіи печальной эпохи, *Смутнаго времени*, въ Россіи. Послѣ молебствія въ Троицкомъ соборѣ, часа за 3 до разсвѣта, осадные воеводы приказали отрядамъ выходить къ назначеннымъ мѣстамъ; одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ головы Ивана Внукова, вышелъ вновь открытымъ *вылазомъ* (у Сушильной башни) въ ровъ и тамъ устроился для вылазки; другой отрядъ, головъ Есипова, Марина и

Редрикова, вышелъ отъ Пивного двора и засѣлъ на луковомъ огородѣ и третій—головы Ходырева и другихъ, состоявшій изъ пѣшихъ сотенъ и всей конницы, выступилъ изъ Конюшенныхъ воротъ (5). Монахи распредѣлены были по всѣмъ частямъ войскъ для поощренія сражавшихся, коимъ въ отзывъ (ясакъ) дано было имя Св. Сергія. Глубокая тьма отъ густыхъ темныхъ тучъ благопріятствовала незамѣтному выходу отрядовъ изъ монастыря. Едва устроились послѣдніе, какъ налетѣвшій порывистый вѣтеръ разсѣялъ облака, затмѣвавшія наступавшій уже утренній свѣтъ. Среди полной тишины ранняго утра раздался первый ударъ осаднаго колокола; по третьему удару его, служившему условленнымъ сигналомъ, вылазки устремились къ назначеннымъ мѣстамъ. Первый отрядъ съ доблестнымъ головою Иваномъ Внуковымъ, достигнувъ подступного рва, выбилъ оттуда непріятелей, сбилъ ихъ подъ гору за мельницу и отыскалъ входы въ подкопы; двое Клементьевскихъ крестьянъ, Шиловъ и Слота, отважились спуститься въ подкопъ и поджечь уже сложенный тамъ порохъ; къ несчастью, оба они не успѣли выбѣжать оттуда и жизнію заплатили за геройское самоотверженіе. Вся подкопная работа разрушилась, но монастырскія стѣны уцѣлѣли, такъ какъ подкопъ еще не былъ забитъ.

Нападенія двухъ другихъ отрядовъ были сначала неудачны. Воеводы, видя, что цѣль вылазки была уже достигнута, а кровь храбрыхъ защитниковъ проливалась безъ всякой пользы, полагали за лучшее отступить и послали о томъ приказаніе; но ничто не могло удержать порыва разгоряченныхъ защитниковъ,—они продолжали нападеніе. Южный отрядъ головы Есипова двинулся отъ луковаго огорода черезъ плотину Краснаго пруда и атаковалъ батареи на горѣ Волкушѣ и у Терентьевской рощи; нѣсколько отчаянныхъ атакъ было уже отбито; самъ Есиповъ былъ раненъ; малочисленный отрядъ изнемогалъ въ неравной борьбѣ и едва держался подъ горою. Подоспѣвшая помощь со Внуковымъ подкрѣпила храбрецовъ; непріятель въ свою очередь не выдержалъ стремительной атаки Внукова и Есипова и былъ отброшенъ съ значительнымъ урономъ на гору Волкуша и до Терентьевской рощи. Но этотъ успѣхъ дорого стоилъ побѣдителямъ, потерявшимъ убитымъ доблестнаго Внукова. Въ то же время сѣверный отрядъ съ пѣшими и конными сотнями, подъ начальствомъ головы Ходырева, ударилъ на поляковъ около Служней слободы, смялъ ихъ, прогналъ за мельницу на лугъ и затѣмъ обратился на Красную гору. Отчаянный неравный бой на этой послѣдней, на горѣ Волкушѣ и у Терентьевской рощи,

увлекъ, вопреки приказанію воеводъ и оставшихся на монастырскихъ стѣнахъ воиновъ и иноковъ: старецъ Нифонтъ (изъ рода дворянъ Зміевыхъ) съ 200 ратниковъ и 30 монахами вышелъ изъ пивного двора, перешелъ черезъ ручей и бросился на батареи Красной горы; сами воеводы должны были поддержать изнемогавшихъ въ борьбѣ геройскихъ защитниковъ Лавры. Все устремилось на Красную гору, гдѣ закипѣлъ отчаянный бой; два раза отбитые при нападеніяхъ, произведенныхъ съ фронта батарей, они произвели третье—съ фланга и тыла изъ Косого оврага, выбили непріятеля изъ фланговыхъ батарей и, преслѣдуя его отъ одной батареи къ другой, заставили окончательно отступить въ укрѣпленный лагерь. Совершенное пораженіе непріятеля, занимавшаго батареи на Красной горѣ, сожженіе туровъ здѣсь, взятіе 8 орудій, множества оружія и нѣсколькихъ бочекъ съ порохомъ—были трофеями достопамятной вылазки, продолжавшейся съ ранняго утра до поздняго вечера. Непріятель лишился 1.500 человѣкъ убитыми, 500 человѣкъ раненными и немалаго числа плѣнными; впрочемъ и потеря монастырскихъ защитниковъ была немаловажна: 174 человѣка убитыхъ и 66 человѣкъ раненныхъ.

Іоасафъ и воеводы послали царю Василію донесеніе о побѣдѣ, отъ которой ожидали для себя важ-

наго облегченія.—Ожиданія ихъ были не напрасны. Сапѣга уже не помышлялъ о возстановленіи разрушенныхъ батарей и подступовъ. Наступившая зима не позволяла продолжать осадныя работы и непріятель превратилъ осаду въ тѣсную блокаду, чѣмъ и закончились до слѣдующей весны военныя дѣйствія подъ Троицкимъ монастыремъ. Тѣсная блокада была не менѣе тягостнымъ испытаніемъ для осажденныхъ; тѣснота помѣщенія, дурная вода, недостатокъ въ разнаго рода овощахъ и въ хлѣбномъ винѣ развили въ защитникахъ и обитателяхъ Лавры страшную цынгу, иногда похищавшую до 100 человѣческихъ жертвъ ежедневно. Среди прочихъ нуждъ осажденныхъ, весьма чувствителенъ былъ для нихъ недостатокъ въ топливѣ. Всѣ кровли, чуланы и заднія сѣни были уже сожжены, дрова приходилось добывать съ бою, малыми вылазками въ ближайшихъ рощахъ.

Въ крайности бѣдствія архимандритъ Іоасафъ просилъ помощи у царя Василія черезъ келаря Авраамія Палицына, находившагося въ Москвѣ; но столица сама была въ трудномъ положеніи, ожидая приступа тушинскихъ злодѣевъ, и прислала ничтожное подкрѣпленіе: оно состояло изъ 60 казаковъ и 20 троицкихъ слугъ съ 20 пудами пороха; отрядъ этотъ счастливо пробился въ монастырь.

Бѣдственное положеніе Лавры, угрожавшее ко-

нечпою гибелью всѣмъ защитникамъ ея, не прекратило вылазокъ послѣднихъ и въ зимнюю пору противъ отдѣльныхъ заставъ и отрядовъ блокирующихъ. Однако предпріятія эти, иногда вполнѣ успѣшныя, поддерживая бодрость духа гарнизона, вели лишь къ уменьшенію рядовъ доблестныхъ защитниковъ монастыря.

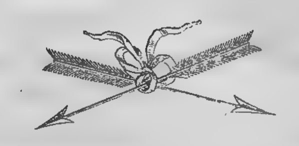
Съ наступленіемъ весны болѣзнь начала ослабѣвать и скоро совсѣмъ прекратилась, поглотивъ за время своего теченія до 2.000 человѣкъ. Исчезло уныніе въ Лаврѣ; гарнизонъ оживился и слабый числомъ (лишь около 1.000 человѣкъ), но сильный духомъ, готовился къ новымъ подвигамъ доблести. Сапѣга, не предпринимавшій зимою противъ Лавры ничего рѣшительнаго, полагая, что послѣдняя падетъ истощенная бѣдствіями, значительно ослабившій себя еще зимою выдѣленіемъ отрядовъ для дѣйствія въ окрестностяхъ Лавры и въ сѣверныхъ областяхъ государства, рѣшилъ наконецъ воспользоваться слабостью силъ защитниковъ ея и нанести имъ рѣшительный ударъ.

Съ полудня 27 мая осажденные замѣтили необыкновенное движеніе между войсками непріятеля. Лавра изготовилась къ защитѣ; на стѣнахъ ея явились не только способные къ бою, коихъ оставалось уже едва 1 тысяча человѣкъ, но и монахи, и даже жен-

щины. Съ наступленіемъ темноты осаждавшіе скрытно и тихо подошли къ стѣнамъ, таща за собою лѣстницы, тарасы и рубленые щиты. По залпу изъ пушекъ съ Красной горы непріятели бросились на приступъ; ихъ встрѣтили жестокимъ пушечнымъ огнемъ изъ нижнихъ подошвенныхъ бойницъ, а со стѣнъ поражали каменьями, обливали варомъ, ослѣпляли известью и не давали имъ ни приставлять лѣстницъ, ни придвигать щитовъ и тарасъ. Бой продолжался всю ночь и непріятель, отбитый на всѣхъ пунктахъ, отступилъ въ лагерь только утромъ. Эта неудача повергла Сапѣгу въ сильное недоумѣніе: продолжать ли еще осаду, казавшуюся уже безнадежной, или отойти къ Москвѣ? На собранномъ имъ 3-го іюня *коло* (сходкѣ) положено было отнюдь не отступать, не взявъ монастыря *); однако вновь произведенный приступъ также былъ отбитъ. Съ этой поры Сапѣга уже не считалъ возможнымъ предпринять съ имѣвшимися силами рѣшительныхъ дѣйствій противъ осажденныхъ и ограничился единственно блокадой; вскорѣ и самъ былъ встревоженъ движеніемъ русскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Скопина-Шуйскаго къ Москвѣ. Присоединеніе

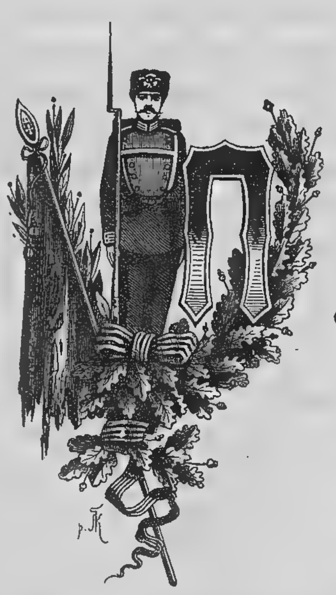
*) Д. Батурлинъ: „Исторія Смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка“, ч. II.

отряда Зборовскаго, высланнаго изъ Тушинскаго стана противъ Скопина и отступившаго уже отъ Твери, подало поводъ польскимъ вождямъ попытать счастья въ третьемъ общемъ приступѣ Троицкой Лавры. Приступъ былъ произведенъ за 3 часа до разсвѣта, 28 іюля, но безъ всякой связи въ дѣйствіяхъ штурмовавшихъ отдѣльныхъ отрядовъ, несмотря на всѣ предварительно отданныя для производства его распоряженія, и окончился полной неудачей, отбитый безъ особеннаго труда пищальнымъ и пушечнымъ огнемъ осажденныхъ. Это было последнее усиліе поляковъ овладѣть Троицкой лаврой. Приближеніе рати князя Скопина-Шуйскаго заставило не только ослабить блокаду, но въ концѣ концовъ и снять ее, что и было приведено въ исполненіе Сапѣгою въ началѣ января 1610 года.

ГЛАВА III.

Внутреннее состояніе Московскаго государства послѣ боя подъ Рахмановомъ.—Народныя возстанія.—Сборъ ополченія княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ въ Новгородѣ и движеніе русско-шведскаго ополченія отъ Новгорода къ Твери.—Занятіе Москвы княземъ Скопинымъ-Шуйскимъ.—Оборона Смоленска въ 1609—1610 гг.—Бой при селѣ Клушинѣ.

ока горсть защитниковъ Троицкой лавры геройски отбивалась отъ превосходныхъ силъ Сапѣги и Лисовскаго, сѣверныя области государства легко доставались въ руки тушинцевъ. Застигнутые врасплохъ или увлеченные измѣною, малодушіемъ и при-

мѣромъ другихъ, сѣверные города одинъ за другимъ сдавались польскимъ отрядамъ, высланнымъ Сапѣгой и Лисовскимъ, и шайкамъ русскихъ измѣнниковъ и присягали Лжедимитрію (осенью 1608 года). Первымъ былъ захваченъ Суздаль, гдѣ засѣлъ Лисовскій, опустошая окрестную страну; Переславль-Залѣсскій, Ярославль, Владиміръ, Угличъ, Кострома, Галичъ, Вологда и другіе города признали Лжедимитрія. Шуя, наслѣдственное владѣніе Василія, и Кинешма были взяты и разорены Лисовскимъ; возмутилась въ пользу самозванца вся мордва и нагорная черемиса; взята была Тверь, ополченіе которой находилось въ Москвѣ. На сѣверо-западѣ Россіи мятежъ разразился во Псковѣ, гдѣ посадскіе люди и народъ, выведенные изъ терпѣнія „всякими неправдами" воеводъ, приняли отрядъ тушинскаго воеводы Плещеева и присягнули самозванцу; заволновались было и новгородцы, но были удержаны въ вѣрности царю Василію увѣщаніями митрополита Исидора и съ почетомъ приняли князя Скопина-Шуйскаго, прибывшаго въ Новгородъ для сбора войска и открытія переговоровъ со шведами. Пламя мятежа, духъ раздора и буйства, разбои, грабежи и разнаго рода насилія повсемѣстно охватили Московское государство и, казалось, влекли его къ конечному разрушенію; остались вѣрными Москвѣ

только: Коломна, Переславль-Рязанскій, Смоленскъ, Новгородъ, Нижній, Саратовъ, Казань, Устюгъ и города сибирскіе.

Однако не долго продолжалось торжество власти Лжедимитрія въ присягнувшихъ ему городахъ. Неистовства, грабежи и разбои его приверженцевъ, въ особенности казаковъ и прочихъ русскихъ измѣнниковъ, навели ужасъ на городскихъ и сельскихъ жителей, вывели ихъ изъ терпѣнія и заставили возстать противъ злодѣевъ и снова покориться Василію. Вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ по Волгѣ и за Волгой возстанія крестьянъ: возставшіе собирались по городамъ и волостямъ въ отряды и истребляли тушинскихъ злодѣевъ; одинъ за другимъ возставали противъ нихъ и города. Отложившись отъ самозванца, они начали собирать свои ополченія, истреблять тушинскихъ воеводъ и мятежниковъ и снаряжать ратныхъ людей на службу царю Василію. Ихъ соединенное ополченіе, простиравшееся до 40.000 человѣкъ, съ весною 1609 года начало успѣшно дѣйствовать въ сѣверныхъ поволжскихъ городахъ подъ начальствомъ воеводы Вышеславцова. Съ другой стороны, бояринъ Ѳедоръ Шереметевъ, отозванный царемъ изъ-подъ Астрахани, освободилъ отъ осады мятежниковъ, мордвы и черемисы Нижній-Новгородъ, открылъ удачныя дѣйствія противъ

Лисовскаго *), засѣвшаго въ Суздалѣ и разорявшаго Костромскія, Галичскія и Юрьевскія земли, привелъ въ покорность Муромъ и взялъ приступомъ Касимовъ.

Пока такимъ образомъ сѣверныя и сѣверо-восточныя области понемногу очищались отъ власти мятежниковъ и въ приволжскихъ городахъ утверждались приверженцы царя Василія, положеніе послѣдняго въ Москвѣ было далеко не утѣшительно. Съ утвержденіемъ подъ Москвою другой столицы, столицы Тушинскаго вора, и послѣ разгрома, понесеннаго царскими войсками 22-го сентября 1608 г. подъ Рахмановомъ, въ населеніи Москвы обнаружился полный упадокъ нравственныхъ силъ; въ народѣ расторглись всѣ узы законной подчиненности, взаимное довѣріе между государственной властью и подданными рушилось, измѣна торжествовала и не презиралась. Нравственный развратъ дошелъ до того, что многіе не стѣснялись за жалованье служить по очереди царю Василію и Тушинскому вору; бѣглецовъ не презирали, а шутливо называли ихъ *перелетами*. Въ одной семьѣ одни служили въ Тушинѣ,

---

*) Этотъ неутомимый наѣздникъ, пріобрѣвшій, вмѣстѣ съ Сапѣгою, черную знаменитость въ нашей исторіи, часто оставлялъ осаду Троицкой лавры, послѣ неудачныхъ приступовъ ея, для отважныхъ разбойническихъ поисковъ въ поволжскихъ областяхъ.

другіе еще оставались вѣрными Василію, чтобы пользоваться выгодами той и другой стороны, а въ случаѣ несчастья здѣсь и тамъ имѣть заступниковъ. Большая часть московскихъ помѣщиковъ, не перешедшихъ на сторону самозванца, самовольно оставили столицу и разъѣхались по домамъ подъ предлогомъ хозяйственныхъ занятій; разосланные строгіе царскіе указы о сборѣ въ Москву всѣхъ безъ изъятія дворянъ и дѣтей боярскихъ оставались безъ исполненія и царскія силы въ Москвѣ состояли почти единственно изъ помѣщиковъ Сѣверской земли и Зарѣчной Украйны *), которые, потерявъ помѣстья, только въ одномъ царскомъ жалованьѣ находили средства къ пропитанію себя и своихъ семействъ и еще ревностно служили, чтобы отомстить врагамъ за свое разореніе.

Такое положеніе столицы не было, конечно, тайною для Тушинскаго вора и онъ разсчитывалъ, что стѣсненная имъ Москва съ истощеніемъ запасовъ покорится безъ кровопролитія. Узнавъ отъ новыхъ русскихъ измѣнниковъ, что столица снабжается продовольственными запасами и подвозами изъ Коломны, самозванецъ рѣшилъ овладѣть послѣднею. Однако

*) Такъ называлась страна, лежавшая на правой сторонѣ р. Оки, отъ Калуги до предѣловъ Рязанскихъ.

предпріятія противъ нея окончились неудачей: отрядъ пана Хмѣлевскаго, прибывшій къ Коломнѣ изъ Каширы, былъ отбитъ (причемъ самъ Хмѣлевскій попалъ въ плѣнъ) сильною вылазкою коломенскаго гарнизона, бывшаго подъ начальствомъ воеводы Бутурлина и усиленнаго вовремя прибывшимъ изъ Москвы значительнымъ отрядомъ князя Прозоровскаго и Сукина; двинутый къ Коломнѣ съ тою же цѣлью, непріятельскій отрядъ изъ Владиміра былъ разбитъ при с. Высоцкомъ, въ 40 верстахъ отъ Коломны, отрядомъ князя Димитрія Михайловича Пожарскаго. Эти неудачи и важное значеніе Коломны заставили самозванца отрядить къ ней съ сильнымъ отрядомъ полковника Млоцкаго, который и успѣлъ наконецъ осадить Коломну въ концѣ мая 1609 года. Хотя попытка Прокопія Ляпунова, выступившаго съ преданными ему рязанцами изъ Переславля-Рязанскаго и очистившаго отъ непріятеля Пронскъ, Михайловъ и Зарайскъ и окончилась неудачею, но за то и Млоцкій не успѣлъ овладѣть Коломною и долженъ былъ отступить къ Серпухову (17 іюля), получивъ извѣстіе о занятіи княземъ Скопинскимъ-Шуйскимъ Александровской слободы.

Между тѣмъ царь Василій, окруженный вѣроломствомъ и измѣной, удерживалъ въ повиновеніи столицу при содѣйствіи еще преданнаго ему вой-

ска и высшаго духовенства, единственнаго сословія въ Россіи непричастнаго беззаконію и не совращавшагося со стези долга и правды въ эту тяжелую годину отечества. Но Василій предусматривалъ, что возрастающія бѣдствія должны наконецъ сокрушить власть его и что въ такихъ обстоятельствахъ единственнымъ средствомъ спасенія оставалась внѣшняя помощь. Начатыя сношенія князя Скопина со Шведами и сборъ войскъ въ Новгородѣ поддерживали въ немъ надежду на эту помощь; независимо сего, на выручку столицы онъ рѣшилъ придвинуть возможно болѣе войскъ и съ этою цѣлью приказалъ боярину Шеину собрать новую рать въ Смоленскѣ, идти съ нею въ Москву и прибыть туда же боярину Ѳедору Шереметеву съ низовою ратью, которая безполезно стояла подъ Астраханью на островѣ Бальчикѣ.

Но если Москва не была спокойна за участь свою, то не было спокойно и въ Тушинѣ, гдѣ вся зима 1608—1609 года прошла въ смутахъ и бунтахъ, что и мѣшало самозванцу дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы. Подъ стѣнами ея хотя и происходили битвы частыя, но мелкія и не имѣли ничего рѣшительнаго; только лѣтомъ 1609 года произошли два сильныхъ столкновенія на Ходынкѣ и рѣчкѣ Химкѣ, окончившіяся пораженіемъ тушин-

цевъ. Это были послѣднія значительныя битвы между Москвою и Тушиномъ; Москва уже оживлялась надеждою близкаго спасенія: князь Скопинъ-Шуйскій былъ недалеко отъ нея.

Этотъ юный герой, обладавшій необыкновенными способностями, прибывъ въ Новгородъ, дѣятельно принялся за выполненіе даннаго ему царемъ порученія, приступилъ къ сбору ополченія и открылъ переговоры со шведами. Въ концѣ февраля 1609 года стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавный-Зиновьевъ заключили съ повѣренными Карла IX договоръ, по которому шведы обязались выставить вспомогательный отрядъ изъ 2.000 человѣкъ конницы и 3.000 пѣхоты за условленную плату и, сверхъ того, прислать безденежно столько, сколько король заблагоразсудитъ; шведскія войска должны были поступить въ полное подчиненіе князю Скопину. За эту помощь царь Василій отказался за себя и своихъ наслѣдниковъ отъ правъ на Ливонію, обязался постояннымъ союзомъ съ Швеціей противъ Польши и уступилъ Корелу съ ея уѣздомъ. Въ силу этого договора 5-тысячный шведскій вспомогательный корпусъ выступилъ изъ Выборга и 27 марта прибылъ на границу; за этимъ отрядомъ должно было придти еще до 10.000 войска, составленнаго изъ разноплеменныхъ охочихъ людей; но

число пришедшихъ въ дѣйствительности оказалось неполнымъ. На границѣ шведскія войска соединились съ отрядомъ Ададурова изъ 2.300 человѣкъ русскихъ войскъ, высланныхъ княземъ Скопинымъ на встрѣчу шведамъ. Шведскими войсками командовалъ Яковъ Понтусъ Делагарди, сынъ французскаго выходца реформата; частными начальниками подъ нимъ были Куркъ, Бойе, Сомме и Горнъ. 30 марта Делагарди лично прибылъ въ Новгородъ, и князь Скопинъ встрѣтилъ его съ пушечнымъ и ружейнымъ салютомъ. Полководцы, оба юные (Делагарди было 27 лѣтъ, Скопину всего 23 года), оба отличные, скоро сблизились между собою. Народъ любовался ими. Иноземцы, описывая русскаго вождя, говорятъ, что онъ при своей молодости былъ необыкновенно красивъ, статенъ, привѣтливъ и привлекалъ всѣхъ своимъ умомъ и тою силою души, которая выказывалась во всѣхъ его пріемахъ. Часть шведскихъ войскъ, въ числѣ 3.600 человѣкъ подъ начальствомъ Бойе и Мернера, прибыла въ Новгородъ, прочія же войска, состоявшія еще изъ 4 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Делагарди были направлены на Старую Руссу. Съ прибытіемъ шведскихъ войскъ Скопинъ открылъ наступательныя дѣйствія противъ тушинцевъ.

Первое столкновеніе Скопина должно было про-

изойти съ отрядомъ Кернозицкаго изъ 2.000 поляковъ и 6.000 запорожцевъ и русскихъ измѣнниковъ, высланнымъ изъ Тушина къ Новгороду и засѣвшимъ въ Старой Руссѣ. Передовой отрядъ шведскихъ войскъ подъ начальствомъ Горна съ русскимъ отрядомъ воеводы Чулкова безпрепятственно занялъ Старую Руссу, откуда Кернозицкій поспѣшно отступилъ за р. Ловать; однако 15 мая они настигли Кернозицкаго у с. Каменки (къ сѣверу отъ Холма), Торопецкаго уѣзда, и нанесли ему совершенное пораженіе, овладѣвъ 9 пушками, знаменами и частью обоза; затѣмъ Горнъ и Чулковъ заняли Торопецъ. Слѣдствіемъ этихъ первыхъ успѣховъ русско-шведскихъ войскъ было отложеніе отъ самозванца Старицы, Осташкова, Холма, Великихъ Лукъ, Невеля и Ржева; Псковъ еще держался самозванца. 10 мая выступилъ изъ Новгорода къ Москвѣ князь Скопинъ-Шуйскій, приказавъ войскамъ Делагарди, слѣдовавшимъ по другую сторону озера Ильменя, выйти на Московскую дорогу на соединеніе съ нимъ. Для удержанія въ повиновеніи вновь покорившихся городовъ въ Торопцѣ оставленъ былъ отрядъ подъ начальствомъ воеводы Чулкова.

Наступленіе князя Скопина встревожило тушинскій станъ. На совѣтѣ, собранномъ Рожинскимъ,

рѣшено было выслать противъ него Зборовскаго съ 2.000 человѣкъ польскихъ копейщиковъ (пикинеровъ) и Шаховского съ 1.000 русскихъ всадниковъ; кромѣ того, для усиленія Зборовскаго, предлагалось ему присоединить къ себѣ отрядъ Кернозицкаго. Зборовскій двинулся на Зубцовъ, истребилъ г. Старицу и подступилъ къ Торжку; разбивъ здѣсь передовой отрядъ Скопина, бывшій подъ начальствомъ Головина и Горна, и получивъ извѣстіе о движеніи князя Скопина съ главными силами, онъ отступилъ на Тверь, гдѣ и соединился съ отрядомъ Кернозицкаго. 27 іюня соединенное русско-шведское ополченіе прибыло въ Торжокъ, куда къ тому же времени подоспѣло 3-тысячное подкрѣпленіе, подъ начальствомъ воеводы князя Барятинскаго, высланное смоленскимъ воеводою Шеинымъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Торжкѣ, князь Скопинъ-Шуйскій выступилъ къ Твери и 11 іюля вступилъ здѣсь въ бой съ войсками Зборовскаго и Кернозицкаго, усиленными прибывшими подкрѣпленіями изъ Тушина. Потерпѣвъ неудачу, князь Скопинъ возобновилъ однако нападеніе въ ночь на 13 іюля и разбилъ непріятелей на-голову. Въ два мѣсяца очистивъ такимъ образомъ отъ непріятелей страну отъ Новгородскихъ до Московскихъ предѣловъ, князь Скопинъ-Шуйскій думалъ скоро осво-

бодить и Москву и, выступивъ туда съ русскимъ ополченіемъ, приказалъ слѣдовать за нимъ шведскимъ войскамъ Делагарди.

Москва съ нетерпѣніемъ ожидала прибытія князя Скопина; уже одно приближеніе его благотворно подѣйствовало на духъ войскъ. Съ другой стороны, наступленіе князя Скопина изъ Новгородскихъ предѣловъ тревожило Тушинскій станъ. Потерпѣвъ полную неудачу 5 іюня въ бою на Ходынкѣ съ царскими войсками, Рожинскій послѣ трехнедѣльнаго бездѣйствія снова двинулся къ Москвѣ 25 іюня со всѣми своими силами, чтобы сжечь деревянный городъ и въ надеждѣ овладѣть столицей. Царскія войска выступили на встрѣчу непріятелю и опять столкнулись съ нимъ на Ходынкѣ. Загорѣлся отчаянный бой, продолжавшійся почти въ теченіе цѣлаго дня съ большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и съ перемѣннымъ успѣхомъ и окончившійся полнымъ пораженіемъ тушинцевъ, обращенныхъ наконецъ въ бѣгство и потерявшихъ, кромѣ убитыхъ, 700 человѣкъ плѣнными, нѣсколько орудій, знаменъ, набатовъ и литавръ. Пораженіе враговъ въ этотъ день и 5 числа было на столько чувствительно для нихъ, что Рожинскій уже не отваживался болѣе открытою силой нападать на Москву.

Ободренная успѣхами царскаго войска, не безпо-

коимая болѣе врагами изъ Тушинскаго стана и вновь обезпеченная подвозами запасовъ изъ Коломны, по случаю снятія осады послѣдней Млоцкимъ (17 іюля), Москва ожидала уже скораго прибытія князя Скопина и, казалось, была близка къ спасенію. Но судьба рѣшила иначе: на пути къ Москвѣ и находясь отъ нея лишь въ 130 верстахъ, Скопинъ-Шуйскій измѣнилъ направленіе движенія. Въ Городнѣ онъ получилъ извѣстіе, что шедшія за нимъ иноземныя войска взбунтовались, отказываются служить и слѣдовать далѣе въ глубь Россіи, требуя условленной уплаты жалованья. Напрасно Делагарди старался возстановить порядокъ въ разноплеменномъ своемъ войскѣ,—ни угрозы, ни увѣщанія его не подѣйствовали, и онъ долженъ былъ отвести войска свои обратно въ Тверь. Неожиданно оставленный союзниками, Скопинъ-Шуйскій не отважился идти къ Москвѣ съ своимъ малочисленнымъ войскомъ, дабы не подвергнуться отдѣльному пораженію, и для обезпеченія дальнѣйшаго успѣха рѣшилъ соединиться съ ополченіями сѣверныхъ городовъ, находившимися при Вышеславцовѣ въ Ярославлѣ и съ Жеребцовымъ въ Костромѣ. Въ виду сего, перейдя черезъ Волгу подъ Городнею, князь Скопинъ двинулся къ Калязину монастырю, который и занялъ 24 іюля. Въ то время какъ Зборовскій, сое-

динившись съ Сапѣгою, безуспѣшно приступалъ къ Троицкому монастырю, Скопинъ соединился съ сѣверными ополченіями; онъ пригласилъ кромѣ того, по особому договору, отрядъ шведскаго войска, около 1.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Христіерна Сомме, который и прибылъ подъ Калязинъ. Между тѣмъ Сапѣга, получивъ извѣстіе, что у Скопина, даже съ сѣверными ополченіями, было не болѣе 20.000 войскъ, изъ которыхъ большая часть были худовооруженные и неустроенные крестьяне, и опасаясь дальнѣйшаго усиленія русскаго вождя, рѣшилъ воспользоваться раздѣленіемъ русско-шведской рати и произвести нападеніе на Скопина. Съ этою цѣлью онъ, вмѣстѣ съ Зборовскимъ, выступилъ 10 августа изъ своего стана подъ Троицкою лаврой съ сильнымъ отрядомъ, въ которомъ одной польской конницы было 12.000 человѣкъ, не считая казаковъ, и двинулся къ Калязину; однако поискъ этотъ окончился полной неудачей: Сапѣга былъ разбитъ въ 20 верстахъ отъ Калязина на берегахъ рѣчки Жабны, впадающей въ Волгу. Потерпѣвъ пораженіе, Сапѣга отступилъ къ Переславлю, оттуда—къ Троицкой лаврѣ; для наблюденія за Скопинымъ, онъ отправилъ въ Переславль 250 стрѣльцовъ, 2 казачьи роты и нѣсколько боярскихъ дѣтей и другихъ служилыхъ людей. Зборовскій воротился въ Тушино.

Между тѣмъ Скопинъ, оставаясь подъ Калязинымъ, употреблялъ всѣ усилія для образованія сильнаго ополченія съ цѣлью освобожденія Москвы, пополненія истощенной казны своей, обученія войскъ и соглашенія съ Делагарди, уже ушедшаго изъ Твери къ шведскимъ границамъ, вслѣдствіе рѣшительнаго требованія возмутившагося войска. Мѣры, принятыя Скопинымъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Сѣверные города и въ особенности монастыри присылали ему подати и пожертвованія деньгами и разными необходимыми вещами. На усиленіе ополченія въ Калязинъ прибывали хорошо вооруженные ратные люди. Обученіе прибывавшихъ новобранцевъ и неопытныхъ воиновъ Вышеславцева и Жеребцова Скопинъ поручилъ шведу Сомме, который ревностно занялся этимъ дѣломъ. Онъ ежедневно обучалъ ихъ по правиламъ, введеннымъ въ Голландіи Морицомъ Нассаускимъ, и въ примѣрныхъ бояхъ показывалъ имъ, какъ владѣть оружіемъ, копать подступные рвы, устраивать окопы и какимъ образомъ обращаться при дѣйствіяхъ малой войны. Сомме оказалъ большія услуги Скопину, способствуя возстановленію добрыхъ отношеній и соглашенію между нимъ и Делагарди. Получивъ деньги, Скопинъ выплатилъ часть жалованья шведскому войску, отправилъ, отъ имени царя, Ѳедора Чулко-

ва сдать шведамъ Корелу и тѣмъ побудилъ Делагарди прибыть къ нему (изъ Торжка) съ войскомъ.

Устроивъ дѣла, князь Скопинъ-Шуйскій началъ уже готовиться къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Высланный имъ сильный отрядъ подъ начальствомъ Головина занялъ 1 сентября Переславль-Залѣсскій. Лисовскій, отрѣзанный тѣмъ отъ Сапѣги, отошелъ къ Суздалю, гдѣ и укрѣпился.

26 сентября прибылъ къ Скопину Делагарди съ отрядомъ всего въ 2.200 человѣкъ. Вожди обсудили свое положеніе и приняли планъ дѣйствій для дальнѣйшихъ операцій. Имѣя въ виду возможно болѣе беречь ополченіе, съ такимъ трудомъ собранное имъ для освобожденія Москвы и отечества, и не желая подвергать случайности и риску дальнѣйшія операціи, Скопинъ, по совѣту Делагарди, рѣшилъ послѣдовать осторожному образу дѣйствій, принятому принцемъ Морицомъ Нассаускимъ въ Нидерландахъ. По составленному плану предводители русско-шведскаго ополченія рѣшили избѣгать опасныхъ случайностей главныхъ сраженій, изнурять непріятеля частыми поисками, стараться затруднять его сообщенія и между тѣмъ постепенно подвигаться впередъ къ Москвѣ подъ прикрытіемъ отрядовъ, заранѣе высылаемыхъ для занятія укрѣпленныхъ мѣстъ и для построенія новыхъ острожковъ. Однако нельзя

не замѣтить, что подобный образъ дѣйствій не отвѣчалъ обстановкѣ. Стѣсненная Москва требовала скорой помощи и государство, преданное безначалію и разоренію, изнемогало отъ продолженія смутъ. Казалось бы, что князю Скопину тѣмъ необходимѣе было наступать рѣшительно, что Москва не имѣла уже болѣе въ виду полученія другой помощи и что князь, дѣйствуя въ странѣ открытой, не имѣвшей крѣпостей, могъ разсчитывать на быстрые успѣхи, слѣдствіемъ коихъ было бы освобожденіе столицы и обузданіе внутреннихъ крамольниковъ.

Приведя съ собою слабый отрядъ въ 2.200 человѣкъ, Делагарди обнадеживалъ Скопина, что значительныя силы вспомогательныхъ войскъ находятся на походѣ изъ Швеціи. Однако трудное положеніе Москвы и государства не позволяло Скопину ждать прибытія этихъ подкрѣпленій и заставило его передвинуться ближе къ Москвѣ. 6-го октября соединенное ополченіе русско-шведскихъ войскъ въ 20.200 человѣкъ заняло Переславль, а затѣмъ Александровскую слободу, гдѣ и укрѣпилось. Тогда не только Сапѣга и Зборовскій, но и самъ главный вождь тушинскаго вора Рожинскій двинулся на Скопина; послѣ кровопролитнаго боя подъ Александровской слободой и понеся большія

потери, сподвижники самозванца отошли обратно къ Троицкой лаврѣ. Въ слободу же къ Скопину прибывали подкрѣпленія: низовая рать боярина Шереметева изъ Владиміра и отряды князей Куракина и Лыкова изъ Москвы. Такимъ образомъ сѣверъ очищался отъ враговъ. Главныя рати царя Василія, наступая съ запада и востока, уже соединились и готовы были двинуться къ Москвѣ, чтобы подъ стѣнами ея дать рѣшительный бой тушинскому вору. Самъ Скопинъ порывался къ столицѣ, но Делагарди, въ виду принятаго плана дѣйствій, удерживалъ его, представляя, что не слѣдуетъ оставлять въ тылу непріятеля и нужно очистить отъ него сосѣднюю страну. Такимъ образомъ Скопинъ простоялъ всю зиму въ Александровской слободѣ. Въ январѣ прибыло къ нему новое подкрѣпленіе изъ Швеціи въ числѣ 3.000 человѣкъ, съ которыми у Делагарди снова оказалось болѣе 5.000 вспомогательныхъ иноземныхъ войскъ. Отказавшись отъ рѣшительнаго наступленія къ Москвѣ съ цѣлью освобожденія ея, Скопинъ обратился къ покоренію окрестной страны; высылаемые имъ отряды удачно вели малую войну къ сѣверу и востоку отъ Троицкаго монастыря, стѣсняя осаждавшія его войска Сапѣги и перехватывая ихъ фуражировъ. Въ этой малой войнѣ, по причинѣ выпавшаго уже глубока-

го снѣга, особенно отличались 4.000 лыжниковъ изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ областей и изъ шведской Нордъ-Ботніи, отъ которыхъ не могла спасаться даже непріятельская конница. Мало-помалу окрестная страна очищалась отъ враговъ: 12-го января 1610 года Сапѣга снялъ осаду Троицкой лавры, укрѣпился сначала въ Дмитровѣ, а затѣмъ отошелъ къ Іосифову Волоколамскому монастырю, но и здѣсь оставался не долго: возмутившаяся шляхта его отряда и казаки рѣшили уйти къ самозванцу, уже бѣжавшему въ Калугу, а самъ онъ отправился въ Смоленскъ къ королю Сигизмунду. Только Лисовскій всю зиму и весну держался въ Суздалѣ и безнаказанно разорялъ окрестности его. Оставшись одинъ среди враждебной земли и отовсюду отрѣзанный, онъ рѣшился силою оружія пробиться до литовской границы. Выступивъ изъ Суздаля въ маѣ вмѣстѣ съ казачьимъ атаманомъ Просовецкимъ, онъ переправился на лѣвую сторону Волги, мимоходомъ приступилъ къ Калязину монастырю, овладѣлъ имъ, разграбилъ и сжегъ его, предавъ смерти всѣхъ защитниковъ монастыря и въ числѣ ихъ воеводу Жеребцова. Совершивъ этотъ разбойническій подвигъ, онъ двинулся далѣе проселками и безпрепятственно достигъ Виликихъ Лукъ. Между тѣмъ Тушинскій станъ разошелся.

Пока доблестный Скопинъ съ каждымъ днемъ умножалъ свои силы и число приверженцовъ законнаго правительства, сподвижники самозванца: поляки, казаки и русскіе измѣнники, грабя и разоряя край,—возбуждали въ населеніи всеобщую ненависть къ себѣ и виновнику народныхъ бѣдствій. Вступленіе Сигизмунда въ русскіе предѣлы встревожило Тушинскій станъ и вредно отозвалось на дѣлѣ тушинскаго вора. Въ Тушинѣ скоро узнали, что шайки запорожцевъ, служа королю, берутъ города его именемъ и что Путивль, Черниговъ, Брянскъ вмѣстѣ съ другими сѣверскими городами волею или неволею ему покорились, измѣнивъ Лжедимитрію. Въ Тушинскомъ станѣ со дня на день увеличивались раздоры и смуты. Лжедимитрій не считалъ уже себя безопаснымъ и, переодѣвшись въ крестьянское платье, бѣжалъ въ Калугу 17-го декабря 1609 года. Бѣгство самозванца содѣйствовало переходу поляковъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ на сторону Сигизмунда; къ послѣднему явились подъ Смоленскъ и были представлены въ торжественной аудіенціи 21-го января 1610 года послы отъ русскихъ Тушинскаго стана съ предложеніемъ признать Московскимъ царемъ королевскаго сына Владислава. Въ Тушинѣ оставался еще Рожинскій. Имѣя передъ собою значительныя силы царскихъ

войскъ, занимавшихъ Москву, справа—самозванца, усиливавшагося въ Калугѣ и преграждавшаго ему всѣ пути за Оку и Угру, слѣва—войска Скопина въ Дмитровѣ, а въ тылу—отрядъ Измайлова въ Можайскѣ, на пути сообщенія со Смоленскомъ, Рожинскій находился въ опасномъ положеніи и не считалъ возможнымъ долѣе держаться въ Тушинѣ. 5 марта онъ отступилъ по свободной Волоколамской дорогѣ, предавъ пламени Тушинскій станъ. Подъ Волоколамскимъ монастыремъ произошло новое междоусобіе. Въ этой суматохѣ Рожинскій упалъ на каменную лѣстницу монастыря, зашибъ себѣ бокъ, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Большая часть изъ бывшихъ при немъ поляковъ перешла къ королю, немногіе ушли въ Калугу къ самозванцу.

Такъ Москва освободилась отъ Тушинскаго стана, 2 года и 9 мѣсяцевъ державшаго ее въ постоянной тревогѣ. 12-го марта Скопинъ съ Делагарди имѣлъ торжественный въѣздъ въ столицу. По приказу царя, бояре встрѣтили Михаила у городскихъ воротъ съ хлѣбомъ и солью; толпа московскаго народа обоего пола встрѣчала его за городомъ. Скопинъ ѣхалъ верхомъ рядомъ съ Делагарди; простые граждане падали передъ нимъ ницъ, называя его освободителемъ и спасителемъ земли. Самъ царь Василій всенародно со слезами обнималъ и цѣло-

валъ его. Въ Москвѣ начались пиры за пирами. Появленіе Скопина всюду вызывало въ народѣ неподдѣльные знаки расположенія. Русскіе люди открыто говорили, что надобно низложить Василія и избрать царемъ Скопина. Царь Василій слушалъ не безъ внутренняго смятенія; сердце его уже волновалось завистью и безпокойствомъ: онъ уже не любилъ князя Михаила. Но всего болѣе ненавидѣлъ Скопина неспособный братъ царя, Димитрій Шуйскій, какъ счастливаго соперника на престолъ послѣ бездѣтнаго Василія. Между тѣмъ умный Делагарди, въ частыхъ свиданіяхъ съ ближними царедворцами, замѣтилъ ихъ худое расположеніе къ князю Михаилу и предостерегалъ его какъ друга; дворъ казался ему опаснѣе ратнаго поля для героя и онъ уговаривалъ его скорѣе оставить Москву и выступить противъ короля Сигизмунда. Самъ князь Скопинъ хотѣлъ только отдохнуть въ Москвѣ до просухи, а потомъ идти на Сигизмунда подъ Смоленскъ, и уже дѣятельно готовился къ этому походу. Но ему не суждено было довершить избавленіе отечества: 23-го апрѣля на крестинахъ у князя Ивана Воротынскаго выпивъ чашу меда, поднесенную ему женою брата Василіева, Димитрія, онъ занемогъ сильнымъ кровотеченіемъ изъ носа и черезъ двѣ недѣли умеръ. Общая молва обвинила Дими-

трія Шуйскаго въ отравленіи юнаго героя. Узнавъ о смерти его, народъ взволновался и устремился къ дому князя Димитрія Шуйскаго; только дружина царская, по приказу Василія, защитила домъ и хозяина отъ ярости толпы. Москва горестно и непритворно оплакивала князя Михаила. Выразилъ искреннюю скорбь и Делагарди о потерѣ друга и боеваго товарища; прибывъ въ домъ умершаго и взглянувъ на покойника, онъ прослезился и сказалъ: „Московскіе люди, не только въ вашей Руси, но и въ земляхъ государя моего не видать уже мнѣ такого человѣка!“ Самъ царь Василій проливалъ слезы о героѣ, но ему не вѣрили, считая ихъ притворствомъ. Не удалось князю Михаилу Скопину сѣсть на московскомъ престолѣ, на которомъ его такъ искренно хотѣлъ видѣть народъ русскій; зато гробъ его опустили въ землю въ Архангельскомъ соборѣ (въ придѣлѣ Іоанна Крестителя), посреди царей и великихъ князей Московскаго государства.

Скопина не стало въ то самое время, когда на него возлагались всеобщія надежды избавленія всей Россіи отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Для этого оставалось еще истребить самозванца въ Калугѣ и принудить короля Сигизмунда, осаждавшаго Смоленскъ, снять осаду послѣдняго и отступить изъ русскихъ предѣловъ. Но и то, и другое не легко

было исполнить. Самозванецъ имѣлъ сильную опору въ холопьемъ сословіи цѣлой Россіи, исключая сѣверо-восточныхъ областей, а у Сигизмунда было войско хотя и не очень многочисленное, но лучше устроенное, обученное и болѣе опытное въ военномъ дѣлѣ, нежели временныя военно-помѣстныя ополченія Василія, и предводимое начальниками болѣе искусными и знающими, сравнительно съ воеводами царя. Такую трудную задачу Василій возложилъ на брата своего Димитрія, назначивъ его главнымъ предводителемъ войска, съ которымъ онъ вскорѣ и выступилъ къ Можайску противъ короля Сигизмунда, осаждавшаго Смоленскъ.

Оборона Смоленска въ 1609 — 1610 гг.—Бой при с. Клушинѣ.

Польскій король Сигизмундъ III, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ Россіи въ продолженіе смутъ, произведенныхъ самозванцами, вознамѣрился овладѣть Смоленскомъ. Несмотря на наступавшее неудобное время для военныхъ дѣйствій и на недостаточныя силы для осады Смоленска, состоявшія лишь изъ 17.000 человѣкъ, изъ коихъ пѣхоты было только 5.000, король 11-го сентября 1609 года перешелъ границу и 13-го числа прибылъ въ Красное. Въ Москву онъ послалъ разрывную грамоту,

а въ Смоленскъ—универсалъ, въ которомъ увѣрялъ, что вступаетъ въ русскіе предѣлы не какъ врагъ, а какъ избавитель, будто бы призванный многими русскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ великія и богатыя милости въ случаѣ добровольной покорности и конечное разореніе за упорство. Воевода смоленскій, Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, далъ посланному устный отвѣтъ, что въ Смоленскѣ поклялись не бить челомъ польскому королю, но готовиться на смерть за Вѣру, Отечество и Царя.

Введенный въ заблужденіе относительно истиннаго настроенія гарнизона Смоленска и его воеводы, Сигизмундъ спѣшилъ дальнѣйшимъ движеніемъ отъ Краснаго къ Смоленску, полагая, что достаточно одного появленія его подъ стѣнами города для сдачи послѣдняго. Уже 19-го сентября подъ Смоленскомъ имѣли стычку съ войсками Шеина передовыя войска короля Сигизмунда, бывшія подъ начальствомъ литовскаго канцлера Льва Сапѣги и Пржемышскаго, а 21-го сентября прибылъ и самъ король съ главными силами. Всего подъ Смоленскомъ собралось до 17.000 разноплеменнаго войска (5.000 пѣхоты и 12.000 конницы), состоявшаго изъ польскихъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ ротъ.

Смоленскъ, расположенный на возвышенномъ лѣвомъ берегу Днѣпра, былъ огражденъ каменною

стѣной, отъ 6 до 7 саженъ вышины и $2^1/_2$ толщины, до 5 верстъ въ окружности, съ 88 башнями, изъ которыхъ въ 9 были ворота. Городъ достаточно былъ снабженъ продовольствіемъ и военными запасами, въ крѣпостной артиллеріи недостатка не было, пушекъ считалось около 300, но собственно войскъ для обороны крѣпости было мало, такъ какъ за выдѣленіемъ отрядовъ въ помощь князю Скопину въ крѣпости оставалось войскъ не болѣе 4.000 человѣкъ. Хотя жители Смоленска положили свято исполнить данную ими присягу и обороняться до послѣдней крайности, но изъ нихъ, можетъ-быть, $^1/_4$ была способна сражаться, а $^3/_4$ состояли изъ старыхъ людей, женщинъ, дѣтей, больныхъ и т. п. Для обороны крѣпости Шеинъ половину гарнизона оставилъ внутри города въ резервѣ, а другую раздѣлилъ на 38 отрядовъ, причемъ каждому изъ нихъ (около 50 человѣкъ) поручилъ оборону особой башни съ прилегавшею стѣной. Для удобства обороны осажденные сожгли всѣ посады, находившіеся близъ городскихъ стѣнъ, и обратили особенное вниманіе на прикрытіе воротъ отъ разрушительнаго дѣйствія осадныхъ батарей; съ этою цѣлью они построили передъ воротами къ полю срубы (на подобіе избъ), наполненные землею и каменьями, оставивъ между ними и воротами небольшой проходъ, въ видѣ тѣс-

наго подлѣ стѣны проулка, которымъ могъ только пройти одинъ человѣкъ и провести лошадь *).

Между тѣмъ коронный гетманъ Жолкѣвскій, обозрѣвъ Смоленскъ, по приказанію короля, собралъ военный совѣтъ. Въ немъ особенно желали знать мнѣніе нѣмецкихъ полковниковъ, считая ихъ болѣе другихъ свѣдущими въ осадномъ дѣлѣ. Однако ничего основательнаго предложено не было, а указывались средства мало надежныя или неудобоисполнимыя, такъ что Жолкѣвскій распустилъ совѣтъ безъ всякаго рѣшенія. Однако королю наединѣ онъ представилъ, что привезенной артиллеріи было недостаточно для разрушенія крѣпкихъ стѣнъ Смоленска, что подкопы и выбивательные ступы (петарды) пригодны только при оплошности непріятеля, а онъ уже съ самаго начала оказывается очень осторожнымъ и бдительнымъ, почему не представляется надежды на скорое покореніе города, и казалось бы выгоднѣе, не упорствуя въ осадѣ, обратиться къ другимъ предпріятіямъ. Но Сигизмундъ не послушалъ совѣтовъ умнаго и опытнаго Жолкѣвскаго и, желая во что бы то ни стало овладѣть Смоленскомъ, приказалъ дѣйствовать противъ стѣнъ его именно выбивательными ступами (петардами). Однако про-

*) Рукопись Жолкѣвскаго, издан. Павломъ Мухановымъ, стр. 52.

изведенное въ ночь съ 24 на 25 сентября нечаянное нападеніе съ помощью петардъ противъ двухъ воротъ (Копычинскихъ и Аврамьевскихъ) окончилось неудачей. Эта попытка непріятеля заставила осажденныхъ еще болѣе озаботиться объ охраненіи воротъ. Вслѣдствіе этого ворота, ненужныя для сообщенія, завалили камнями и пескомъ, а при другихъ прежніе срубы приспособили къ оборонѣ постановкою на вершинѣ ихъ палисада и приставили къ нимъ сильные караулы.

Въ концѣ сентября подъ Смоленскъ прибыло до 30.000 запорожскихъ казаковъ съ атаманомъ Олевченко*). Это дало возможность обложить Смоленскъ со всѣхъ сторонъ. Стѣснивъ такимъ образомъ осажденныхъ и испытавъ уже неудачу въ дѣйствіи петардами, король рѣшилъ прибѣгнуть къ подкопамъ и бомбардированію. Жолкѣвскій снова представлялъ ему, что при войскѣ не было пушекъ большого калибра для разбитія крѣпкихъ стѣнъ крѣпости, а на подкопы надѣяться нельзя, тѣмъ болѣе, что, какъ узнали отъ одного переметчика, осажденные устроили вокругъ стѣнъ подземные слухи и что поэтому стоять подъ Смоленскомъ, казалось, напрасно тратить время; въ виду этого гетманъ совѣтовалъ, оста-

*) Тамъ же, стр. 56.

вивъ для блокады Смоленска три отряда, каждый въ нѣсколько сотъ человѣкъ, въ приличныхъ мѣстахъ, за крѣпкими окопами, съ главными силами прямо двинуться къ Москвѣ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, можно было надѣяться найти сообщниковъ. Король сначала согласился на это предложеніе, но потомъ отказался; завистники Жолкѣвскаго успѣли отговорить Сигизмунда отъ исполненія совѣтовъ гетмана, и король приказалъ обстрѣливать городъ и устраивать подкопы.

Однако стрѣльба изъ орудій малаго калибра не принесла особеннаго вреда укрѣпленіямъ Смоленска; обратились къ осаднымъ работамъ, цѣлью которыхъ было подорвать стѣну посредствомъ минъ. Но и подземная атака оказалась также мало дѣйствительною, — осажденные устроили подъ стѣнами слухи, слѣдили въ нихъ за непріятельскими работами и своевременно ихъ уничтожали.

Наконецъ доставленныя изъ Риги орудія большого калибра дали возможность осаждавшимъ устроить батареи для проломовъ въ стѣнѣ и башняхъ.

Въ продолженіе этихъ разнообразныхъ дѣйствій атаки непріятель неоднократно производилъ приступы, которые однако были отбиваемы. Осажденные, и особенно Шеинъ, не теряли ни мужества, ни твердости въ оборонѣ. Дѣятельно занимаясь во-

енными распоряженіями и управленіемъ города. Шеинъ наблюдалъ, чтобы въ городѣ не породилось помышленія о сдачѣ, и поддерживалъ всѣхъ и каждаго въ исполненіи долга присяги и чести. Одушевленные имъ, осажденные производили частыя вылазки и иногда съ замѣчательной отважностью.

Настала зима. Сигизмундъ все еще упорствовалъ въ своемъ намѣреніи овладѣть Смоленскомъ, терялъ время и людей въ праздной осадѣ. Вступивъ въ предѣлы Россіи съ малыми силами, король видѣлъ теперь передъ собою неравную борьбу съ могущественнымъ и раздраженнымъ противникомъ: Москва освободилась отъ осады, Тушинскій станъ разошелся и князь Скопинъ-Шуйскій уже готовился къ выступленію въ походъ подъ Смоленскъ. Сознавая слабость своихъ силъ, Сигизмундъ еще ранѣе сего завелъ переговоры съ польскими вождями, бывшими въ Тушинѣ, о присоединеніи поляковъ къ войску подъ Смоленскомъ; но только послѣ бѣгства самозванца въ Калугу и смерти Рожинскаго большая часть поляковъ съ Зборовскимъ ушла къ королю, а другая собралась на р. Угрѣ, по близости Калуги, для службы самозванцу, куда вскорѣ прибылъ къ нимъ и Янъ Сапѣга.

Осада Смоленска все не подвигалась впередъ, отъ безуспѣшнаго обстрѣливанія обратясь къ под-

копной войнѣ; послѣдняя велась также безъ успѣха и пользы. Съ приближеніемъ весны осада даже совсѣмъ прекратилась и король приказалъ вывезти всѣ орудія изъ опасенія разлитія Днѣпра. Впрочемъ завоеваніе Смоленска не составляло уже исключительнаго предмета заботъ Сигизмунда; его занимала мысль о воцареніи на Московскомъ престолѣ сына его Владислава,—мысль, отъ которой потомъ Сигизмундъ отказался въ надеждѣ упрочить за самимъ собою Московское государство. Подъ Смоленскомъ осадныя работы, прекращенныя вслѣдствіе весенняго разлитія водъ, еще не возобновлялись и обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи. Между тѣмъ въ станѣ короля получено было извѣстіе, что для выручки Смоленска собралось въ Можайскъ царское войско, которое, при содѣйствіи отрядовъ Хованскаго и Горна, стоявшихъ въ Зубцовѣ, легко могло подавить польскіе отряды, охранявшіе Смоленскую дорогу, а именно Казановскаго (800 чел.) въ Вязьмѣ, Дуниковскаго (700 чел.) въ Царево-Займищѣ и Зборовскаго (3 тыс. тушинскихъ поляковъ и казаки Заруцкаго) въ Шуйскомъ. Царское войско находилось подъ предводительствомъ князя Димитрія Шуйскаго и состояло изъ 30.000 человѣкъ и 8.000 наемныхъ войскъ подъ начальствомъ Делагарди. Въ московскомъ войскѣ было много новобранцевъ, въ

первый разъ шедшихъ въ бой; главный воевода—неспособный, нелюбимый; усердіе въ войскѣ къ службѣ съ кончиною князя Скопина уже исчезло; охоты защищать царя Василія не было ни у кого. Еще менѣе надежны были разноплеменныя войска Делагарди, неисправно получавшія жалованье и выказывавшія явное нерасположеніе свое къ службѣ подъ командою Димитрія Шуйскаго. Сосредоточивъ главныя силы подъ Можайскомъ, Димитрій Шуйскій выдвинулъ въ Царево-Займище 8-тысячный отрядъ, подъ начальствомъ князя Елецкаго и Валуева, и приказалъ имъ тамъ укрѣпиться. Получивъ извѣстіе о сосредоточеніи подъ Можайскомъ царской рати, король выдвинулъ противъ нея короннаго гетмана Жолкѣвскаго съ отрядомъ въ 1.480 человѣкъ конницы и 1.100 пѣхоты; отряды Казановскаго и Дуниковскаго присоединились къ Зборовскому, находившемуся въ Шуйскомъ, и всѣ должны были усилить гетмана Жолкѣвскаго. Послѣдній, выступивъ изъ-подъ Смоленска 28 мая 1610 года, двинулся сперва къ Бѣлому, осажденному Хованскимъ и Горномъ; послѣдніе, имѣя до 6.500 человѣкъ шведскихъ и русскихъ войскъ, однако уклонились отъ боя и отступили къ Можайску. Жолкѣвскій двинулся далѣе къ Цареву-Займищу, гдѣ укрѣпились московскіе воеводы Елецкій и Валуевъ.

Выдержавъ 13-го и 14-го іюня небольшія стычки съ московскими войсками, Жолкѣвскій 15-го числа обошелъ лагерь русскихъ войскъ съ тыла и сталъ на Можайской дорогѣ, на сообщеніи ихъ съ главными силами Шуйскаго, имѣя въ виду отрѣзать подвозъ къ нимъ продовольственныхъ запасовъ отъ Можайска. Того же числа къ Жолкѣвскому присоединился съ отрядомъ Зборовскій, усиливъ войска его до 11-ти тысячъ человѣкъ. Елецкій и Валуевъ, видя, что гетманъ намѣренъ голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, послали въ Можайскъ къ князю Димитрію Шуйскому съ просьбой о помощи. Шуйскій двинулся впередъ и сталъ у Клушина. Два нѣмца изъ войска Делагарди перебѣжали къ полякамъ и сообщили гетману о движеніи Шуйскаго. Жолкѣвскій собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, что предпринять: ждать ли на мѣстѣ наступленія Шуйскаго или, оставя часть войскъ противъ Елецкаго и Валуева, съ главными силами идти навстрѣчу непріятелю. Жолкѣвскій рѣшился на послѣднее.

Оставивъ въ лагерѣ 700 человѣкъ конницы, 4.000 запорожскихъ казаковъ и 200 пѣхотинцевъ, гетманъ въ ночь съ 23 на 24 іюня тихо выступилъ изъ лагеря на Клушино съ отрядомъ въ составѣ 4.700 человѣкъ польской конницы, 400 казаковъ, 200 человѣкъ польской пѣхоты и двухъ полевыхъ орудій.

Принужденный идти верстъ 20 ночью по узкой лѣсной, мѣстами болотистой дорогѣ, Жолкѣвскій на разсвѣтѣ достигъ Клушина, близъ котораго находился обширный станъ русско-шведскаго ополченія, стоявшаго безпечно безъ должныхъ мѣръ охраненія. Онъ намѣревался напасть врасплохъ на спавшія войска Шуйскаго и Делагарди, но исполнить это было трудно, какъ потому, что отрядъ его сильно растянулся по узкой лѣсной дорогѣ, такъ и по краткости ночи въ это время года. Пока отрядъ подтягивался, уже разсвѣтало, Жолкѣвскій осмотрѣлъ мѣстность и найдя, что поляна передъ обоими станами непріятеля была заграждена плетнями и двумя деревушками, велѣлъ разломать первые и зажечь послѣднія какъ для того, чтобы непріятель не занялъ ихъ своею пѣхотой, такъ и для большей свободы дѣйствій своей конницы. Когда же вся послѣдняя выбралась изъ лѣса, Жолкѣвскій немедленно построилъ ее въ боевой порядокъ: на правомъ крылѣ противъ русскихъ—полкъ Зборовскаго, поддержанный полками Казановскаго и Вайгера, а на лѣвомъ, противъ Делагарди—полкъ Струся, поддержанный гетманскимъ полкомъ. Остальныя конныя роты были поставлены въ резервѣ въ колоннахъ, а 400 вольныхъ казаковъ—на оконечности лѣваго крыла. Пѣхотная хоругвь съ двумя фальконетами

еще не подтянулась. Между тѣмъ Шуйскій, имѣя впереди себя открытое поле, выслалъ впередъ свою конницу, а позади ея, на опушкѣ лѣса, расположилъ пѣхоту. Делагарди же, напротивъ, впереди поставилъ пѣхоту за плетнями, которые еще не всѣ были разобраны поляками, а за нею расположилъ конницу. Устроивъ свой отрядъ въ боевой порядокъ, Жолкѣвскій съ трубнымъ звукомъ и барабаннымъ боемъ двинулъ его на противника, торопливо занимавшаго позицію. Завязался упорный бой; польскія войска начали было ослабѣвать и Жолкѣвскій двинулъ въ дѣло запасныя войска; русская конница, атакованная во флангъ, была опрокинута на свою пѣхоту; шведы отступили къ лѣсу, а наемные отряды нѣмцевъ, французовъ и шотландцевъ начали передаваться на сторону непріятелей; русскія войска, видя измѣну союзниковъ, бросились къ лѣсу въ разсыпную; побѣда гетмана была полная. Видя пораженіе войскъ князя Шуйскаго и оставленный своими иноземными дружинами, Делагарди вступилъ въ переговоры съ Жолкѣвскимъ и выговорилъ у него согласіе уйти безпрепятственно изъ предѣловъ Московскаго государства. „Наша неудача, — сказалъ Делагарди, — происходитъ отъ неспособности русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, еслибъ ими

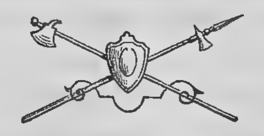
начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели и счастье измѣнило московскимъ людямъ".

Послѣ пораженія Шуйскаго Жолкѣвскій принудилъ сидѣвшихъ въ Царевѣ-Займищѣ Елецкаго и Валуева присягнуть Владиславу и присоединиться къ нему съ ихъ 8-тысячнымъ отрядомъ. Затѣмъ, пославъ донесеніе о семъ и объ одержанной побѣдѣ королю Сигизмунду, Жолкѣвскій двинулся прямо на Москву. Можайскъ сдался ему безъ сопротивленія. Волоколамскъ, Ржевъ, Погорѣлое-Городище, Іосифовъ монастырь покорились добровольно. Войско гетмана увеличилось уже 10.000 русскихъ. По совѣту Валуева, Жолкѣвскій послалъ агентовъ своихъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ обѣщалъ Русской землѣ тишину и благоденствіе подъ скипетромъ Владислава, если русскіе изберутъ королевича царемъ.

Москва скоро узнала о полномъ разгромѣ рати Димитрія Шуйскаго и о движеніи гетмана Жолкѣвскаго съ русско-польскими войсками; ужасъ, смятеніе и разномысліе распространились въ столицѣ. Грамоты Жолкѣвскаго всюду разбрасывались по улицамъ, ходили по рукамъ, всенародно читались на сходкахъ. Простой народъ страшился господства поляковъ и склонялся болѣе на сторону самозванца, а люди средняго сословія, напротивъ, на сторону

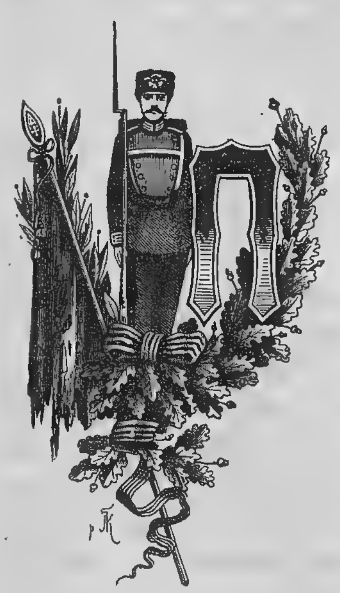
Владислава; въ высшемъ же сословіи нѣкоторые изъ сановниковъ желали низложенія Василія, въ надеждѣ заступить его мѣсто. Это имъ удалось: Захарій Ляпуновъ, Өедоръ Хомутовъ и Иванъ Салтыковъ, подстрекаемые Прокопіемъ Ляпуновымъ изъ Рязани, 17 іюля, съ большимъ числомъ подговоренныхъ ими дворянъ, насильно низложили Василія съ престола и постригли его въ монахи; верховное правленіе перешло къ боярской думѣ подъ предсѣдательствомъ князя Өедора Мстиславскаго.

Въ это время подъ Москвою стоялъ уже тушинскій воръ, въ Коломенскомъ селѣ.

ГЛАВА IV.

Война во время междуцарствія въ 1610—1612 годахъ.—Движеніе къ Москвѣ тушинскаго вора.—Избраніе королевича Владислава на Московскій престолъ и занятіе Москвы гетманомъ Жолкѣвскимъ.—Сборъ перваго народнаго ополченія для освобожденія Москвы и государства.—Сожженіе Москвы.—Неудача перваго ополченія.—Взятіе Смоленска королемъ Сигизмундомъ.—Сборъ второго ополченія.—Походъ князя Пожарскаго и Минина къ Москвѣ и освобожденіе ея отъ поляковъ.

о первому извѣстію о Клушинскомъ пораженіи войскъ царя Василія, самозванецъ вошелъ въ сношеніе съ Сапѣгой, стоявшимъ съ отрядомъ въ 5.400 человѣкъ на рѣкѣ Угрѣ, и, соединившись съ нимъ, устремился черезъ

Медынь и Боровскъ къ Москвѣ, надѣясь предупредить здѣсь гетмана Жолкѣвскаго и овладѣть столицей. На пути къ ней, въ Боровскомъ уѣздѣ при рѣкѣ Нарѣ, войска самозванца были атакованы крымскими татарами, прибывшими въ концѣ мая къ Серпухову въ помощь царю Василію. Завязался жестокій бой; нападеніе татаръ было столь стремительно, что войска самозванца едва устояли въ укрѣпленномъ станѣ. Однако бой кончился благополучно для Лжедимитрія; болѣе заботясь о грабежѣ, нежели о дѣйствительной помощи царю Василію, татары разсѣялись для грабежа, ушли обратно въ степи, гоня плѣнныхъ какъ скотъ въ свои улусы, и открыли такимъ образомъ дорогу самозванцу въ Москву; высланные изъ столицы на присоединеніе къ татарамъ царскіе воеводы, князья Воротынскій и Лыковъ и окольничій Измайловъ, съ слабыми силами и артиллеріей, принуждены были поспѣшно отступить къ Москвѣ, „едва снарядъ отведоша отъ воровскихъ людей". Вслѣдъ за симъ самозванецъ овладѣлъ находящимся въ 3-хъ верстахъ отъ Боровска укрѣпленнымъ (деревянными стѣнами) Пафнутьевымъ монастыремъ, гдѣ заперлись съ незначительными силами воеводы — князь Михаилъ Волконскій, Яковъ Змѣевъ и Аѳанасій Челищевъ; большая часть отряда ихъ расположи-

лась около монастыря, оградясь рогатками. Самозванецъ, подступивъ къ монастырю 3 іюля, легко разогналъ плохо вооруженныхъ крестьянъ, а затѣмъ войска его двинулись на приступъ. Хотя послѣдній былъ отбитъ, но вторые воеводы, считая дальнѣйшее сопротивленіе безполезнымъ, рѣшили передать обитель въ руки самозванца; по приказу ихъ тайно отворили ворота и непріятели вошли въ монастырь. Воевода князь Волконскій отказался встрѣтить лжецаря и удалился въ церковь съ игумномъ, иноками и многими другими людьми, спасавшимися отъ меча литовскаго, гдѣ долго защищался, пока не палъ мертвымъ у лѣваго клироса. Предавъ избіенію еще упорствовавшихъ въ защитѣ своей чести и святыни и разоривъ до основанія монастырь, самозванецъ двинулся къ Москвѣ, остановился сначала въ Никольской на Угрѣшахъ обители и 15 іюля сталъ лагеремъ у села Коломенскаго. Положеніе самозванца, казалось, опять улучшалось; вслѣдъ за Серпуховомъ и Боровскомъ перешли на его сторону Кашира и даже Коломна; жители Зарайска колебались, но были удержаны въ вѣрности царю Василію твердостью князя Пожарскаго, успѣвшаго обратить къ покорности царю Василію и самую Коломну. 17-го іюля царь Василій былъ сведенъ съ престола. Самозванецъ завелъ сношенія съ пре-

данными ему жителями Москвы и началъ было приступать къ столицѣ, но къ ней спѣшилъ отъ Можайска черезъ Звенигородъ побѣдитель Шуйскаго гетманъ Жолкѣвскій; 24-го іюля онъ уже стоялъ съ своими войсками въ 7 верстахъ отъ Москвы, на Хорошовскихъ лугахъ.

Прибытіе Жолкѣвскаго съ русско-польскими войсками и присутствіе подъ Москвою же самозванца, имѣвшаго тайныхъ сторонниковъ въ жителяхъ столицы, въ особенности среди черни, заставили боярскую думу войти въ сношеніе съ гетманомъ относительно возведенія на Московскій престолъ королевича Владислава. Патріархъ Гермогенъ сначала сильно противился, указывалъ на 14-ти лѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова, сына митрополита Филарета, какъ ближайшаго сродника царя Ѳеодора, но потомъ видя, что невозможно устоять противъ печальныхъ обстоятельствъ, соглашался, но на условіяхъ, чтобы новый царь принялъ православіе. Переговоры тянулись три недѣли и наконецъ окончились 17-го августа договоромъ, по которому Владиславъ былъ объявленъ царемъ Московскимъ и всея Россіи съ властью наслѣдственною, но ограниченною духовенствомъ въ дѣлахъ вѣры и боярами въ управленіи и правосудіи. На такихъ условіяхъ 18 августа 1610 года вся Москва присягнула Вла-

диславу, а примѣру ея послѣдовали Рязань, Владиміръ, Тверь и многіе другіе города; Жолкѣвскій съ своей стороны именемъ Владислава присягнулъ въ соблюденіи договора. Къ королю Сигизмунду, все еще безуспѣшно осаждавшему Смоленскъ, должно было отправиться торжественное посольство съ предложеніемъ русскаго престола королевичу Владиславу. Но еще ранѣе отправленія этого посольства Жолкѣвскій получилъ письмо отъ короля, въ которомъ послѣдній требовалъ, чтобы Русское царство было упрочено за нимъ самимъ, а не за его сыномъ. Вѣсть эту гетманъ скрылъ отъ бояръ.

Между тѣмъ подъ Москвою стоялъ самозванецъ съ войсками Сапѣги. Согласно заключеннаго договора Жолкѣвскій долженъ былъ отвести поляковъ отъ тушинскаго вора. Однако предложенія гетмана въ этомъ направленіи полякамъ Сапѣги были безуспѣшны: послѣдніе требовали вознагражденія за прежнюю службу и, получивши отказъ, рѣшили брать столицу приступомъ и биться хотя бы съ Жолкѣвскимъ. Тушинскій воръ усиливался; въ станъ его явились съ покорностью изъ Суздаля, Юрьева, Галича, Ростова и многихъ другихъ городовъ; въ самой Москвѣ чернь, страшась польскаго владычества, склонялась на сторону самозванца. Въ такихъ обстоятельствахъ, по уговору съ боярами, Жолкѣв-

скій рѣшилъ вмѣстѣ съ московскими войсками расправиться окончательно съ воромъ. Въ ночь съ 25 на 26-е августа онъ выступилъ налегкѣ, оставивъ въ лагерѣ всѣ обозы, обогнулъ Москву, соединился съ 15 тысячами московскихъ войскъ Мстиславскаго и на разсвѣтѣ подступилъ въ боевомъ порядкѣ къ лагерю Сапѣги. Послѣдній, встревоженный неожиданнымъ появленіемъ Жолкѣвскаго, вступилъ съ нимъ въ переговоры и обязался уговорить самозванца отказаться отъ Русскаго престола и за это удовольствоваться полученіемъ въ „кормленіе" Самбора или Гродно, а въ случаѣ отказа—отстать отъ него со всѣмъ польскимъ войскомъ. Затѣмъ Жолкѣвскій воротился въ лагерь, а Мстиславскій—въ Москву. Между тѣмъ самозванецъ гордо отвергъ всѣ предложенія и удалился къ Маринѣ въ Николо-Угрѣшскій монастырь. Жолкѣвскій и Мстиславскій рѣшили захватить его здѣсь и вновь двинулись съ войсками 27-го числа, причемъ польскія войска, съ согласія бояръ, ночью прошли черезъ Москву. Но предпріятіе это не удалось: извѣщенный измѣнниками изъ Москвы, самозванецъ съ Мариной бѣжалъ въ Калугу, въ сопровожденіи отряда донцовъ подъ начальствомъ Заруцкаго*), шайки

*) Заруцкій, прибывшій съ Жолкѣвскимъ подъ Москву, разсорился съ послѣднимъ и вновь перешелъ на сторону самозванца.

татаръ и немногихъ русскихъ. Жолкѣвскій, узнавъ о бѣгствѣ самозванца, вышелъ на Звенигородскую дорогу и сталъ лагеремъ у селенія Карамышева, въ 7 верстахъ отъ Москвы; московскія войска воротились въ эту послѣднюю.

Первымъ слѣдствіемъ бѣгства самозванца было то, что войско его подъ Москвою большею частью разсѣялось. Изъ русскихъ иные явились въ Москву съ повинною, другіе разбрелись въ разныя стороны, а остальные ушли къ самозванцу въ Калугу; только поляки Сапѣги пока остались въ Коломенскомъ до полученія повелѣнія отъ короля Сигизмунда. Къ послѣднему изъ Москвы отправлено было 11-го сентября посольство, во главѣ котораго, по желанію Жолкѣвскаго, поставили митрополита Филарета и князя Василія Васильевича Голицына,—лицъ наиболѣе опасныхъ дѣлу Владислава и которыхъ гетманъ желалъ удалить изъ Москвы подъ благовиднымъ предлогомъ. Сверхъ того Жолкѣвскій призналъ нужнымъ, для уменьшенія числа русскихъ войскъ въ Москвѣ и подъ предлогомъ обезопасить Новгородъ отъ шведовъ и покорить мятежный Псковъ, предложить боярамъ послать къ этимъ двумъ городамъ войско. Бояре исполнили и это, отправивъ туда 7-го сентября черезъ Бѣжецкъ воеводу Ивана Салтыкова съ 18 тысяча-

ми войскъ, въ числѣ которыхъ было много стрѣльцовъ.

Въ это время на сѣверо-западѣ Россіи дѣйствовали шведы, которые, вслѣдстіе избранія Владислава, превращались изъ союзниковъ въ враговъ Московскаго государства. Делагарди, отступивъ послѣ несчастной Клушинской битвы къ Финляндскимъ границамъ, однимъ отрядомъ взялъ Ладогу и самъ осадилъ городъ Корелу, несданную жителями шведамъ; только подъ Иванъ-городомъ шведы потерпѣли неудачу, послѣ чего отошли къ Нарвѣ. Но еще до того Горнъ разбилъ подъ Ямами Лисовскаго, который отступилъ къ Гдову, а оттуда вмѣстѣ съ атаманомъ Просовецкимъ двинулся къ Пскову. Изъ нихъ первый не хотѣлъ уклоняться отъ покорности Владиславу, а послѣдній — отлагаться отъ самозванца, и въ распряхъ между собою они разошлись: Лисовскій съ 3 — 4 тысячами всякаго сброда людей пошелъ къ Острову, а Просовецкій съ 14 тысячами донскихъ казаковъ остановился въ 20 верстахъ отъ Пскова.

Между тѣмъ подъ Москвою Жолкѣвскій принималъ всѣ возможныя мѣры для упроченія власти поляковъ; его безпокоило еще сосѣдство войскъ Яна Сапѣги, сомнительно покорныхъ и обычно своевольныхъ, но и ихъ удалось ему отправить въ Сѣвер-

скую область для отнятія ея у самозванца; 14-го сентября войска Сапѣги двинулись черезъ Боровскъ и Медынь къ Мосальску и Мещовску. Избавивъ Москву отъ присутствія самозванца и отведя отъ послѣдняго польскія войска Сапѣги, гетманъ Жолкѣвскій, согласно договора, долженъ былъ отступить къ Можайску. Однако это не только казалось ему опаснымъ, но онъ напротивъ искалъ предлога водвориться въ Москвѣ; таковымъ послужили ему нѣкоторыя смуты московскаго народа, недовольнаго избраніемъ Владислава. Гетманъ склонилъ не только Михаила Салтыкова съ тушинскими измѣнниками, но и Мстиславскаго, и другихъ бояръ требовать вступленія въ столицу польскихъ войскъ Жолкѣвскаго для обузданія мятежной черни, будто бы готовой призвать Лжедимитрія. Не слушали ни патріарха Гермогена, ни болѣе благоразумныхъ вельможъ и впустили польскія войска. Въ ночь съ 20-го на 21-е сентября Жолкѣвскій тихо и скрытно ввелъ въ Москву 800 пѣшихъ иноземцевъ, оставшихся изъ войскъ Делагарди, и 3.500 поляковъ. Самъ онъ и Гонсѣвскій съ пѣхотой расположились въ Кремлѣ, полкъ Сборовскаго въ Китай-городѣ, а полкъ Казановскаго—въ Бѣломъ-городѣ, противъ кремлевскихъ воротъ. Каждый полкъ стоялъ въ совокупности и въ недальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго. На

разсвѣтѣ жители столицы увидѣли себя какъ бы плѣнниками, негодовали противъ бояръ, но, покоряясь необходимости, успокоились.

Изъ остальныхъ своихъ войскъ Жолкѣвскій ввелъ 4 роты полка Гонсѣвскаго въ Дѣвичій монастырь, а свой полкъ и полкъ Струся послалъ въ Можайскъ и Верею для охраненія сообщеній своихъ съ королемъ; къ этимъ двумъ полкамъ бояре придали русскій отрядъ подъ начальствомъ князя Воротынскаго.

Спокойствіе въ столицѣ не нарушалось. Жолкѣвскій былъ изъ числа благородныхъ, честныхъ людей, ненавистникъ насилія, столь же храбрый, сколько великодушный, обходительный и справедливый; онъ такъ умѣлъ держать въ повиновеніи свое войско и обращаться съ русскими, что даже самъ суровый патріархъ Гермогенъ началъ смотрѣть на него болѣе дружелюбными глазами. Русскіе города одинъ за другимъ присягали Владиславу, кромѣ нѣкоторыхъ, все еще державшихся самозванца. Прокопій Ляпуновъ, въ рукахъ котораго была вся Рязанская земля, безъ противорѣчія одобрилъ избраніе королевича, хлопоталъ о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ полякамъ въ Москву и былъ ревностнымъ ихъ приверженцемъ.

Однако Жолкѣвскій не долго оставался въ Москвѣ. Онъ зналъ, что возстаніе не замедлитъ вспыхнуть

при первой вѣсти о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву, зналъ, что эта вѣсть можетъ придти очень скоро, и потому спѣшилъ уже оставить столицу, чтобы лично попытаться уговорить Сигизмунда исполнить договоръ, а съ другой стороны—самого себя спасти отъ гибели въ Москвѣ и отъ безславія. Передавъ начальство надъ войсками Гонсѣвскому, онъ въ концѣ октября выѣхалъ изъ Москвы, взявъ съ собою, по приказанію короля, низложеннаго царя Василія и двухъ братьевъ его. 30-го октября гетманъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ станъ короля. Вмѣстѣ съ трофеями побѣды надъ русскими онъ представилъ Сигизмунду и своего державнаго плѣнника. Всѣ взоры устремились на Василія, безмолвнаго и неподвижнаго. Требовали, чтобы онъ поклонился королю: *не подобаетъ царю Московскому*, отвѣчалъ Василій, *кланяться королямъ; праведными судьбами Божіими приведенъ я въ плѣнъ, но взятъ не вашими руками, выданъ своими подданными—московскими измѣнниками.* Въ частной аудіенціи гетманъ Жолкѣвскій далъ отчетъ королю о своихъ дѣйствіяхъ въ Москвѣ и убѣждалъ Сигизмунда, въ видахъ пользы Рѣчи Посполитой, выполнить договоръ, снять осаду Смоленска и отпустить на Московское царство королевича Владислава. Здѣсь, подъ Смоленскомъ, находилось уже посоль-

ство московское, велись переговоры о томъ же, но безъ всякаго успѣха. Сигизмундъ упорствовалъ въ своей предвзятой мысли, хотѣлъ во что бы то ни стало овладѣть Смоленскомъ и надѣялся на легкое завоеваніе Россіи. Послѣ нѣсколькихъ отбитыхъ приступовъ войско короля произвело новый приступъ къ Смоленску 21-го ноября, взорвало башню и часть стѣны саженъ на 10, три раза вторгалось въ городъ и три раза было отбито. Успѣхъ осады не подвигался ни на шагъ; были безуспѣшны и переговоры короля съ московскимъ посольствомъ. Проникнувъ замыслы Сигизмунда, митрополитъ Филаретъ, Василій Голицынъ и Шеинъ дали знать въ Москву боярской думѣ и особенно патріарху Гермогену о грозившей опасности. Въ Москвѣ еще царствовала наружная тишина, народъ и всѣ истинно преданные отечеству негодовали на господство поляковъ, но до времени скрывали свое негодованіе. Гонсѣвскій высылалъ изъ Москвы стрѣльцовъ по городамъ, чтобы уменьшить въ ней число войскъ; разставилъ стражу у всѣхъ городскихъ воротъ и на площадяхъ, овладѣлъ нарядомъ и пушечными припасами въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Король Сигизмундъ *отъ собственнаго имени* давалъ указы боярской думѣ о вознагражденіи бояръ и сановниковъ ему преданныхъ, уже дѣйствовалъ какъ властелинъ

Россіи, не имѣя ни тѣни права на то, опираясь лишь на присутствіе польскихъ войскъ и на нѣкоторыхъ измѣнниковъ бояръ. Взаимное недовѣріе между поляками и русскими постепенно возбуждалось. Москвичи и поляки хотя и угощали другъ друга пирами, но въ отношеніяхъ ихъ проглядывали опасеніе и непріязнь, жили уже во взаимной недовѣрчивости,—„съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой“, по выраженію очевидца событій, поляка Маскевича. Между тѣмъ и въ другихъ городахъ, присягнувшихъ Владиславу, дѣла начинали принимать дурной оборотъ для поляковъ. Жители городовъ съ неудовольствіемъ слышали о господствѣ поляковъ въ столицѣ, съ негодованіемъ видѣли ихъ чиновниковъ, разосланныхъ гетманомъ и Гонсѣвскимъ для собиранія денегъ на жалованье королевскому войску. Жалобы еще удвоились отъ поведенія поляковъ, которые вели себя благоразумно только въ одной Москвѣ: презирая договоръ, они не только не выходили изъ нашихъ городовъ, но самовольствовали въ нихъ и грабили. Новгородцы сначала не впустили отрядъ Ивана Салтыкова и на требованіе послѣдняго присягнуть Владиславу отвѣчали, что присягнутъ ему только тогда, когда снесутся съ Москвою; затѣмъ впустили его съ одними русскими людьми. Псковичи держались самозванца; жи-

тели Торопца хотя присягнули Владиславу, но жаловались на разореніе ихъ уѣзда поляками, а жители другихъ ближайшихъ городовъ, видя это, рѣшились не присягать Владиславу, а отбиваться въ своихъ городахъ.

На востокѣ было еще хуже: въ Астрахани дѣйствовали клевреты самозванца; Казань и за нею Вятка явно присягнули Лжедимитрію, съ тѣмъ чтобы не ссылаться съ поляками; но казанцы присягнули уже тѣни. Никѣмъ нетревожимый въ Калугѣ и до времени нужный Сигизмунду какъ пугало для Москвы, самозванецъ, имѣя войска тысячъ пять казаковъ, татаръ и русскихъ, еще грозилъ Москвѣ и Сигизмунду; но судьба его рѣшилась внезапно: 10-го декабря онъ былъ убитъ крещенымъ татариномъ Петромъ Урусовымъ, другомъ касимовскаго царя Уразъ-Махмета, бывшаго на службѣ у тушинскаго вора и потомъ убитаго, по приказанію послѣдняго, за измѣну.

Такимъ образомъ 1610-й годъ окончился и 1611-й начался упорнымъ и безразсуднымъ замысломъ короля Сигизмунда покорить Россію, концомъ самозванца и самозванства и возстаніемъ ближайшихъ къ Москвѣ, съ сѣвера и востока, русскихъ городовъ за вѣру и отечество.

Смерть самозванца лишила многіе города знаме-

ни, подъ которымъ они сопротивлялись полякамъ, и это послужило къ возрожденію нравственной силы народа и дало рѣшительный оборотъ дѣламъ въ Москвѣ и Россіи и полную свободу дѣйствій русскихъ людямъ, вѣрнымъ сынамъ своего отечества. Для нихъ остался уже одинъ врагъ—король Сигизмундъ и польскіе отряды, господствовавшіе въ Русской землѣ. Противъ нихъ и устремились теперь соединенныя усилія русскихъ людей. Первымъ возсталъ Прокопій Ляпуновъ въ Рязани, который и разослалъ свое воззваніе по разнымъ городамъ. Вездѣ уже кипѣло негодованіе противъ поляковъ. Въ каждомъ городѣ читались въ соборной церкви грамоты, присланныя Ляпуновымъ, списывались съ нихъ списки и отправлялись съ гонцами въ другіе города. Возстаніе быстро охватило Нижній Новгородъ, Ярославль, Владиміръ, Суздаль, Муромъ, Кострому, Вологду, Устюгъ, Новгородъ со всѣми новгородскими городами; вездѣ собирались ополченія и, по приказанію Ляпунова, стягивались къ Москвѣ. Съ другой стороны, съ Ляпуновымъ вошли въ соглашеніе сторонники убитаго тушинскаго вора—Заруцкій, Просовецкій и Трубецкой, бывшіе во главѣ казацкой вольницы, и даже самъ Янъ Сапѣга нѣсколько времени манилъ Ляпунова готовностью сражаться противъ поляковъ за русское дѣ-

ло. Всѣ украинные города пристали къ Ляпунову. Въ своемъ увлеченіи Ляпуновъ вездѣ преслѣдовалъ только одну свою высокую цѣль—спасеніе погибающаго отечества—и братался съ такими людьми, какъ Заруцкій и Сапѣга, для будущей гибели своей и своего дѣла.

Въ началѣ марта 1611 года Ляпуновъ уже шелъ къ столицѣ, соединяясь по дорогѣ съ разными ополченіями городовъ. Въ Москвѣ давно происходила тревога; съ самаго отъѣзда Жолкѣвскаго для жителей ея начались оскорбленія, которыя, увеличиваясь все болѣе и болѣе, переполнили мѣру народнаго терпѣнія и подготовили общее возстаніе; душою послѣдняго былъ патріархъ Гермогенъ, заключенный, наконецъ, по вліянію тушинскаго злодѣя Салтыкова, подъ стражу; возбужденіе умовъ въ столицѣ, достигнувъ крайняго предѣла, разрѣшилось народнымъ возстаніемъ 19-го марта, во вторникъ на Страстной недѣлѣ. Поляки видѣли себя окруженными негодовавшимъ народомъ и были осторожны, держали Москву въ строгомъ осадномъ положеніи, имѣя наготовѣ на всѣхъ площадяхъ пѣшія и конныя сотни. Между тѣмъ въ московскія слободы успѣли пробраться передовые отряды народнаго ополченія — ратники Ляпунова, а также Пожарскій, Бутурлинъ и Колтовской съ отрядами,

чтобы поддержать москвичей въ случаѣ схватки ихъ съ поляками.

Наступило 19 марта. Народное возбужденіе въ столицѣ еще сдерживалось; до сихъ поръ русскіе показывали видъ, что ничего не ждутъ и все обстоитъ обычнымъ порядкомъ. Московскіе торговцы отворили свои лавки. Народъ сходился на рынкахъ. Одно только было необычно: на улицахъ съѣхалось очень много извощиковъ. Поляки смекнули, что это дѣлается для того, чтобы загородить улицы, не дать полякамъ развернуться, когда придетъ русское ополченіе. Поляки стали принуждать собравшихся извощиковъ втаскивать пушки на стѣны Кремля и Китай-города. Извощики отказались. Началась драка, за тѣхъ и другихъ заступились свои; нѣмецкій отрядъ, перешедшій при Клушинѣ къ полякамъ и находившійся теперь въ Кремлѣ, полагая, что вспыхнуло народное возстаніе, ринулся на толпу и сталъ бить русскихъ; поляки послѣдовали примѣру нѣмцевъ, и началась страшная рѣзня безоружнаго народа въ Китай-городѣ. Раздался по всѣмъ московскимъ церквамъ набатный звонъ, призывавшій русскихъ къ возстанію; вся Москва поднялась какъ одинъ человѣкъ; народъ бросился въ Бѣлый-городъ, гдѣ успѣлъ собраться и вооружиться; поляки и нѣмцы ринулись сюда же; народу помогли

ратные люди, пробравшіеся въ слободы, и закипѣла отчаянная сѣча. Вотъ какъ описываетъ это кровавое событіе, прозванное потомъ „московскою разрухою" (разореніемъ), самовидецъ и участникъ его, полякъ Маскевичъ *).

„...И такъ 29 марта **), во вторникъ на Страстной недѣлѣ, завязалась битва сперва въ Китай-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали людей торговыхъ (тамъ однихъ лавокъ было до 40.000), потомъ въ Бѣломъ-городѣ; тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ обширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башенъ полевыя орудія и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями, а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами; мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ-за ограды,—они преслѣдуютъ насъ, неся въ рукахъ столы и лавки и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ улицу и подъ защитою своихъ загородокъ стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе, будучи въ готовности, съ кровель и заборовъ, изъ оконъ, бьютъ насъ самопалами, камнями, дрекольемъ...

---

*) Устряловъ: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Дневникъ Маскевича".

**) По старому стилю—19 марта.

Жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ, ибо, по тѣснотѣ улицъ, мы раздѣлились на четыре или на шесть отрядовъ. Каждому изъ насъ было жарко; мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: огня! огня! жги домы!... Пожаръ занялся и погналъ русскихъ изъ засадъ... На другой день отданъ былъ приказъ зажечь весь городъ, гдѣ только можно... Пламя охватило дома и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало русскихъ... Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе домы имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны: огонь охранялъ насъ"...

Согласно разсказываютъ объ этомъ событіи и наши лѣтописцы. Они говорятъ, что на Страстной недѣлѣ во вторникъ, 19 марта, на разсвѣтѣ, поляки начали побивать москвичей сначала въ Китай-городѣ, въ торговыхъ рядахъ. Изъ Китай-города пошли къ Тверскимъ воротамъ, но тамъ встрѣтили сильный отпоръ со стороны стрѣльцовъ, которые не выпустили ихъ изъ города. Отсюда они кинулись на Срѣтенку, но здѣсь были остановлены от-

рядомъ Пожарскаго въ соединеніи съ пушкарями (по близости былъ пушечный дворъ). При помощи пушекъ Пожарскій отбилъ враговъ, *втопталъ* ихъ обратно въ Китай-городъ и поспѣшно устроилъ острожекъ—крѣпостцу у церкви Введенія Богородицы (на Лубянкѣ). Иныя польскія роты бросились на Кулишки, но тамъ заперъ имъ выходъ изъ города Иванъ Бутурлинъ, стоявшій у Яузскихъ воротъ. Опустошивъ Кулишки, враги перебрались за Москву рѣку, но и тамъ встрѣтили отпоръ отъ Ивана Колтовского. Послѣ того занялся пожаръ. На другой день на помощь полякамъ прибылъ отъ Можайска Струсь съ своимъ полкомъ. Въ этотъ же день, 20-го числа, на Срѣтенкѣ вновь завязалась жестокая битва; цѣлый день Пожарскій отбивался изъ своего острожка отъ нападеній поляковъ, но наконецъ былъ израненъ и отвезенъ въ Троицкій монастырь.

Въ продолженіе трехъ дней большая часть Москвы сгорѣла. Торчали только стѣны Бѣлаго-города съ башнями, множество почернѣвшихъ отъ дыма церквей, печи уничтоженныхъ домовъ и подклѣти. Поляки засѣли въ нѣкоторыхъ башняхъ Бѣлаго-города, въ Китай-городѣ и Кремлѣ.

25-го марта собралось уже къ уничтоженной столицѣ все народное ополченіе, числомъ до 100 тыс.

человѣкъ, и расположилось близъ Симонова монастыря, оградивъ себя гуляй-городами. 1-го апрѣля войско подступило къ стѣнамъ Бѣлаго-города и стало лагерями: Ляпуновъ съ рязанскимъ ополченіемъ у Яузскихъ воротъ, Трубецкой и Заруцкій съ казаками противъ Воронцовскаго поля, костромскіе и ярославскіе воеводы у Покровскихъ воротъ, суздальское ополченіе Измайлова у Срѣтенскихъ и муромское ополченіе Мосальскаго у Тверскихъ. Въ слѣдующіе четыре дня они заняли большую часть стѣнъ Бѣлаго-города незамѣтно для поляковъ, у которыхъ осталось въ этихъ стѣнахъ только 5 башенъ съ воротами. Съ 6-го апрѣля начались ежедневныя схватки и стычки; Ляпуновъ храбростью и распорядительностью превосходилъ всѣхъ русскихъ воеводъ; полякамъ уже пришлось плохо: всѣ ворота въ стѣнахъ Бѣлаго-города были отняты у нихъ и, осажденные въ Китай-городѣ и въ Кремлѣ, они терпѣли голодъ и должны были съ боя добывать продовольствіе себѣ и лошадямъ. Въ началѣ мая на Поклонной горѣ расположился лагеремъ Сапѣга со своими польскими ротами и сначала завелъ переговоры съ русскими народными вождями; не сойдясь съ послѣдними, онъ напалъ на ополченіе, но былъ отбитъ и передался на сторону Гонсѣвскаго. Однако и ему пользы не принесъ: соскучась сто-

ять подъ Москвою, гдѣ нечего было грабить, Сапѣга ушелъ къ Переславлю-Залѣсскому.

Положеніе осажденныхъ становилось затруднительнымъ. Чтобы скрыть отъ осаждавшихъ ничтожное число своихъ войскъ, поляки стали распускать слухъ, что литовскій гетманъ Ходкевичъ идетъ къ Москвѣ съ большими силами.

Однако никто не шелъ на помощь Гонсѣвскому: Ходкевичъ былъ далеко, король Сигизмундъ еще стоялъ подъ Смоленскомъ, который онъ такъ жалко и безуспѣшно осаждалъ уже 1 годъ и 8 мѣсяцевъ (съ сентября 1609 года). Переговоры его съ московскими послами не привели ни къ чему: послѣдніе ни на что не соглашались, кромѣ прежнихъ своихъ условій; озлобленный упорствомъ русскихъ пословъ, король отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу и рѣшилъ покончить со Смоленскомъ. Положеніе защитниковъ послѣдняго было крайне затруднительно, вслѣдствіе разнаго рода недостатковъ, а главное—вслѣдствіе сильно распространившейся между ними болѣзни (цынги); однако осажденные не думали о сдачѣ. Но одинъ перебѣжчикъ отъ нихъ указалъ непріятелямъ часть городской стѣны, построенную наскоро, въ сырую осеннюю пору, и потому непрочную. Туда и былъ обращенъ огонь непріятельскихъ орудій, стѣна была разбита

и произведенный въ ночь на 3-е іюня общій приступъ увѣнчался наконецъ успѣхомъ: поляки ворвались въ городъ; Шеинъ долженъ былъ сдаться, часть же смольнянъ заперлась въ соборномъ храмѣ и, зажегши находившійся въ погребахъ подъ нимъ порохъ, взорвали себя на воздухъ. Доблестнаго защитника Смоленска, воеводу Шеина, сначала допрашивали подъ пыткою по 27 допроснымъ пунктамъ, а потомъ отправили плѣнникомъ въ Литву.

По взятіи Смоленска, Сигизмундъ не двинулся къ Москвѣ, а долженъ былъ распустить свое войско и воротился въ Варшаву. Здѣсь, въ торжествахъ по случаю взятія Смоленска, забыли, что въ Москвѣ горсть поляковъ была осаждена многочисленнымъ непріятелемъ. Однако первому русскому ополченію не суждено было освободить Москву; въ немъ начались уже раздоры. Неразборчивость Ляпунова въ выборѣ товарищей скоро возымѣла печальныя послѣдствія. Подмосковное войско составило приговоръ, по которому правителями не только войска, но и всей Русской земли, временно назначили трехъ предводителей: Дмитрія Трубецкого, Прокопія Ляпунова и Заруцкаго. Первымъ считался Трубецкой, какъ болѣе знатный по рожденію, но всѣмъ распоряжался Ляпуновъ. Крутой нравомъ и настойчивый, уважаемый, но не любимый за свою

гордость, онъ не разбиралъ лицъ родовитыхъ и неродовитыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ; когда обращались къ нему разныя лица, онъ заставлялъ ихъ дожидаться очереди, стоя у его избы, а самъ занимался дѣлами и никакому знатному лицу не оказывалъ настолько предпочтенія, чтобы выслушать его не въ очередь. Онъ строго преслѣдовалъ неповиновеніе, своевольства и всякое безчинство; хищники, имъ унимаемые, пылали злобою и замышляли убійство, въ надеждѣ угодить многимъ личнымъ врагамъ этого замѣчательнаго человѣка; всего болѣе вооружилъ онъ противъ себя казаковъ и ихъ предводителя Заруцкаго. Ляпуновъ не позволялъ имъ своевольничать и за всякое безчинство казнилъ жестоко. Этою ненавистью къ нему казаковъ съумѣлъ воспользоваться Гонсѣвскій, чтобы погубить Ляпунова, наиболѣе для него опаснаго изъ всѣхъ русскихъ воеводъ. Онъ подослалъ въ станъ казаковъ подложную грамоту отъ имени Ляпунова во всѣ города, въ которой тотъ, будто бы, писалъ: „гдѣ поймаютъ казака,—бить и топить“. Казаки, озлобленные противъ него и прежде и подстрекаемые Заруцкимъ, взволновались и убили Ляпунова.

Со смертью его рушилось и начатое имъ дѣло освобожденія Москвы. Лишившись достойнаго предводителя, русское ополченіе распалось: тѣ изъ него,

которые правдою служили вѣрѣ и отечеству, разошлись по своимъ городамъ. Заруцкій и Трубецкой съ казаками остались подъ Москвою, но присягнули новому самозванцу—бѣглому діакону Исидору, принявшему во Псковѣ имя царевича Димитрія; злодѣйства казаковъ возобновились и не только въ селахъ, но и въ станѣ подъ Москвою, гдѣ они умертвили многихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Казань и вятскіе города провозгласили царемъ сына Марины, а Новгородъ—сына шведскаго короля Карла IX, Филиппа, и передался генералу Делагарди. Подъ Москву снова пришелъ (4 августа) Сапѣга съ продовольственными запасами отъ Переславля, а Гонсѣвскій сдѣлалъ вылазку; напали дружно на осаждавшихъ и снова взяли все отъ Алексѣевской башни до Тверскихъ воротъ, весь Бѣлый-городъ и всѣ укрѣпленія за Москвою-рѣкой. Сапѣга вошелъ въ Кремль съ запасами и съ побѣдой, но уже съ послѣдней: вскорѣ послѣ этого онъ заболѣлъ и умеръ въ Кремлѣ 4-го сентября. Положеніе Гонсѣвскаго ухудшалось: войска его утратили порядокъ и дисциплину, пришедшій на помощь къ нему долго ожидавшійся литовскій гетманъ Ходкевичъ привелъ съ собою ничтожныя силы—около 2.000 человѣкъ конницы, изнуренной трудами военнаго похода. Съ наступленіемъ зимы поляки снова начали ощущать сильный недостатокъ

въ продовольствіи для людей и въ фуражѣ; вслѣдствіе сего Ходкевичъ отступилъ отъ Москвы къ монастырю Рогачеву (въ 20 верстахъ отъ Ржева). Съ нимъ отошло не мало поляковъ отъ Москвы. Настало на Руси то ужасное время, которое русскій народъ въ своей памяти прозвалъ *„лихолѣтьемъ“*. Подъ Москвою земскіе люди терпѣли отъ поляковъ и отъ казаковъ всякаго рода насилія. Казаки расходились изъ-подъ Москвы по окрестностямъ и разоряли русскія земли. Повсюду шатались польскія шайки, жгли селенія, убивали и мучили жителей; зимою положеніе народа стало ужаснымъ: лишившись жилищъ, многіе русскіе замерзали по полямъ и дорогамъ; изъ удальцовъ образовались шайки, называвшіяся „шишами“, которыя начали нападать на поляковъ нежданными налетами, открыли противъ нихъ партизанскую войну.

Однако движеніе, поднятое патріархомъ Гермогеномъ и Ляпуновымъ, не было подавлено неудачами; нравственныя силы народа были напряжены попрежнему и попрежнему раздавались увѣщанія къ единодушному стоянію за вѣру и отечество. Прежде къ этому призывалъ всѣхъ патріархъ Гермогенъ, а теперь, когда онъ былъ въ заключеніи, Троицко-Сергіевской лавры архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ. Еще лѣтомъ 1611

года Діонисій разослалъ грамоты въ Казань, во всѣ низовые города, въ Вологду, Пермь, Поморье и Новгородъ, увѣщевая ихъ не мѣшкая присылать къ Москвѣ ратныхъ людей и пособія деньгами. Въ октябрѣ разосланы были по городамъ новыя подобныя же грамоты. Воззванія Діонисія ободряли народный духъ, падавшій подъ гнетомъ ужасныхъ бѣдствій, и не оставались безъ дѣйствія. Вездѣ, куда только достигали они, всѣ сословія народныя были готовы стать, какъ одинъ человѣкъ, на спасеніе родной земли, на очищеніе ея отъ внѣшнихъ враговъ. Первыми поднялись нижегородцы съ своимъ земскимъ старостой Козьмой Захарычемъ Мининымъ-Сухорукимъ: нижегородцы кличъ кликнули по вольныхъ служилыхъ людей для сбора ополченія и опредѣлили особый денежный сборъ на содержаніе ратныхъ людей; предводителемъ ополченія рѣшили выбрать воеводу, который бы въ ратномъ дѣлѣ былъ искусенъ и прежде не объявлялся въ измѣнѣ. По совѣту Минина всѣ остановились на стольникѣ князѣ Димитріи Михайловичѣ Пожарскомъ, находившемся въ то время въ своей вотчинѣ въ Линдехѣ, въ 120 верстахъ отъ Нижняго. Этотъ князь происходилъ изъ стародубскихъ князей Суздальской земли, не игралъ важной роли въ предшествовавшія времена и исполнялъ въ военномъ

дѣлѣ второстепенныя порученія; но за то не лежало на немъ никакой неправды, не приставалъ онъ къ тушинскому вору и не просилъ милостей у польскаго короля. По прибытіи въ Нижній Пожарскаго, отправлены были во всѣ стороны гонцы съ грамотами; въ нихъ описывалось несчастное положеніе Московскаго государства, русскіе всѣхъ городовъ призывались стать за-одно съ нижегородцами. Повсюду въ городахъ читались нижегородскія грамоты на народныхъ сходкахъ, постановлялись приговоры, собирали деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Затѣмъ начали прибывать въ Нижній и ополченія изъ ближайшихъ городовъ. Пришли туда дѣти боярскіе изъ Арзамаса, пришло рязанское ополченіе; въ Казани еще медлили, такъ какъ тамъ люди, прежде служившіе тушинскому вору, умышленно противодѣйствовали Минину.

Въ концѣ 1611 года нижегородское ополченіе вышло изъ Нижняго вверхъ по Волгѣ. Балахна, Юрьевецъ, Кинешма дали Минину свою казну и присоединились къ нижегородцамъ со своими ополченіями. Въ Костромѣ воевода Иванъ Шереметевъ, оставаясь вѣрнымъ Владиславу, хотѣлъ было сопротивляться, но костромичи выдали его Пожарскому и присоединились къ нижегородцамъ.

Вѣсть о новомъ ополченіи встревожила одинаково

и осажденныхъ поляковъ въ Москвѣ, и осаждавшихъ казаковъ. Поляки потребовали отъ патріарха, чтобы онъ написалъ увѣщаніе нижегородцамъ и приказалъ имъ оставаться въ вѣрности Владиславу. Гермогенъ отвѣчалъ благословеніемъ ополченія и проклятіемъ измѣнниковъ, за что и подвергся болѣе тѣсному заключенію; 17-го февраля онъ умеръ, какъ говорятъ современники, голодною смертью.

Въ первыхъ числахъ апрѣля ополченіе заняло Ярославль, весьма важный пунктъ, обезпечивавшій сообщеніе съ сѣверными областями. Отсюда разосланы были по городамъ новыя грамоты. Въ Ярославль стали пріѣзжать толпы служилыхъ людей, а посадскіе люди привозили денежную казну. Но походомъ подъ Москву еще медлили. Архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ, зорко слѣдившіе за тѣмъ, что дѣлалось у поляковъ, торопили князя Пожарскаго идти скорѣе къ Москвѣ на соединеніе съ княземъ Трубецкимъ. Польскій гарнизонъ въ Кремлѣ былъ немногочисленъ и отъ дурныхъ распоряженій постоянно терпѣлъ недостатокъ во всемъ. Солдаты роптали, что имъ не даютъ жалованья; часть буйныхъ сподвижниковъ умершаго Сапѣги ушла въ Польшу грабить королевскія имѣнія. Гонсѣвскаго въ маѣ мѣсяцѣ смѣнилъ Струсь, а гетманъ Ходкевичъ ходилъ съ своимъ войскомъ по Москов-

ской землѣ собирать запасы. Силы поляковъ въ Русской землѣ были тогда немногочисленны и разрознены, но могли въ непродолжительное время значительно увеличиться, такъ какъ носились слухи, что въ Москву придетъ король съ сильнымъ войскомъ. Нужно было дѣйствовать рѣшительно, чтобы предупредить прибытіе короля и овладѣть столицею. Но Пожарскій еще медлилъ походомъ къ Москвѣ: сборъ ратныхъ людей изъ отдаленныхъ областей требовалъ значительнаго времени; многая рать черкасъ (малороссійскихъ казаковъ) прошла въ ту пору къ Антоньеву монастырю (близъ Краснаго Холма, 30 верстъ отъ Бѣжецка) и тамъ остановилась; Угличъ и Пошехонье заняли казаки. Съ Новгородской стороны пришли шведы и заняли Тихвинъ. Слѣдовательно Пожарскій не могъ спѣшить къ Москвѣ, долженъ былъ выяснить окружавшія его обстоятельства, обезпечить тылъ свой отъ казацкихъ шаекъ, разбойничавшихъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, и обезопасить себя отъ шведовъ, занимавшихъ Новгородъ и Тихвинъ. На черкасъ и казаковъ послали ратныхъ людей; шведовъ рѣшили занять переговорами на счетъ избранія на Московскій престолъ королевича Карла-Филиппа.

Наконецъ послѣ 26 іюля ополченіе начало собираться въ походъ отъ Ярославля, какъ открылся

заговоръ казаковъ Заруцкаго на жизнь Пожарскаго и послѣдній едва не погибъ отъ ножа убійцы. Случай этотъ показалъ князю и ополченію, что подъ Москвою ихъ ждали, подъ видомъ союзниковъ, тайные враги и низкіе убійцы. Но медлить походомъ было нельзя, такъ какъ приходили вѣсти о приближеніи къ Москвѣ Ходкевича, и необходимо было спасти дворянъ и боярскихъ дѣтей, находившихся подъ Москвою, отъ убійства казаковъ. Къ счастью, число заслѣднихъ подъ Москвою очень уменьшилось: Заруцкій съ преданными ему казаками покинулъ станъ, разгромилъ Коломну, взялъ находившуюся здѣсь Марину съ сыномъ и пошелъ на юго-востокъ къ степямъ, приволью казаковъ и самозванцевъ. Выдвинувъ впередъ два отряда, Пожарскій и召召 въ концѣ іюля выступили къ Москвѣ съ главнымъ ополченіемъ на Ростовъ и Троицкій монастырь. 20-го августа передъ вечеромъ войско прибыло къ Москвѣ и, не доходя 5 верстъ до нея, остановилось на рѣкѣ Яузѣ. Трубецкой нѣсколько разъ присылалъ звать Пожарскаго стать станомъ вмѣстѣ съ казаками, но Пожарскій и все ополченіе каждый разъ отвѣчали: „отнюдь не бывать тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ казаками". Трубецкой и казаки обидѣлись этимъ и вознегодовали, и такимъ образомъ подъ Москвою явилось два ополченія, пови-

димому, съ одною и тою же цѣлью, но существенно отличныя одно отъ другаго и по составу, и по духу, и другъ другу враждебныя. Земское ополченіе стало вдоль Бѣлогородской стѣны до Алексѣевской башни на Москвѣ-рѣкѣ; главное ядро его было у Арбатскихъ воротъ: тамъ стояли главныя силы Пожарскаго и Минина. Заложивши станъ, ратные люди окопали его рвомъ. Казаки занимали восточную и южную часть Бѣлаго-города и Замоскворѣчья, которое все нарочно было изрыто рвами, а во рвахъ должна была сидѣть казацкая пѣхота.

21-го августа Пожарскій узналъ о движеніи Ходкевича изъ Вязьмы къ Москвѣ, а вечеромъ этого дня гетманъ стоялъ на Поклонной горѣ. Чтобы преградить ему дорогу въ Кремль, ополченіе Пожарскаго стало на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, подлѣ Дѣвичьяго монастыря, а ополченіе Трубецкого — на правомъ у Крымскаго двора. Для атаки непріятеля во флангъ Трубецкой просилъ у Пожарскаго нѣсколько конныхъ сотенъ; послѣдній выбралъ и послалъ ему 5 лучшихъ сотенъ. На разсвѣтѣ 22-го числа Ходкевичъ перешелъ черезъ Москву-рѣку у Дѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго. Бой между ними продолжался отъ восхода солнца цѣлыхъ 7 часовъ и грозилъ окончиться неудачей для Пожарскаго. Послѣдній былъ

уже оттѣсненъ къ Чертольскимъ воротамъ и видя, что конница его была не въ состояніи бороться съ польскою, приказалъ ей спѣшиться. Но въ этомъ непривычномъ ей пѣшемъ строѣ она едва могла сдерживать натискъ поляковъ. Между тѣмъ Трубецкой бездѣйствовалъ и казаки его, стоявшіе на другомъ берегу, спокойно смотрѣли на битву и даже нагло ругались надъ ополченіемъ Пожарскаго. Однако головы присланныхъ Трубецкому 5-ти русскихъ конныхъ сотенъ не выдержали и безъ приказанія двинулись черезъ рѣку на выручку; примѣръ ихъ увлекъ и нѣкоторыхъ атамановъ Трубецкого. Прибытіе во время этихъ свѣжихъ войскъ рѣшило бой въ пользу Пожарскаго и Ходкевичъ отступилъ обратно къ Поклонной горѣ. Произведенная поляками въ этотъ день вылазка изъ Кремля была также отбита.

На другой день поляки произвели удачную вылазку изъ Китай-города, переправились черезъ Москву-рѣку и взяли русскій острогъ у церкви Св. Георгія (въ Яндовѣ), распустивъ на ея колокольнѣ польское знамя. Ходкевичъ въ этотъ день перешелъ къ Донскому монастырю, чтобы пробиться къ городу и провезти запасы въ Кремль по Замоскворѣчью черезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы. Трубецкой и Пожарскій располо-

жились въ этотъ день: первый—вдоль берега Москвы-рѣки, начиная отъ Лужниковъ (старыхъ), а одинъ казачій отрядъ его занималъ острогъ у церкви Св. Климента (па Пятницкой), второй же съ большею частью ополченія переправился на Замоскворѣчье. 24-го августа на разсвѣтѣ начался бой; казаки въ рѣшительную минуту опять отказались биться и ушли въ свой станъ. Положеніе Пожарскаго стало затруднительнымъ, но Авраамію Палицыну удалось уговорить казаковъ принять участіе въ битвѣ; общими силами ополченія и казаковъ и особенно благодаря смѣлой атакѣ Минина съ 3-мя дворянскими сотнями въ тылъ непріятеля Ходкевичъ былъ снова отбитъ и отступилъ на Воробьевы горы.

25-го августа, во вторникъ, восходящее солнце освѣтило уже отступленіе Ходкевича по дорогѣ къ Можайску и въ Москвѣ осталась лишь горсть поляковъ, осажденныхъ въ Китай-городѣ и Кремлѣ и отрѣзанныхъ отъ всѣхъ средствъ продовольствія. Оставалось только окончательно стѣснить ихъ и принудить къ сдачѣ.

Послѣ побѣды надъ литовскимъ войскомъ Пожарскій съ Трубецкимъ помирились, потому что первый, скромный и уступчивый, уступилъ первенство второму, какъ старшему по чину. Однако казаки все еще не ладили съ земскими людьми и не

давали покоя дворянамъ Пожарскаго; постоянно требовали жалованья и волновались въ случаѣ отказа, кричали, что побьютъ начальныхъ людей; едва между ними и дворянами не дошло до боя. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ явился на помощь русскому дѣлу архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій, умиротворившій казаковъ и тѣмъ водворившій согласіе между ополченіями. Съ этого времени рѣшено было вести осаду сообща и управлять дѣлами вмѣстѣ, съѣзжаясь для совѣщаній на Неглинной, на „Трубѣ“. Кремль и Китай-городъ были осаждены со всѣхъ сторонъ. 15-го сентября Пожарскій предложилъ полякамъ сдаться, обѣщая отпустить тѣхъ, которые захотятъ воротиться въ свою землю, а которые пожелаютъ вступить на русскую службу—принять въ нее. Но осажденные, все еще ожидавшіе возвращенія Ходкевича, дали гордый и грубый отвѣтъ на это, несмотря на то, что продовольственные запасы у нихъ приходили уже къ концу и имъ грозила голодная смерть. 22-го октября казаки взяли приступомъ Китай-городъ; но въ Кремлѣ поляки держались еще мѣсяцъ. Наконецъ, около 22-го ноября, осажденные въ Кремлѣ, доведенные голодомъ до послѣдней крайности, вступили въ переговоры, требуя только сохраненія имъ жизни, что и было обѣщано.

27-го ноября русскія ополченія собрались: Трубецкого—у церкви Казанской Божіей Матери за Покровскими воротами, а Пожарскаго—у церкви Іоанна Милостиваго, на Арбатѣ, и вслѣдъ за крестами и образами двинулись съ двухъ разныхъ сторонъ въ Китай-городъ въ сопровожденіи московскихъ жителей. Оба войска сошлись на Красной площади, у Лобнаго мѣста, и въ то время, когда архимандритъ Діонисій началъ служить благодарственный молебенъ, изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ показался крестный ходъ изъ Кремля. Послѣ молебна войско и народъ двинулись въ Кремль; обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ окончилось великое народное торжество освобожденія Москвы. Плѣнныхъ поляковъ разослали по разнымъ городамъ.

Вскорѣ, однако, пришла вѣсть въ Москву, что на Московское государство идетъ король Сигизмундъ съ сыномъ и находится уже въ Вязьмѣ. Серьезное опасеніе овладѣло воеводами за участь Московскаго государства, потому что почти всѣ ратные люди разъѣхались, а съ немногими оставшимися нельзя было разсчитывать ни на побѣду въ полѣ, ни на успѣшную оборону въ Москвѣ, за неимѣніемъ въ послѣдней достаточнаго продовольстія. Однако, несмотря на это, они рѣшились отразить непріятеля, и когда отрядъ

Жолкѣвскаго приблизился къ Москвѣ, то его встрѣтили мужественно и отбили. Сигизмундъ, имѣя лишь незначительныя силы, не разсчитывалъ овладѣть Москвою и рѣшилъ взять по крайней мѣрѣ Волоколамскъ (для чего именно—непонятно) приступомъ. Но осажденные, предводимые атаманами Марковымъ и Епанчинымъ, защищались съ такимъ упорствомъ, что отбили три жестокіе приступа съ большимъ урономъ для непріятеля. Видя и тутъ неудачу, король Сигизмундъ снялъ осаду и отступилъ въ Польшу.

Москва возликовала объ очищеніи государства отъ иноземнаго вторженія и отъ казаковъ Заруцкаго; послѣдній взялъ приступомъ Переяславль-Рязанскій, но былъ на-голову разбитъ Михаиломъ Бутурлинымъ и принужденъ окончательно бѣжать. 21-го декабря извѣщалось по всей Руси объ избавленіи Москвы, а вслѣдъ затѣмъ посланы были грамоты во всѣ города, чтобы отовсюду посылали въ Москву лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя. 21-го февраля 1613 года на земскомъ соборѣ единогласно провозглашенъ былъ царемъ *Михаилъ Өеодоровичъ Романовъ.*

ГЛАВА V.

Состояніе военнаго дѣла на Руси при царяхъ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ и Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ.—Составъ войскъ, ихъ одежда и вооруженіе.—Пограничная служба.—Иноземныя войска.—Внутреннее устройство русскихъ войскъ.—Характеръ веденія войнъ.—Первыя сочиненія по военному искусству: Воинская книга и Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ.

Наконецъ-то прекратилась жестокая междуусобная война Смутнаго времени, терзавшая Россію въ теченіе восьми лѣтъ. Въ заключеніе краткаго очерка военныхъ дѣйствій бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе военнаго дѣла въ Россіи въ эту печальную эпоху.

Военное устройство Московскаго государства во всѣхъ отношеніяхъ оставалось безъ измѣненія, на тѣхъ же началахъ, на которыхъ оно постепенно

Рис. № 1.

развивалось въ теченіе полутора вѣка, начиная съ Іоанна III, упрочилось и приняло болѣе законченную форму при Іоаннѣ IV Грозномъ. По смерти послѣдняго Борисъ Годуновъ и Василій Іоанновичъ Шуйскій старались дать русскимъ войскамъ европейское устройство; съ этою цѣлью первый принималъ въ русскую службу иноземцевъ, а второй издалъ переведенный съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ *Уставъ дѣлъ ратныхъ*. Но всѣ эти попытки, среди внутреннихъ смутъ и переворотовъ конца XVI и начала XVII столѣтія, не имѣли времени развиться и потому остались безъ всякихъ послѣдствій и успѣха.

Основною частью русскаго войска попрежнему было сословіе дворянъ и дѣтей боярскихъ, составившее многочисленный и лучшій родъ войска на Руси—конницу. Значительная часть ея, изъ московскихъ дворянъ и *жильцовъ* *), попрежнему находилась постоянно въ Москвѣ, составляя, вмѣстѣ съ конными стрѣльцами, царскій полкъ, простиравшійся отъ 18 до 20.000 человѣкъ. Въ составъ конницы входили также новокрещенные, князья и мурзы татарскіе, получившіе помѣстья, конные городовые казаки и конные даточные люди, набиравшіеся на

*) См. рис. №№ 1 и 2.

время войны съ тяглыхъ, а иногда и нетяглыхъ посадскихъ и съ крестьянскихъ дворовъ разныхъ вѣдомствъ, не исключая монастырскихъ и церковныхъ. Къ числу коннаго войска относилась и часть стрѣльцовъ, именно *стремянные* *). По свидѣтельству Маржерета, въ Москвѣ находилось до 10.000 стрѣльцовъ, которые составляли царскую гвардію. Отрядъ этотъ подчинялся одному воеводѣ, раздѣляясь на приказы, т.-е. роты, въ 500 человѣкъ каждая; ротой завѣдывалъ *голова*, сотнею—*сотникъ*, а десяткомъ—*десятникъ*. Когда Царь отправлялся за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 верстъ, большая часть стрѣльцовъ слѣдовала за нимъ на коняхъ изъ царской конюшни; по словамъ Маржерета, коней давали стрѣльцамъ и тогда, когда посылали ихъ на войну или для охраненія городовъ. Паерле въ своихъ запискахъ также упоминаетъ о конныхъ стрѣльцахъ; въ 1606 году 11-го мая, во время торжественнаго въѣзда въ Москву Марины Мнишекъ, онъ видѣлъ отрядъ въ 2.000 конныхъ стрѣльцовъ въ красныхъ суконныхъ кафтанахъ съ бѣлою на груди перевязью, съ луками и стрѣлами на одной сторонѣ и съ ружьями, привязанными къ сѣдлу, на другой **).

---

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ III, стр. 163.

**) Н. Устряловъ: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“; см. Записки Паерле.

Рис. № 2.

Что касается донскихъ казаковъ, явившихся въ составѣ русскаго войска въ половинѣ XVI вѣка, то отношенія къ нимъ московскаго правительства, установившіяся при Іоаннѣ IV и Θеодорѣ, измѣнились при Борисѣ Годуновѣ; послѣдній прекратилъ выдачу казакамъ жалованья, прервалъ всякія сношенія съ ними и запретилъ имъ пріѣздъ въ русскіе предѣлы и города. Слѣдствіемъ этого было то, что казаки до 1611 года дѣйствовали за одно съ самозванцами и врагами Руси. Но въ 1611 году они перешли на сторону ея защитниковъ, а въ 1612 году много способствовали освобожденію Москвы отъ поляковъ.

Составъ пѣхоты оставался прежній. Постоянную и притомъ лучшую часть ея составляли стрѣльцы; затѣмъ къ ней принадлежали пѣшіе городовые казаки и даточные люди.

Въ составѣ русскаго войска при Борисѣ Годуновѣ было, по свидѣтельству Маржерета, до 30 тыс. вспомогательныхъ войскъ татаръ, черемисъ и мордвы, отъ 3 до 4 тыс. черкасъ (малороссійскихъ казаковъ) и до 1.500 нѣмецкихъ, польскихъ и другихъ наемниковъ.

Размѣръ набора ратниковъ съ помѣстьевъ и вотчинъ при Борисѣ Годуновѣ былъ уменьшенъ.

Послѣ первыхъ значительныхъ военныхъ успѣ-

ховъ Лжедимитрія I и неудачъ царскаго войска, Борисъ Годуновъ, повелѣвъ собрать рать въ Калугѣ подъ начальствомъ князя Ѳедора Мстиславскаго, указомъ опредѣлилъ размѣръ набора ратниковъ на этотъ разъ и на будущее время вдвое меньшій сравнительно съ опредѣленнымъ уставомъ Іоанна IV, а именно—по одному конному ратнику съ доспѣхомъ и запасомъ съ каждыхъ 200 четвертей *угожей* земли. Тѣмъ же указомъ обязывались выставленіемъ на службу даточныхъ людей земли духовенства *). Относительно набора даточныхъ людей и срока службы ихъ попрежнему не было постоянныхъ правилъ и правительство руководствовалось дѣйствительною нуждой; не опредѣлялся также и возрастъ набираемыхъ; въ грамотѣ Василія Іоанновича Шуйскаго 1607 г. говорится только, чтобы даточные люди „были собою добры и молоды, и рѣзвы, и изъ луковъ или изъ пищалей стрѣляти были горазды **). Согласно той же грамоты 1607 года (въ Пермь) даточные люди должны приниматься въ службу не иначе какъ за поруками лучшихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей.

Наконецъ, въ составѣ русскаго войска находи-

*) Съ каждой четверти по два ратника, одинъ пѣшій, другой конный. См. Исторію Россіи соч. С. Соловьева, т. 8, стр. 50.

**) См. соч. И. Бѣляева: О русскомъ войскѣ.

лись иноземныя дружины. Первоначальное появленіе иноземныхъ войскъ на службѣ у московскаго правительства относится къ царствованію Θеодора Іоанновича и въ особенности Бориса Годунова. Послѣдній, сознавая превосходство западныхъ народовъ въ военномъ искусствѣ, охотно принималъ на службу всѣхъ способныхъ иностранцевъ: многіе изъ нихъ сами предлагали свои услуги русскому правительству въ надеждѣ пріобрѣсть сокровища въ богатой Московіи; другихъ *приговаривали* наши послы и торговые агенты за границей; остальные взяты изъ плѣнниковъ прежнихъ войнъ, преимущественно изъ ливонцевъ и поляковъ. Такъ возникла въ концѣ XVI вѣка иноземная дружина въ 2.500 человѣкъ. Она получала отъ казны значительное содержаніе денежными и помѣстными окладами и состояла въ вѣдѣніи своихъ капитановъ, въ числѣ которыхъ наиболѣе извѣстны французъ Маржеретъ и ливонецъ Вальтеръ фонъ-Розенъ. Димитрій самозванецъ избралъ изъ нея 300 лучшихъ нѣмецкихъ воиновъ, составилъ изъ нихъ 3 сотни или роты своихъ тѣлохранителей, однообразно и богато одѣтыхъ и вооруженныхъ. По воцареніи Василія Шуйскаго, иноземная дружина разсѣялась въ разныя стороны; а во время кровавой брани русскихъ за свободу отечества вожди народнаго ополченія отклоняли всѣ вы-

зовы иноземцевъ, желавшихъ вступить въ нашу службу, давая знать, что они болѣе ненадобны, что русскіе служатъ и бьются за вѣру и царство безъ жалованья и спасутъ свою отчизну безъ наемныхъ людей *).

Одежда русскихъ войскъ оставалась, конечно, безъ измѣненія и въ разсматриваемую эпоху. За это время имѣются болѣе опредѣленныя свѣдѣнія объ одеждѣ стрѣльцовъ. По свидѣтельству Паерле, они имѣли красную суконную одежду и бѣлыя берендѣйки (перевязь). Въ 1613 году, при вшествіи царя Михаила Ѳеодоровича, пѣшіе стрѣльцы были всѣ въ разноцвѣтной одеждѣ, совершенно похожей на ферезь, только съ отложнымъ назадъ воротомъ. Болѣе богатою была одежда *жильцовъ*, являвшихся въ чрезвычайныхъ случаяхъ при Дворѣ въ видѣ почетной стражи, въ числѣ отъ 50 до 100 и болѣе человѣкъ, и въ особенности *рындъ*. Первые въ этомъ случаѣ имѣли разноцвѣтные *терлики*, бархатные, объяринные и атласные, а на головахъ—шапки изъ золотой парчи съ мѣховымъ околышемъ;оружіемъ ихъ были *алебарды* и *протазаны*. Впослѣдствіи, при царяхъ Дома Романовыхъ, въ Москвѣ появился конный от-

---

*) Отвѣтъ князя Пожарскаго Эстону, Гилю и другимъ иностранцамъ въ августѣ 1612 г. Соч. Н. Устрялова: „Русское войско до Петра Великаго“.

Рис. № 3.

рядъ жильцовъ съ большими позади плечъ прикрѣпленными *крыльями* и вооруженный длинными копьями, у которыхъ вмѣсто употреблявшихся тогда прапорцевъ *) были прикрѣплены металлическіе драконы, золотые или вызолоченные **). Упомянутыя крылья, какъ говорятъ, состояли изъ орлиныхъ перьевъ, воткнутыхъ въ небольшіе брусочки, а эти послѣдніе держались на всадникѣ помощію кожаныхъ ремней или поясовъ, къ которымъ были прикрѣплены. Одеждою *рындъ* были турскіе кафтаны и ферези изъ камки, изъ парчи или изъ краснаго, чаще бѣлаго, бархата; нерѣдко подолъ и полы широко опушали горностаевымъ мѣхомъ. Принадлежностью наряда *рындъ* ***) была еще высокая бѣлая шапка изъ мѣха рысьей черевины и бѣлые сапоги.

Вооруженіе войскъ попрежнему состояло изъ предохранительнаго, холоднаго и метательнаго и было такъ же разнообразно, какъ и въ прежнее время. Въ началѣ XVII вѣка присутствіе въ русскихъ вой-

---

*) *Прапорцы*, или прапоры — копейные значки, бывшіе встарину въ большомъ употребленіи. Они дѣлались обыкновенно изъ камки, украшались разноцвѣтными и разнообразными изображеніями и походили на флюгера уланъ, только концы имѣли длиннѣе.

**) См. рис. № 1.

***) См. рис. № 3.

скахъ иноземныхъ дружинъ и усилившіяся въ это время наши сношенія съ Западомъ повели ко введенію въ составъ вооруженія русскихъ войскъ новыхъ образцовъ холоднаго оружія съ западною терминологіей послѣдняго. Однако подобное вліяніе нисколько не исключало прежнихъ образцовъ нашего вооруженія и новое холодное оружіе—*алебарда* и *протазанъ*—появляются спачала только въ вооруженіи жильцовъ. Алебардою называли широкое металлическое оружіе, въ видѣ топора или полулунія, насаженное на концѣ длиннаго древка, выкрашеннаго или обитаго сукномъ, атласомъ, часто бархатомъ. Протазаны состояли изъ такого же древка съ широкимъ глухимъ или прорѣзнымъ копьемъ. Протазаны имѣли всегда, а алебарды только иногда, шелковыя, серебряныя или золотыя кисти.

Каждый полкъ, попрежнему, имѣлъ особое знамя, носившее званіе полка (большого, правой руки, лѣвой и проч.). При Борисѣ Годуновѣ каждый воевода имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ кого-либо изъ святыхъ, носимое двумя или тремя ратниками.

Оружіе стрѣльцовъ состояло изъ *сабли*, *пищали* или *самопала* и *бердыша*. Часть пѣшихъ стрѣльцовъ состояла изъ *копейщиковъ*; послѣдніе были вооружены *копьями* и *мечами* и имѣли *желѣзную шапку*. Конные стрѣльцы были вооружены длин-

ными *самопалами* и *саадаками.* Стрѣльцы имѣли знамена въ каждой сотнѣ, и эти знамена назывались *сотенными* или *братскими.*

Особеннымъ богатствомъ одежды и вооруженія отличался нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей Димитрія Самозванца, раздѣленный на 3 роты, по 100 человѣкъ въ каждой. Первая рота, которою командовалъ Яковъ Маржеретъ, состояла изъ сотни копьеносцевъ, вооруженныхъ бердышами съ золотымъ гербомъ; древки, обтянутыя краснымъ бархатомъ, прикрѣпленнымъ вызолоченными серебряными гвоздями, были увиты серебряною проволокой и украшены серебряными и золотыми кистями. Этой сотнѣ черезъ каждые три мѣсяца производилось такое жалованье, что воины большею частію могли носить плащи бархатные, обшитые золотымъ позументомъ и вообще одѣваться весьма богато. Ливонецъ Кнутсенъ былъ капитаномъ второй роты алебардщиковъ; они имѣли алебарды съ царскимъ гербомъ по обѣимъ сторонамъ и носили кафтаны фіолетоваго цвѣта, обшитые красными бархатными шнурками, рукава же были изъ красной камки. Третьимъ капитаномъ былъ шотландецъ Альбертъ Вандеманъ; его отрядъ состоялъ также изъ сотни алебардщиковъ, которые оружіемъ не отличались отъ воиновъ второй сотни, но исподнее платье и кафтаны ихъ имѣ-

ли зеленую бархатную обшивку, а рукава были изъ зеленой камки *).

Въ вооруженіи русскихъ войскъ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ концѣ XVI или началѣ XVII вѣка, кромѣ *карабиновъ* и *пистолей* **), начали появляться *ручницы съ топорами* и *пистоли съ топорками*.

Что касается артиллерійскаго дѣла, то таковое въ разсматриваемую эпоху, конечно, не могло получить того развитія, которое имѣло оно въ царствованіе Грознаго и даже Θеодора Іоанновича. Однако производство орудій не прекращалось въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка. Хотя преемникъ царя Θеодора Борисъ Годуновъ интересовался болѣе литьемъ колоколовъ, нежели орудій, но и въ его царствованіе артиллерійская часть не останавливалась. Димитрій Самозванецъ, который, по сказанію современниковъ, былъ „на враги своя зѣло ополчителенъ и воинство зѣло любляше",—уже отдалъ приказаніе свозить съ кремлевскихъ стѣнъ весь нарядъ для какихъ-то праздничныхъ маневровъ, предупрежденныхъ, однако, бунтомъ 17 мая и, какъ бы въ память вниманія своего къ артиллерійскому дѣлу, ос-

---

*) Лѣтопись московская Мартина Бера. См. Н. Устрялова: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ".

**) См. „Русская военная сила", вып. III, стр. 176.

тавилъ по себѣ мортиру, изготовленную въ Москвѣ въ 1605 году мастеромъ Андреемъ Чеховымъ.

Въ бурное царствованіе Василія Шуйскаго русское артиллерійское дѣло, повидимому, не упадало. Такъ, въ 1606 году, когда Иванъ Болотниковъ укрѣпился въ Коломенскомъ, „воеводы,—разсказываетъ современникъ,—по острогу изъ пушекъ биша 3 дни и не могоша разбити, занеже въ земли учиненъ крѣпокъ, а отъ огненнаго бою укрывахуся подъ землю, ядра же огненныя утушаху яловичьими сырыми кожами. По семъ же взяша у нихъ языка и увѣдаша вся умышленія ихъ и коварства *и учиниша ядра огненная съ нѣкоторою хитростію, ихъ же погашати невозможно; но и самѣхъ убиваше ихъ, и тѣми огненными ядрами зажгоша острогъ у нихъ; они же оставивше острогъ побѣгоша*“ и проч.*). Въ 1609 году мѣдныя орудія отливались не только въ Москвѣ Пронею Өедоровымъ, но и въ Вологдѣ Иваномъ Москвитинымъ.

Однако слѣдуетъ замѣтить, что начало XVII столѣтія должно было тяжело отозваться на развитіи русскаго артиллерійскаго дѣла, по причинѣ бѣдствій и неурядицъ, сопровождавшихъ Смутное время Мос-

---

*) М. Д. Хмыровъ: „Артиллерія и артиллеристы въ до-Петровской Руси“.

ковскаго государства. Слѣды разоренія, постигшаго наше отечество въ бѣдственную эпоху самозванцевъ, не могли не отразиться и на состояніи артиллерійской техники, по крайней мѣрѣ относительно размѣровъ развитія ея, и если Россія въ началѣ XVII столѣтія обладала обширными средствами по артиллерійскому вооруженію, то, конечно, переданными ей еще съ конца XVI вѣка.

Въ заключеніе краткаго обзора состоянія вооруженныхъ силъ Московскаго государства въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка скажемъ нѣсколько словъ и о сторожевой пограничной службѣ. Служба эта отправлялась на основаніяхъ, данныхъ ей Іоанномъ Грознымъ. Въ царствованіе Бориса Годунова сторожи, станицы, засѣки и другія укрѣпленія были въ хорошемъ состояніи. Вѣсти изъ степей всегда приносились заблаговременно, украинскіе города постоянно охранялись сильнымъ войскомъ; царь имѣлъ чертежи не только пограничнымъ городамъ, но даже и засѣкамъ. Особенно заботясь объ укрѣпленіи границы со стороны крымскихъ татаръ, Борисъ Годуновъ построилъ новую крѣпость Борисовъ (въ 1600 году) на берегу Оскола, въ 14 верстахъ отъ Изюмской сторожи, вновь укрѣпилъ нѣкоторые города на ней, а укрѣпленія другихъ южныхъ пограничныхъ городовъ возобновилъ.

По смерти Бориса Годунова, во время самозванщины и междуцарствія, московскому правительству не время было думать объ Украйнѣ и ея укрѣпленіяхъ и только съ восшествіемъ на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича Романова сторожевая и станичная служба въ украинскихъ степяхъ мало-помалу опять получаетъ лучшее устройство.

О порядкѣ отправленія этой службы сторожами на пограничныхъ постахъ даетъ слѣдующую картину, въ своихъ запискахъ, Яковъ Маржеретъ: „Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ татарскихъ, русскіе поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя царскою, крымскою и путемъ великаго хана; сверхъ того изрѣдка растутъ одинокіе разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другого на 8, 10 и до 40 верстъ. По большей части при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожитъ на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланныхъ. Всадники смѣняются черезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова, садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ второго дерева, находясь на вершинѣ, уже издали

замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва пойметъ изъ словъ его или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля; а нерѣдко вмѣсто людей открывается конскій степной табунъ или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, оставшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища, тогда, съ прибытіемъ вѣстника, войско беретъ оружіе, а воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ русскіе полководцы узнаютъ иногда слѣдующимъ способомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями... по глубинѣ слѣда или по вихрямъ отдаленной пыли“ *).

Внутреннее устройство русскихъ войскъ: управленіе войскомъ въ мирное и военное время, содер-

---

*) Записки Маржерета. См. Н. Устрялова: „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“.

жаніе и продовольствіе войска, награды за службу и проч.,—оставалось и въ разсматриваемую эпоху на тѣхъ же началахъ, которыя установились при Іоаннѣ Грозномъ *).

Денежное содержаніе войска было установлено въ видѣ ежегодныхъ окладовъ еще при царѣ Ѳеодорѣ; въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка эти оклады жалованья значительно увеличены. Жалованье боярамъ, по словамъ Маржерета, простиралось отъ 500 до 1.200 руб., окольничіе получали отъ 200 до 400 руб.; стрѣльцы получали: *голова*—отъ 30 до 60 руб. и отъ 300 до 500 четв. земли въ помѣстье, *сотникъ*—отъ 10 до 12 руб., *десятникъ*—до 10 руб., а *стрѣлецъ*—4, 5 и до 7 рублей и кромѣ того по 12 четвертей ржи и столько же овса. Иноземные тѣлохранители при Борисѣ Годуновѣ получали отъ 12 до 60 руб. жалованья (а капитаны ихъ—до 120 рублей и земли отъ 600 до 1000 четвертей), при первомъ же самозванцѣ — отъ 40 до 70 руб. каждый сверхъ помѣстьевъ.

Вооруженныя силы Московскаго государства при царѣ Борисѣ достигали уже небывалой до сего цифры: въ 1598 году подъ Серпуховомъ, для похода противъ Крымскаго хана, было собрано до

*) См. „Русская военная сила“, выпускъ III.

500.000 пѣшихъ и конныхъ воиновъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Маржеретъ, основывая свое показаніе на словахъ иностранцевъ и русскихъ, бывшихъ на царскомъ смотру этой огромной рати. Войско это организовано было на упомянутыхъ выше началахъ. Борисъ Годуновъ, этотъ необыкновенно умный и просвѣщенный по тому времени государственный человѣкъ, сознавалъ необходимость болѣе тѣснаго сближенія Руси съ западной Европой и, повидимому, не чуждъ былъ стремленія дать русской вооруженной силѣ устройство болѣе схожее съ западно-европейскимъ. Начало тому онъ положилъ умноженіемъ числа иноземныхъ наемныхъ тѣлохранителей, оставшихся по смерти Іоанна IV и долженствовавшихъ образовать ядро русскаго войска, устроеннаго по западно-европейскому образцу. Но царствованіе его было слишкомъ кратковременно и, по смерти его, благія начинанія были безслѣдно поглощены 9-лѣтнимъ водоворотомъ Смутнаго времени самозванцевъ и междуцарствія.

Внутреннее устройство войскъ: начальствованіе и управленіе ими, соблюденіе въ нихъ военнаго порядка и проч., — бывшее и прежде, при *Грозномъ*, не вполнѣ удовлетворительнымъ, въ мрачную эпоху Смутнаго времени въ конецъ расшаталось. Особенно въ печальномъ состояніи находилось *военное началь-*

ствованіе и нравственное состояніе войскъ. Назначеніе воеводъ въ 5-ти и 3-хъ полковыя рати не по военнымъ способностямъ, достоинствамъ, опытности и заслугамъ ихъ, но по соображеніямъ Двора и боярскимъ, по извѣстному родословному старшинству бояръ, противорѣчило самымъ простымъ и естественнымъ условіямъ и требованіямъ военнымъ. Особенно безотрадно было нравственное состояніе русскихъ войскъ и ихъ предводителей, за небольшими исключеніями. Въ эти времена всеобщаго разслабленія нравовъ и нравственной заразы самозванства, предательства и измѣны въ войскѣ, какъ и въ народѣ, въ начальствуемыхъ и самыхъ начальствовавшихъ духъ своеволія, неповиновенія, малодушія не только колебалъ, но и разрушалъ внутреннія основы военнаго порядка и благоустройства ратей и уничтожалъ всякое значеніе многочисленности этихъ послѣднихъ и успѣховъ дѣйствій ихъ и должныхъ, и возможныхъ. Только народныя ополченія, подвизавшіяся въ 1612 году *за правду* и за свободу родной земли, поступали *по правдѣ* и сохранили неприкосновенными честь русскаго имени и оружія. Предводительство войсками было самое неискусное. Невѣжество главныхъ воеводъ, за рѣдкими исключеніями, въ военномъ дѣлѣ, въ сравненіи съ воеводами польскими, литовскими и осо-

бенно шведскими, знакомыми съ западно-европейскимъ военнымъ дѣломъ, поражаетъ почти во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ 8-лѣтней войны Смутнаго времени. Рядомъ съ мужественной, храброй и упорной обороной небольшими гарнизонами крѣпостей Троицкаго монастыря и Смоленска и удачными дѣйствіями нѣкоторыхъ небольшихъ отрядовъ въ полѣ, съ цѣлью отнятія у непріятеля укрѣпленныхъ пунктовъ, встрѣчаются весьма неискусныя дѣйствія 100-тысячныхъ ратей при осадѣ даже небольшихъ городовъ. Эти огромныя рати, долго собиравшіяся подъ знамена неискусныхъ воеводъ для похода, быстро исчезали при малѣйшей неудачѣ въ полѣ, малодушно и постыдно обращали тылъ и бѣжали въ свои города и помѣстья, бросая оружіе и орудія, знамена, запасы и обозы. Военныя дѣйствія въ полѣ вообще были болѣе или менѣе медленны, вялы, нерѣшительны и боязливы; дѣйствій противъ укрѣпленныхъ городовъ было болѣе, нежели дѣйствій противъ войскъ въ полѣ, а осадъ болѣе, нежели полевыхъ сраженій, изъ которыхъ большая часть была случайная, не преднамѣренная. Поэтому и вся война имѣла характеръ преимущественно войны крѣпостной и осадной, либо партизанской— отдѣльными отрядами.

Образъ и характеръ веденія войны вообще былъ

самый неправильный, безпорядочный, неизобличающій никакого искусства и притомъ, по грубости и жестокости нравовъ времени, соединенный съ истинно-варварскими грабежомъ и разореніемъ городовъ и селеній, избіеніемъ и плѣненіемъ жителей, сожженіемъ городовъ, ихъ предмѣстій и посадовъ.

Однако изъ приведеннаго изображенія войны Смутнаго времени были конечно исключенія, изобличавшія, болѣе или менѣе, искусство воеводъ въ соображеніяхъ и исполненіи военныхъ предпріятій, рѣшительность, силу дѣйствій, твердость, мужество, храбрость и многія военныя добродѣтели со стороны войскъ и ихъ предводителей. Но этихъ исключеній было мало и они тѣмъ рѣзче, ярче и отраднѣе выдѣляются изъ большинства остальныхъ военныхъ дѣйствій. Достойная удивленія геройская оборона Троицкой лавры останется на вѣки незабвенною въ русской народной памяти, на ряду съ Куликовскою битвой, осадою и взятіемъ Казани и не менѣе геройскою обороною Пскова, какъ самый свѣтлый и отрадный памятникъ преданности вѣрѣ и любви къ отечеству, среди мрачныхъ явленій постыднѣйшихъ предательства и измѣны; мужественная и продолжительная оборона Смоленска доблестнымъ воеводою Шеинымъ, военныя дѣйствія Пожарскаго и молодого талантливаго Скопина-Шуйскаго состав-

ляютъ свѣтлыя страницы въ исторіи Смутнаго времени Русскаго государства.

Въ заключеніе обзора военныхъ событій разсматриваемой эпохи считаемъ небезъинтереснымъ привести краткія свѣдѣнія о появившихся въ Россіи, въ эту же эпоху, первыхъ военныхъ сочиненіяхъ.

Къ числу причинъ многихъ неудачъ военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ слѣдуетъ отнести, какъ упомянуто было выше, невѣжество въ военномъ искусствѣ воеводъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, сравнительно съ воеводами иноземными, въ особенности шведскими, и вообще — полное незнакомство русскихъ войскъ этой эпохи съ основами военнаго дѣла. Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій и князь Скопинъ понимали этотъ важный недостатокъ русскаго войска и каждый изъ нихъ старался ввести мѣры для лучшаго устройства и образованія его. Князь Скопинъ-Шуйскій во время невольнаго болѣе чѣмъ двухмѣсячнаго бездѣйствія подъ Калязиномъ занялся строевымъ обученіемъ своихъ войскъ при посредствѣ шведа Сомме, который ежедневно обучалъ русскія войска по правиламъ, введеннымъ въ Нидерландахъ принцемъ Морицомъ Нассаускимъ, всѣмъ движеніямъ и дѣйствіямъ въ бою и на войнѣ, въ примѣрныхъ бояхъ показывалъ имъ какъ владѣть оружіемъ, копать подступные рвы, ус-

травивать окопы и какимъ образомъ обращаться при дѣйствіяхъ малой войны. Царь Василій Шуйскій, съ цѣлью распространенія въ войскѣ техническихъ и теоретическихъ знаній по военному дѣлу, приказалъ перевести съ нѣмецкаго *Воинскую книгу*. Она заключаетъ въ себѣ довольно подробное изложеніе о приготовленіи пороха, *сирѣчь зелія для стрѣлянія*, дѣланіе котораго объяснено просто, безъ точныхъ пропорцій составныхъ частей его, съ искаженными химическими названіями; впрочемъ все это описано достаточно вѣрно, чтобы приготовить порохъ годный къ употребленію. Здѣсь помѣщены также необходимѣйшія правила, какъ стрѣлять изъ пушекъ и пищалей *).

Еще бóльшаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе подъ заглавіемъ „*Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій въ 663 указахъ или статьяхъ. Въ государствованіе царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Θеодоровича, всея Россіи самодержцевъ, въ 1607 и 1621 годахъ вы-*

---

*) *Воинская книга* переведена, по повелѣнію царя Василія Іоанновича Шуйскаго, придворными нѣмецкими переводчиками Михайломъ Юрьевымъ и Иваномъ Θоминымъ. Рукопись хранится въ Импер. Публ. Библ. См. Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ. Соч. лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка поручика Обручева.

бранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ. Рукопись эта была найдена въ Москвѣ, въ Мастерской и Оружейной палатѣ въ 1775 году, и издана *„подъ смотрѣніемъ ассессора Рубана“* въ 1777 и 1781 годахъ.

Сочиненіе это чрезвычайно интересно во всѣхъ отношеніяхъ. По содержанію его можно сказать, что если оно было написано не для регулярнаго войска, то для людей уже достаточно свыкшихся съ военнымъ дѣломъ. Правила, изложенныя въ сочиненіи, вполнѣ даютъ понятіе о тогдашнемъ способѣ веденія войнъ. Такъ какъ онѣ состояли изъ походовъ, предпринимавшихся большею частію для защиты или осады какого-нибудь города, рѣдко имѣли цѣлью вступить въ непосредственный бой въ полѣ, то и главное вниманіе въ этомъ сочиненіи обращено на правила, касающіяся похода войска и осады городовъ. Походныя движенія того времени сопряжены были съ чрезвычайными затрудненіями, по многочисленности обозовъ, находившихся при войскахъ; причина многочисленности обозовъ происходила отъ того, что рать, выступая въ походъ, забирала съ собой и везла все необходимое для осады города: многочисленную артилерію и множество разнаго рода запасовъ; даже часть оружія возилась на повозкахъ. Въ первыхъ статьяхъ Устава и

даны указанія, какъ слѣдовать этимъ обозамъ во время переходовъ и какъ устраивать ихъ въ случаѣ нападенія непріятеля или прихода войскъ на мѣсто отдыха. Обозъ слѣдовалъ не сзади арміи, а непосредственно съ войсками; войско двигалось между двухъ линій повозокъ, такъ что, въ случаѣ нападенія непріятеля, оно останавливалось и устраивало изъ нихъ четыреугольникъ или полукругъ, смотря по удобству мѣстности.

Такимъ образомъ въ Уставѣ преподаны общія правила объ устройствѣ продолговатаго и полукруглаго обоза, *какъ ево около становъ устроити*, какъ слѣдовать войску *въ недружной странѣ просторными, низкими и тѣсными землями.*

Далѣе идутъ наставленія объ устройствѣ войска для боя. Прежде всего нужно было хотя нѣсколько ознакомить вновь собранную армію съ тѣмъ видомъ строя, въ какомъ ему могло прійтись сражаться; для сего заранѣе избирался какой-нибудь примѣрный порядокъ, сообразуясь съ многочисленностью и вооруженіемъ войска; а чтобы каждый зналъ свое мѣсто, въ *станѣхъ* или лагеряхъ предписывалось дѣлать *всполохи* и пріучать людей дѣйствовать въ строю.

Нѣсколькими статьями Устава опредѣлялись общія обязанности главныхъ войсковыхъ начальни-

ковъ, а равно и качества, которымъ они должны были удовлетворять; отъ нихъ требовались: искусство въ военномъ дѣлѣ, благоразуміе, опытность, добросовѣстность и снисходительность къ подчиненнымъ. Главнымъ начальникомъ въ войскѣ (главнокомандующимъ) былъ *воевода большого полка*. Онъ былъ главнымъ мыслителемъ и распорядителемъ въ войскѣ; отъ него зависѣлъ весь ходъ войны. *„И такой воевода имѣетъ у Государя свое мѣсто, полную власть и мочь надъ всѣми воинскими людьми,... какъ бы въ войскѣ Государь самъ тутъ при рати есть“* (статья 8-я Устава). *„Подъ воеводою полную власть и мочь надо всѣми полки, во всякихъ мѣрахъ“* имѣлъ *полковой или всего воинства маршалекъ*; ему принадлежала власть распорядительная, соотвѣтственно планамъ воеводы большого полка; этотъ войсковой чинъ по обязанностямъ, на него возлагавшимся, былъ въ родѣ начальника штаба. Ему подчинялся *большой окольничій*, на которомъ лежала часть исполнительная; къ его обязанности относилось между прочимъ: выборъ мѣста для стана, распредѣленіе полковъ въ станѣ (*„какъ въ которомъ мѣстѣ чьему стану быти, укажетъ окольничій, и тому такъ и быть*, ст. 13-я), разстановка сторожей и посылка *„добрыхъ конныхъ вѣстовщиковъ дозирати всѣхъ мостовъ и стежекъ“* и пр. *Боль-*

шой воинскій приставъ завѣдывалъ интендантскою частью, заботился о военныхъ потребностяхъ арміи и о доставленіи запасовъ для продовольствія войскъ.

Относительно *полкового маршалка* слѣдуетъ замѣтить, что званіе это встрѣчается только въ одномъ этомъ Уставѣ и очевидно заимствовано съ иностраннаго; въ послѣдующихъ переводныхъ сочиненіяхъ (позднѣйшей эпохи) оно болѣе не встрѣчается. Да едва ли чинъ этотъ когда-либо и существовалъ въ войскѣ; штабъ нашихъ ратей состоялъ изъ дьяковъ разрядныхъ, находившихся съ одной стороны въ вѣдѣніи воеводы, а съ другой — въ непосредственной зависимости отъ Разряда.

О боѣ въ Уставѣ говорится мало; въ немъ особенное вниманіе обращено на то, чтобы войска постоянно сохраняли порядокъ, преимущественно же при отступленіи. Это показываетъ, что и въ то время понимали всю трудность отступленія, облегчить которое можно только поддерживая въ рядахъ порядокъ.

Далѣе идутъ указы, *какъ въ осадѣ въ городѣхъ сидѣти*. Они состоятъ изъ простыхъ наставленій, какъ предохранять себя отъ нечаянныхъ нападеній, высылая вѣстовщиковъ и лазутчиковъ, въ какое время выходить изъ города *въ загонъ на добычу*, какъ дѣ-

лить ее и, наконецъ, какъ производить вылазки во время самой осады.

Главную часть сочиненія составляютъ указы *о взятіи городовъ или посадовъ и о пушкарскомъ дѣлѣ.*

Войско, приходя къ городу, облегало его со всѣхъ сторонъ, окапывалось лагеремъ, разставляло батареи и открывало траншеи или, какъ говорили тогда, *вело шанцы.* Поэтому и указы относятся преимущественно къ осаднымъ работамъ и къ производству стрѣльбы. Первые изложены въ подробности и согласны съ правилами, какія для сего существовали въ западной Европѣ. Статьи, содержащія въ себѣ правила стрѣльбы и показывающія способы измѣрять разстоянія, не ясны. Въ числѣ этихъ же указовъ приведены описанія различныхъ пушекъ и пищалей, въ то время употреблявшихся, а также приготовленія различнаго рода снарядовъ и между прочимъ *ядра, которое попрядывало бы.* Снарядъ этотъ напоминаетъ картечную гранату: брали ядро пустое внутри и сыпали въ него на каждый фунтъ пороха *по горсти крупнаго дробу,* наполняли его такимъ образомъ до верху, вставляли въ отверстіе трубку съ особымъ составомъ, зажигали ее, вкладывали снарядъ какъ можно скорѣе въ орудіе и стрѣляли *по полковымъ людямъ и*

шанцамъ, причемъ замѣчаютъ, что подобныя ядра *великій вредъ и тревогу чинили.*

Въ этомъ же отдѣлѣ сочиненія въ нѣсколькихъ указахъ изложены обязанности пушкарскаго головы, Пушкарскаго приказа и самихъ пушкарей.

Въ нѣсколькихъ указахъ говорится о веденіи подкоповъ и о томъ, какъ узнавать, гдѣ ведетъ подкопы непріятель. Далѣе—объ устройствѣ и содержаніи оружейнаго дома, а въ немъ всякаго рода оружія и запасовъ, также о всякихъ чинахъ мастеровыхъ людей.

Наконецъ, въ послѣднихъ статьяхъ подробно изложено приготовленіе селитры, сѣры, угля и дѣланіе самаго пороха. Здѣсь же указано, между прочимъ, приготовленіе различныхъ *огненныхъ хитростей*, напримѣръ приготовленіе *самопальнаго пороха, который бы громко и прытко грянулъ* (подмѣшивая для сего къ четыремъ частямъ пороха одну часть сушеныхъ и истолченныхъ листьевъ травы Медвѣжье ухо), или—*какъ чинити омальчивую стрѣльбу, которая не гремитъ*, и пр.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе этого во многихъ отношеніяхъ интереснаго сочиненія *); ко-

---

*) Общій очеркъ содержанія этого сочиненія заимствованъ изъ I части этого сочиненія (указы 1—210) изд. 1777 года и сочиненія л.-гв. Измайловскаго полка поручика Обручева: „Обзоръ рукопис-

нечно, на сочиненіе это нельзя смотрѣть какъ на теоретическое руководство по военному искусству, которымъ бы пользовались наши предки для военнаго образованія, но оно имѣетъ значеніе какъ древнѣйшій памятникъ по этому предмету, до-нынѣ сохранившійся, и какъ свидѣтельство, что уже въ разсматриваемую эпоху потребность въ нѣкоторыхъ техническихъ и теоретическихъ свѣдѣніяхъ сдѣлалась весьма ощутительной. Да и нельзя было и ожидать большой пользы отъ военныхъ сочиненій въ то время, когда у насъ не было постояннаго войска. Собираясь только по временамъ, въ минуту потребности, войско едва успѣвало нѣсколько привыкнуть къ тому строю, который ему назначали воеводы. Кромѣ того, вслѣдствіе неграмотности громаднаго большинства начальниковъ того времени, подобное сочиненіе если и могло имѣть нѣкоторое значеніе какъ руководство по военному искусству того времени, то для весьма ограниченнаго числа воеводъ, которые обходились и безъ него, руководствуясь собственною смѣтливостью и навыкомъ въ военномъ дѣлѣ, коими отличались многіе изъ нашихъ воеводъ.

И. Х—въ.

ныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ.

УКАЗАТЕЛЬ

сочиненій, служившихъ источниками при составленіи III и IV выпусковъ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ—*Сергѣя Соловьева.*
Исторія государства Россійскаго—*Карамзина.*
Повѣствованіе о Россіи—*Арцыбашева.*
Русская военная исторія—князя *Н. С. Голицына.*
Царственная книга, изданія 1769 года.
Сказанія князя Курбскаго—*Н. Устрялова.*
Исторія военнаго искусства въ Россіи отъ начала Руси до царствованія государя Алексѣя Михайловича. См. „Военный Журналъ“ 1856 года, №№ I и III.
Оборона Пскова 1581—1582 гг.—*М. Богдановича.* См. „Военный Журналъ“ 1854 года, № 5.
Покореніе Сибири—*Павла Небольсина.*
О Русскомъ государствѣ—*Флетчера.*
Записки о Московіи барона Герберштейна—переводъ *И. Анонимова.*
Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, т. I—*Н. Костомарова.*
Исторія Смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка—*Д. Бутурлина.*
Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ—*Н. Устрялова.*
Рукопись Жолкѣвскаго, изданная *Павломъ Мухановымъ.*

Мининъ и Пожарскій, прямые и кривые въ Смутное время— *И. Забѣлина.*

Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ— *Висковатова.*

О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ него, до преобразованій, сдѣланныхъ Петромъ Великимъ—*И. Бѣляева.*

О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской украинѣ Московскаго государства до царя Алексѣя Михайловича—*его же.*

Артиллерія и артиллеристы въ до-Петровской Руси — *М. Д. Хмырова.* „Артиллерійскій Журналъ" 1865 г., № 9.

Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея, часть I—*Н. Е. Бранденбурга.*

Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи — *Ѳ. Ласковскаго.*

Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ— л.-г. Измайловскаго полка поручика *Обручева.*

Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки, состоящій въ 663 указахъ, или статьяхъ, въ государствованіе царей и великихъ князей Василія Іоанновича Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича, всея Русіи самодержцевъ, въ 1607 и 1621 годѣхъ выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ. Часть I.

Акты Археографической экспедиціи, томъ I (къ III выпуску).

Древняя Россійская Вивліоѳика, части XIII и XIV (тоже).

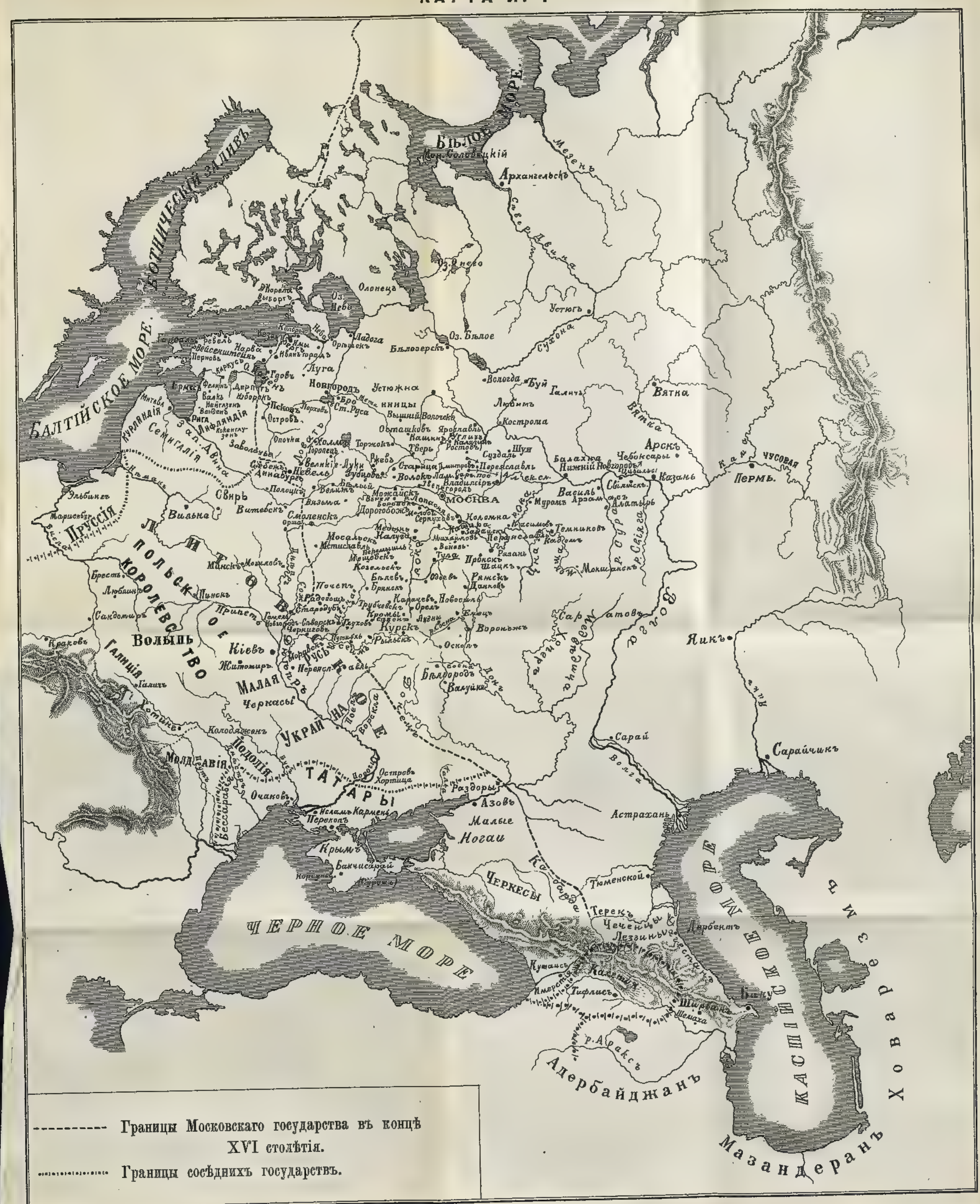
ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Глава II.

Глава III.

КАРТА № 4

БѢЛОЕ МОРЕ
Мон. Соловецкій
Архангельскъ
Мезень
Сѣв. Двина
БОТНИЧЕСКІЙ ЗАЛИВЪ
БАЛТІЙСКОЕ МОРЕ
Оз. Онего
Олонецъ
Оз. Нево
Выборгъ
Ладога
Оз. Бѣлое
Бѣлозерскъ
Устюгъ
Сухона
Вологда
Буй
Галичъ
Вятка
Любимъ
Кострома
Ярославль
Новгородъ
Устюжна
Псковъ
Островъ
Нарва
Ревель
Рига
Лифляндія
Курляндія
Семигалія
Зап. Двина
Торжокъ
Тверь
Старица
Ржевъ
Суздаль
Шуя
Переяславль
Владиміръ
Балахна
Нижній Новгородъ
Чебоксары
Арскъ
Казань
Свіяжскъ
Кама
ЧУСОВАЯ
Пермь
Москва
Можайскъ
Коломна
Рязань
Муромъ
Касимовъ
Темниковъ
Алатырь
Мокшанскъ
Смоленскъ
Вязьма
Дорогобужъ
Витебскъ
Полоцкъ
Невель
Великія Луки
Свирь
Вильна
Минскъ
Пинскъ
Брестъ
Люблинъ
Сандомиръ
Краковъ
ПРУССІЯ
ЛИТОВСКОЕ
ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Волынь
Галиція
Галичъ
Хотинъ
Кіевъ
Житоміръ
Малая
Черкасы
Калуга
Тула
Мценскъ
Орелъ
Кромы
Курскъ
Рыльскъ
Путивль
Брянскъ
Карачевъ
Новосиль
Елецъ
Воронежъ
Оскол
Бѣлгородъ
Валуйки
Донъ
Саратовъ
Волга
Яикъ
Сарай
Сарайчикъ
Астрахань
Азовъ
Малые Ногаи
Раздоры
Украйна
ТАТАРЫ
Очаковъ
Подолія
Молдавія
Бессарабія
Крымъ
Бакчисарай
Перекопъ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЧЕРКЕСЫ
Тюменской
Терекъ
Чеченцы
Лезгинцы
Дербентъ
Кутаисъ
Имеретія
Кахетія
Тифлисъ
Ширвань
Шемаха
Баку
р. Араксъ
Адербайджанъ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Мазандеранъ
Хоразмъ
Границы Московскаго государства въ концѣ XVI столѣтія.
Границы сосѣднихъ государствъ.

НИЖЕГОРОДСКАЯ КОНТОРА

первагo и единственнаго на Волгѣ спирто-ректификацiоннаго завода
съ настоящимъ аппаратомъ „SAVALLE“

А. В. ДОЛГОВА.

Въ опровержeнiе разныхъ ложныхъ толкованiй, появившихся въ печати о нашемъ винѣ, имѣетъ честь предложить вниманiю почтеннѣйшей публики, что на

ВСЕМІРНОЙ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ 1889 ГОДА,

гдѣ были спиртовыя произведенiя отъ 1,200 заводчиковъ, изъ разныхъ частей свѣта, **единственная въ Россiи присуждена была заводу нашему**

ВЫСШАЯ НАГРАДА

„GRAND-PRIX“

за высокое качество спирта и вина, которые признаны экспертами всего мiра—первыми въ Россiи, а вторыми въ мiрѣ.

При чемъ контора завода покорнѣйше проситъ обращать вниманiе на клейма пробокъ.

ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЮТСЯ

№№ 30 и 40.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ВНИМАНІЮ ГГ. ВОЕННЫХЪ.

Главный складъ извѣстной Ростовской н/Д. табачной фабрики

Поставщика Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича

Я. С. КУШНАРЕВА,

МОСКВА, НИКОЛЬСКАЯ, ДОМЪ АЛЕКСѢЕВА.

Имѣетъ честь извѣстить гг. военныхъ, что фабрика его изготовляетъ для гг. любителей табакъ и папиросы: **„Любительскія по особому заказу"** исключительно для розничной продажи, безъ всякой скидки, постоянно свѣжія и высокаго качества. Превосходное качество табачныхъ издѣлій фабрики Я. С. Кушнарева достаточно извѣстно курящей публикѣ.

Особенно рекомендуются:

Папиросы изъ чистаго турецкаго табаку и настоящей французской бумаги.

„ВЕЛОСИПЕДЪ КЛУБЪ"	100 шт.	1 р.	— к.
„МОНОПОЛЬ" Нонъ-Плюсъ-Ультра „Цвѣточныя"	100 „	— „	80 „
„ТУРЕЦКІЯ" съ длинными мундштук.	100 „	— „	60 „
„ВОЕННЫЯ" „ „ „	100 „	— „	50 „

По требованію гг. военныхъ товаръ можетъ быть высланъ наложеннымъ платежемъ, почтою или транспортными конторами; при выпискѣ не менѣе 10 фун. табаку пересылку складъ принимаетъ на свой счетъ.

При выпискѣ товара клубами, офицерскими собраніями, военными госпиталями дѣлается фабричная скидка.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Требованія прошу адресовать: *Москва, Никольская, д. Алексѣева—И. С. Зографиди.*

Представитель фабрики ***И. Зографиди.***

ПРИМѢЧАНІЕ. Настоящій табакъ „любительскій по особому заказу" приготовляется въ полуфунтовыхъ помѣщеніяхъ, на этикетахъ которыхъ значится „Москва, Никольская, д. Алексѣева".

